

**Институт философии, политологии и права имени А. Баховадинова
Академии наук Республики Таджикистан**

ХОЛМУРОВОВА ЗАРРИНА ИСМОИЛОВНА

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ИРАНА И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Специальность: 23.00.04 – Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития**

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата
политических наук

**Научный руководитель:
доктор политических
наук, профессор
Махмадов А.Н.**

ДУШАНБЕ – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИРАНА И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА	16
1.1. Исторические и социокультурные связи Ирана со странами Центральной Азии.....	16
1.2. Влияние межгосударственных отношений на политические процессы в центральноазиатском регионе.....	50
ГЛАВА II. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИРАНА И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	68
2.1. Взаимоотношение Ирана с центрально-азиатскими странами и его значение в обеспечение стабильности региона.....	68
2.2. Стремления Ирана и других государств по вопросу лидерства в Центральной Азии.....	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	139

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях углубляющегося процесса глобализации геополитические устремления многих развитых современных государств, в определенной степени, усиливаются. В связи с этим, некоторые субъекты международных отношений целенаправленно расширяют свое влияние на различные государства и регионы, учитывая их геополитические и геостратегические значения. Совершенно очевидно, что любое государство, независимо от своего географического месторасположения и уровня развития, всегда нуждается во внешней помощи и сотрудничестве с другими странами.

В создавшейся современной обстановке, мировая политика находится в поиске эффективных путей межгосударственного сотрудничества. При этом зачастую абсолютное большинство стран в процессе налаживания отношений с другими, прежде всего, делают акцент на защиту своих национальных интересов. Данный вопрос стал особо актуальным после распада Советского Союза, когда изменилось соотношение сил в мире. Все постсоветские суверенные государства, в зависимости от своего геополитического значения, постепенно превратились в арену столкновения интересов мировых держав. В таком положении оказались и страны Центральной Азии, поскольку данный регион по своей геополитической значимости принадлежит к числу наиболее «популярных» территорий земного шара.

На этой основе, не только Иран и Россия, но и Западные страны заинтересованы укрепить свои позиции в Центральной Азии. Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах Иран и Россия имеют полное право направить все свои усилия на то, чтобы упрочить своё присутствие в регионе, так как это способствует обеспечению здесь стабильности, а также обеспечивает защиту их национальных и государственных интересов.

В этом плане исследование проблемы влияния Исламской Республики Иран на происходящие политические процессы в постсоветском центрально-азиатском регионе имеет большое научно-практическое значение. Естественно, что Иран, как самое развитое теократическое государство в Азии, должен усилить в этом регионе свои позиции и присутствие, прежде всего, чтобы обеспечить безопасность своего режима.

Важно подчеркнуть, что Иран, с точки зрения экономического развития, имеет мощный потенциал, который может усилить его влияние на страны региона. Как показывает практика, Иран, несмотря на свои экономические возможности, старается наладить добрососедские и взаимовыгодные отношения со всеми странами региона, особенно с Республикой Таджикистан, так как их связывают общее социально-историческое прошлое, языковая и духовно-культурная особенности. С другими государствами региона (например, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан) его отношения имеют несколько стабильный характер.

Существенное значение также имеет исследование ирано-российского сотрудничества по Центральной Азии, которое относится к категории нормальных двусторонних отношений. Хотя некоторое время, в связи с ядерной программой Ирана и изменением отношения членов Совбеза ООН к этой стране по этому вопросу, произошли некоторые корректировки не партнёрского содержания в их связях. Однако это не означает, что эти отношения ухудшились, и, происходящие в Сирии события, опять сблизили РФ и ИРИ почти до уровня союзников. От того, как будет развиваться политика Ирана в регионе, смогут ли власти Ирана должным образом реагировать на существующие и вновь возникающие вызовы и угрозы, в немалой степени зависят перспективы сохранения России в роли одной из ведущих региональных и мировых геополитических держав.

Решение этих задач также не представляется возможным и без детального исследования кавказской региональной политики Ирана в рамках современных геополитических отношений, поэтому определение ее насущных проблем и перспектив развития является весьма актуальным в анализе взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии.¹

Также актуально определить состояние и перспективы взаимоотношений Ирана и стран центрально-азиатского региона, в условиях, когда США стремятся усилить здесь свое влияние, что явно противоречит национальным интересам ИРИ. При таких обстоятельствах Ирану, конечно же, необходимо позаботиться о стабильности и мире в регионе. Ситуация осложняется тем, что в этой игре активно участвует Турция, которая вместе с Ираном - это государства, которые борются за лидерство в данном регионе.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы, связанные с внешней политикой ИРИ, ее приоритетов, а также определения роли и значения этого государства в налаживании эффективных способов сотрудничества с постсоветскими государствами, в частности стран Центральной Азии, в современной политической науке относятся к числу исследуемых и особо актуальных. Они активно разрабатываются в рамках таких дисциплин, как история, геополитика, конфликтология, социология и др., что указывает на высокую степень актуальности этой проблемы.

Имеющуюся научную литературу по данной проблеме можно классифицировать следующим образом:

Первую группу составляют труды, Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, Л.Г. Дугина, П. Кальвокоресси, П.А. Цыганкова и других,² имеющие

¹ Драганова А. геополитические интересы современного Ирана в кавказском регионе//Автореф. дис... канд. полит.наук. - Пятигорск, 2001. - С. 3.

² Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в 3-х томах. - М., 2001; Бажанов И. И. Современный мир. - М., 2004; Богатуров А.Д., Косолапов И.Л. Очерки теории и политического анализа международных отношений. - М., 2002; Дугин Л.Г. Основы геополитики. - М., 2000; Питер Кальвокоресси. Мировая политика после 1945 года. В двух книгах. - М., 2000; Цыганков П.А. Теория международных отношений : Учебное пособие. - М., 2002.

несомненную значимость для осмысления основ теории развития внешней политики Ирана. Исследования этих авторов позволяют лучше понять сущность происходящих тенденций и изменений в международных отношениях, с учетом которых строилась и осуществлялась внешняя политика Ирана по отношению к центрально-азиатским государствам.

Работы современных российских исследователей, которые посвящены изучению геополитических аспектов исследования проблемы можно отнести к второй группе. Это публикации Абакарова А.Т., Белашова И.И., Богатова М.Ю., Галича Я.В., Пака Ч.К., Пугиева Т.Н., Сидоркина С.А., Эжиева И.Б.³, где данная проблема анализируется в ракурсе геополитических интересов России на Кавказском регионе.

К третьей группе относятся исследования, посвященные именно геополитическим интересам Исламской Республики Иран. В этом направлении особую ценность представляют разработки Маркедонова С., Драганова А., Алиева С.А., Агаева С.М., Авксентьева В., Арухова З., Малышевой Д., Лукояновой М. и др. В них авторы осуществляют индивидуальный подход к анализу различных аспектов проблемы, места, роли и влияния Ирана на Кавказском регионе.⁴

³Абакаров А.Т. Геополитические интересы Российской Федерации в Каспийском регионе как фактор политического процесса на Юге России//Дис. ... канд. полит.наук. - Махачкала, 2007; Белашов И.И. Геополитические интересы в структуре современного политического процесса //Автореф. дис.... канд. полит. наук. - Ставрополь, 2004; Богатов М.Ю. Геополитические аспекты формирования международных транспортных коридоров в новой модели мира//Дис. ... канд. полит.наук. - Чита, 2006; Галич Я.В. Геополитический компонент регионального политического процесса на Северном Кавказе//Дис. ... канд. полит. наук. - Невинномысск, 2009; Пак, Ч.К. Геополитические проблемы в отношениях Российской Федерации со странами Центральной Азии//Дис.... канд. полит. наук. - М., 2009; Пугиева Т.Н. Экологическая безопасность в системе национальных приоритетов современной России//Дис. ... канд. полит. наук. - Ставрополь, 2008; Сидоркин С.А. Геополитические стратегии России и США. Сравнительный анализ: 1989-2009 гг.//Дис. канд. полит. наук: - М., 2009; Эжиев, И.Б. Геополитические процессы в Каспийском регионе в 90-е гг. XX - начале - XXI в.//Дис. ... канд. полит. наук. - М., 2005.

⁴Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем: (Пути и формы рев. процесса). - М.: Наука, 1981; Его же.: Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках. - М.: Наука, 1984; Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. - Ставрополь, 1996; Драганов А.А. Геополитические интересы современного Ирана в кавказском регионе // Автореф. дис. ... канд.полит. наук. - Пятигорск, 2001.; Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. - М.: Наука, 1985; Арухов З. Геополитический перекресток//Источник: «Евразия.орг»; Лукоянов А.К. Иран как региональная держава // Pro.et Contra, 2008. - Июль - август. - С. 57 - 69; Маркедонов С. Иран на большом Кавказе: в поисках своей «платформы». // www. Политком.ру/; Малышева, Д.Б. Пределы влияния России в Закавказье // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий - Кавказ: энергетика и политика / под ред. А.В. Малыгина; М.М. Наринского. — М.: Навона, 2005. Вып. 2. - С. 296-315.

Четвёртую группу составляют работы иранских и таджикских ученых и политических деятелей, посвящённых данной проблеме. К ним относятся труды Кайхона Б., Харзик Э., Пахлавон Ч., Мухамедриза Х., Афшурда М., Хасани Сайфали, Казими Алиасгар, Мехроби Алиризо, Искандарова А., Саидова Х.С., Ятимова С.С. и других.⁵ В своих работах эти авторы затрагивают различные аспекты внешнеполитического курса современного Ирана, его стремление к распространению своего влияния на суверенные государства центрально-азиатского региона. В научной литературе выделяются различные аспекты межгосударственных отношений Таджикистана: политические, экономические, культурно-гуманитарные и т. д., приводятся данные об их истории и эффективности, исследуется влияние различных факторов на внешнюю политику Таджикистана⁶.

Исследуемой проблеме посвящены также труды известных ученых, в частности ,Санаи Мехди , Сайид Джавад Хусайни, А.Н. Махмадова , Шабаби М., Ш.Шоисматуллоева и д.⁷

⁵ Кайхон Б. Иран и ближний Восток: международное значение//Внешняя политика, 2009; Пахлавон Ч. Национальность, религия и будущее иранской цивилизации. - Тегеран, 1992; КозимиАлиасгар. Цепочка конфликтов в политике и международных отношениях. - Тегеран, 1991;Мехроби Алиризи. Геополитика и размышление правительства в Иране. - Тегеран, 2007; Искандаров А. Интеграция в Центральной Азии: политические аспекты. - Душанбе, 2007; Саидов Х.С. Афганистан и Иран: параллели этнонационального развития. - М., 2010; Ятимов С.С. Иран: Хомейнизм и международная политика. - Душанбе, 2002; Новый мировой порядок и стремления ИРИ в определении своей роли в современной системе международных отношений // Вестник Таджикского госпедуниверситета. - Душанбе, 2000. - №8. -С. 2-9.

⁶ Саидов З. Таджикистан: межгосударственные отношения в период становления внешней политики. – Душанбе, 2012; Зарифи Х. Таджикистан в системе обеспечения региональной безопасности ОБСЕ. – Душанбе: Ирфон, 2011; Бобовоев Ш. Д. Шанхайская организация сотрудничества в геополитической структуре Среднего Востока. – Душанбе, 2011; Рахматуллаев Э. Роль Организации Объединенных Наций в урегулировании межтаджикского конфликта: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2000; Салимов Ф. Таджикистан в региональной политике...; Саидов З. Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан на современном этапе (1992–2005 гг.). – Душанбе, 2006; Умаров Ф. Республика Таджикистан и мусульманский мир: особенности сотрудничества. – Душанбе, 2011; Хвалебнов А. А. Векторы внешней политики Республики Таджикистан. – М., 2012; Шарифи С. Таджикская дипломатия периода независимости // Таджикская дипломатия: этапы формирования и развития. – Душанбе, 2011; Сатторзода А. Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (многовекторность в действии); Холикназар Х. Таджикистан – ШОС: стабильность и процветание..;

⁷ Санаи Мехди. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ.(социально-политические и экономические аспекты).М.; Муравей,2002; Махмадов А. Н., Шабаби М.

Особый интерес вызывает также труды, касающиеся различных аспектов формирования внешнеполитических курсов государств Центральной Азии в годы приобретения независимости⁸.

Объектом исследования настоящей диссертационной работы является анализ состояние и перспективы взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии.

Предметом исследования выступает выявление специфики взаимоотношения Ирана с постсоветскими центральноазиатскими государствами.

Цель и задачи исследования. Определение сущности и формы взаимоотношений Ирана и стран Центральной Азии и их перспективы в условиях глобализации и усиления геополитических стремлений различных держав, обеспечение мира, стабильности и порядка в этом регионе выступает основной **целью** диссертационного исследования.

Для реализации поставленной цели требуется решение следующих

основных задач:

Таджикско – иранские отношения: состояние и перспективы .Душанбе 2008 : Шоисматуллоева Ш.Социально-слоевая структура Таджикистана//Общественное мнение и социальная трансформация общества. Душанбе 1997; Сайид Джавад Хусайни. Проблема формирования общественного согласия в полиэтнических обществах.(На материалах ИРИ)// Дис. на соскание. уч.степ.кан.пол.наук.Душанбе,2010

⁸ Винокуров Е. Ю., Либман А. М., Максимчук Н. В. Динамика интеграционных процессов в Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. – 2010. – № 2 (7); Евразийская интеграция Таджикистана: Дорожная карта для экспертного сообщества. – Душанбе, 2014; Джекшенкулов А. Д. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. – М.: Науч. кн., 2000; Искандаров А. И. Интеграция в Центральной Азии: политические аспекты. – Душанбе: Ирфон, 2007; Куртов А. А. Проблема обеспечения региональной безопасности и внешнеполитических приоритетов стран Центральной Азии в свете существования ОДКБ // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений / Под ред. А. А. Князева, А. А. Мигранян. – Бишкек: Обществ. фонд А. Князева, 2009; Омаров Н. М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. – Бишкек, 2008; Россия и государства Центральной Азии: политические, экономические и гуманитарные аспекты евразийской интеграции: Мат-лы междунар. науч. конф. (Душанбе, 17 декабря 2013 г.). – Душанбе: РТСУ, 2014; Сафранчук И. А., Харченко В. А. Евразийская интеграция как долгосрочный проект для Центральной Азии в рамках мирового тренда регионализации // Вестник РТСУ. – 2015. – № 4; Центральная Азия: внешний взгляд: Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Астана, Алматы, Бишкек, Душанбе, Ташкент: Фонд им. Ф. Эберта, 2008.

- проанализировать теоретические аспекты проблемы формирования нового постсоветского центрально-азиатского региона, и выявить особенности социально-политических процессов здесь;

- определить влияние межгосударственных отношений на политические процессы, происходящие в Центральной Азии и перспективы их развития;

- обосновать сущность региональной позиции, политического авторитета и влияния Ирана на политические процессы, происходящие в Центральной Азии и основные мотивы его участия в региональной политике;

- дать объективную оценку характеру взаимоотношений Ирана и стран центрально-азиатского региона, акцентировать его значение в обеспечении здесь стабильности;

- очертить границы национальных интересов Ирана и его участие в решении проблем региона с помощью использования своих энергетических ресурсов, фиксировать особенности ирано-российских взаимоотношений относительно Центральной Азии;

- показать стремления Ирана и других стран по вопросу лидерства в центрально-азиатском регионе, охарактеризовать содержание мотивов их стремлений за лидерство в регионе;

Научная новизна диссертационного исследования заключается, прежде всего, в том, что оно является специальной разработкой по политической науке, которая посвящена ещё не изученной в политологии актуальной проблеме – влияние Ирана на политические процессы стран Центральной Азии в условиях эскалации геополитических устремлений сверхдержав, его заинтересованности обеспечить мир и стабильность регионе. К числу новых положений в работе также можно отнести следующее:

- подвергая анализу социально-политические процессы, происходящие в постсоветских странах центрально-азиатского региона, выявлены особенности их протекания в новых и сложных условиях определения своей идентичности, своего самостоятельного политического статуса и места при новом соотношении политических сил и глобализации мировой системы;

- характеризуя особенности развития, геополитическая значимость, политические и экономические приоритеты во внешнеполитической жизни Ирана по отношению к Центральной Азии, указано на его участие, как мощной региональной державы, в международных политических процессах региона;

- проводя развёрнутый анализ взаимоотношений Ирана со странами Центральной Азии, выявлены их общие и противоположные интересы, акцентированы вопросы, которые могут создавать сложности на пути формирования и укрепления межгосударственных связей, выработано целостное видение и механизм осуществления региональной политики в регионе;

- изучая проблему взаимоотношений Ирана и России с позиции двух мощных государств-партнёров, фиксировано механизмы эффективного осуществления сотрудничества этих стран в пользу всех государств центрально-азиатского региона, сформировано представление о геополитических стремлениях обоих государств Центральной Азии, показаны возникающие сложности и противоречия по некоторым направлениям межгосударственных отношений в решении возникающих здесь проблем;

- указывая на национальные интересы Ирана в вопросе использования собственных энергетических ресурсов, выявлены механизмы эффективного использования энергоресурсов в условиях обострения противоречий и превращения энергетических проблем в глобальные проблемы

современности, определена позиция ИРИ в ситуации ухудшения международных отношений, связанная с её ядерной программой;

- определяя степень социально-экономического, политического и культурного потенциала Ирана и ведущих держав Азии, в частности, Турции, раскрыты особенности их борьбы за лидерство в Центральной Азии, подвергнуто анализу их взаимоотношение с другими субъектами геополитического влияния в регионе, и охарактеризовано современное состояние ирано-турецких отношений относительно их влияния на политические процессы в странах региона.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблемы формирования нового постсоветского центрально-азиатского региона в политической науке выступают как составная часть общей теории международных отношений на современном этапе её развития. Как показывает практика, после распада СССР баланс сил в мировом сообществе существенно нарушился. Суверенные государства, которые образовались на постсоветском пространстве, столкнулись с большим количеством нерешенных внутренних и внешних проблем, что привело к обострению межнациональных и межгосударственных отношений в различных регионах бывшей великой империи, в частности, и в Центральной Азии. Этот регион приобрел особую геополитическую значимость, как для восточных держав (Индия, Иран, Китай, Пакистан, Турция), так и западных (ЕС, США и др.). Такое положение создало для новообразованных государств, наряду со своими внутренними проблемами, еще и немало проблем, занесенных извне.

2. С момента образования независимых государств, Иран стал играть важную роль в формировании геополитической зоны в Центральной Азии. Это, прежде всего, было связано с тем, что, как региональная держава, этой стране фактически все было известно об особенностях социокультурного, экономического и политического характера развития

стран Центральной Азии. Более того, в силу своих культурно-исторических связей, географической близости, языковой и религиозной родственности и расположения, у Ирана есть больше, чем у других стран, возможности оказать влияние на политические процессы региона. Следует также отметить, что ИРИ, используя свой экономический потенциал, может оказать существенное влияние на ход, происходящих социально-политических процессов в регионе.

3. Страны центрально-азиатского региона в решении своих внутри- и внешне политических проблем заинтересованы строить дружеские и конструктивные отношения, как с соседями, так и с государствами Дальнего зарубежья. В этом плане Иран, как одна из ведущих восточных держав, стремится ответить на такие запросы, и налаживает взаимовыгодное межгосударственное сотрудничество со странами региона. Он складывает стабильные внешнеполитические отношения с такими странами Центральной Азии, как Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан. Необходимо учесть, что Иран имеет особо тесные внешнеполитические отношения с Республикой Таджикистан, хотя в последнее время наблюдается некоторое охлаждение в их взаимоотношениях. Сотрудничество Ирана с другими странами региона – Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном можно характеризовать как стабильно партнёрским.

4. Неоспоримый факт, что Иран и Россия для урегулирования существующих конфликтов в Центральной Азии обладают огромным политическим потенциалом, и они могут стать в этом направлении мощным стабилизирующим фактором. Однако, как показывают геополитические реалии, несмотря на стабильно развивающиеся ирано-российские внешнеполитические отношения, при решении возникающих между этими странами проблем и противоречий, каждая из них, берет за основу свои национальные интересы. Такая ситуация, например, имела место при

определении отношений ядерных держав к ядерной программе ИРИ, где Россия свое решение аргументировало тем, что она будет исходить из своих национальных интересов. Однако следует отметить, что, невзирая на это, Россия и Иран выступают как стратегические партнёры в центрально-азиатском регионе и могут серьёзно повлиять на происходящие здесь политические процессы.

5. Как известно, любое государство свою внешнюю политику строит, исходя из своих национальных интересов, которые выступают его главным приоритетом. Поэтому в современном мире проблема использования энергетических ресурсов, приобретающей глобальный характер, стала очень актуальной и важной проблемой. Она имеет огромное геополитическое значение также и для Ирана. Обладая огромным энергетическим потенциалом, как Каспийского, так и Персидского заливов, наряду с другими странами региона, Иран является одним из флагманов в производстве и обработке нефти, что, естественно, не соответствует интересам западных государств. Иран в вопросах добычи и использования своих природных богатств, особенно – углеводородов, со странами региона заключил несколько межгосударственных соглашений, хотя его ядерная программа вызывает особую озабоченность, так как мировое сообщество считает, что эта программа все еще не носит мирный характер. А это, в своё время, стало причиной применения различных санкций против него.

6. При исследовании проблемы взаимоотношения Ирана и государств Центральной Азии, не менее важным вопросом является определение характера его с ведущими державами Азии, в частности, Турции. Стремление этих стран за лидерство в регионе, их взаимодействие с другими субъектами геополитического влияния в здесь чётко прослеживается во взаимоотношениях Тегерана и Анкары. Не секрет, что Турция также имеет определенные претензии к региону и стремиться к лидерству в нем. Совершенно очевидно, что гегемонистские стремления

Турции, в основном, поддерживаются США, а лидерские усилия Ирана поощряется Россией. При этом, как показывает реальное положение дел, у Турции имеется меньше шансов стать региональным лидером, чем Исламская Республика Иран.

Методологической основой диссертационного исследования выступает совокупность принципов и методов системного анализа проблем межгосударственных отношений в вопросах обеспечения безопасности и стабильности в разных регионах. Наряду с ними, в исследовании проблемы влияния Ирана на политические процессы, происходящие в Центральной Азии, эффективно применены такие общенаучные принципы, как конкретность, системность и историзм, обеспечивающие всесторонний объективный анализ исследуемой темы.

В процессе исследования использованы историко-политический, системный, сравнительный и социально-философские методы применительно к проблемам влияния Ирана на политические процессы Центральной Азии.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что в ней всесторонне анализируется проблема влияния Ирана на политические процессы центрально-азиатского в постсоветский период.

Проведенное исследование способствует через призму социально-политического и исторического анализа выявлять особенности формирования нового геополитического статуса Ирана в современной Центральной Азии, его влияние на политические процессы, на соседние государства, а также формирования его регионального внешнеполитического курса.

В связи с этим, полученные результаты и выдвинутые в работе предложения могут быть использованы в процессе дальнейшего совершенствования внешнеполитического курса Исламской Республики Иран в новых международных условиях.

Материалы диссертации могут быть применены в процессе дальнейшего изучения этой сложной научной проблемы, а также при преподавании курсов по политологии, мировой политики, геополитики.

Апробация работы. Результаты проведённого исследования обсуждены на кафедре «Политические процессы в Таджикистане» Таджикского национального университета и в Отделе политологии Института философии и политологии им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИРАНА И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

1.1. Исторические и социокультурные связи Ирана со странами Центральной Азии

Как известно, происходившие в конце прошлого века социально-политические процессы привели к завершению противостояния двух политических систем и способствовали формированию новой формы мироустройства, которая, по своим характеристикам, является более сложной и противоречивой. В такой обстановке стало создаваться различные политические блоки и союзы, которые преследуют конкретные цели, соответственно своим национальным и государственным интересам. Более того, набрало темп стремление конкретных стран усилить свое геополитическое влияние на государства, которые недавно приобрели суверенитет. Получение независимости и суверенитета, процесс формирования новых национальных государств на территории бывшей социалистической системы с многочисленными нерешенными внутренними и внешними проблемами способствовали коренному изменению характера современной мировой политики.

Более того, формирование различных и порой противоположных тенденций во взаимоотношениях между более развитыми государствами было последствием непостоянного характера межгосударственных и региональных отношений среди субъектов мировой политики. На этой базе возникли различные блоки и союзы, которые, в зависимости от своих национальных и государственных интересов, преследовали определённые цели. Набирало темп намерение различных государств усилить своего геополитического влияния на, недавно приобретавшие независимость, государства. В этом отношении, важная по своему геополитическому и

геостратегическому значению регион - Центральная Азия, естественно, не мог оставаться вне поля зрения развитых держав.

Уместно заметить, что в духе господствующей в современном обществоведении и политическом мышлении постмодернистской методологии, сам феномен региона, как верно отмечено исследователями: "...не является объектом ни независимо существующим, ни данным от природы. Это интеллектуальная концепция, созданная мышлением, использующая определённые признаки, характерные для данной территории, и отбрасывающая все те признаки, которые рассматриваются как не имеющие отношения к анализируемому вопросу".⁹

Если применить данный тезис к Центральной Азии, то этот регион с самого начала своего возникновения является мостом, связующим азиатского и европейского континентов, и по праву считается колыбелью великих цивилизаций. Она находится в сфере стратегических интересов Ирана, России, Китая, Индии, а также западноевропейских стран. Здесь с площадью около четырёх квадратных километров и населением свыше 50 млн. человек занимает, в целом, около 10% площади Азии, где проживает менее 2 % населения этого континента.

Как свидетельствует история, этот регион почти два столетия частично входил в состав Российской империи. Затем, в начале XX века, после победы Октябрьской революции 1917 года, на его территории были образованы пять советских республик, которые входили в состав СССР. После распада этой сверхдержавы, здесь образовались новые самостоятельные суверенные государства: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Примечательно, что само название региона и его границы до сих пор являются предметом острых дискуссий учёных и политиков. Например, в публикациях некоторых европейских учёных (английских и немецких) этот

⁹Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. - М., 2002. - С. 22.

регион именуется «Центральная Азия», а в работах других исследователей (французских и русских) нередко упоминают его как «Средняя Азия», хотя, согласно утверждению современной географии, он должен называться Центральной Азией. Невзирая на большую частотность термина «Центральная Азия», этот регион, как показывает анализ специальной литературы, не содержит конкретных очертаний. По утверждению иранских исследователей (А. Велаяти), этим термином обозначается та часть Азии, которую в средние века арабы называли «Моваро-ун-нахр», что переводится как - «То, что за рекой».

Примечательно, что современный российский публицист и журналист Г. Фрумкин называет Центральную Азию Западным Туркестаном. Авторы коллективной монографии «Перестройка в Средней Азии» акцентируют, Иран, Афганистан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, а также Тибет, Синьцзян и Монголия, в совокупности своих территорий образуют Центральную Азию.

Есть и такие исследователи (Г. Хамагон), которые включают в состав этого региона, кроме, возникших здесь пяти новых постсоветских суверенных государств, ещё и Китайский Туркестан с Синьцзяном, западную часть Монголии, Северный Тибет, Кашмир, северную часть Пакистана, Афганистан, часть иранского Хорасана, а также Мозандарон. Даже, на обложке журнала «Исследования Центральной Азии и Кавказа» (1999), где изображена карта Центральной Азии, в рамках её границ Афганистан включен в ее состав. В связи с этим, думается, что использование в науке и обиходе терминов «Центральная Азия» и «Средняя Азия», скорее всего, сопряжено с определёнными неточностями и политическими предпочтениями. Поэтому для более точного отражения исторических реалий использование терминов Великий Хорасан и Моваро-ун-нахр, идущих из глубины веков, было бы целесообразным.

Заметим, что термин «Средняя Азия» ранее использовался в России по политическим соображениям, для обозначения территорий четырех (кроме Казахстана) ныне независимых государств Центральной Азии. Хотя в конце 90-х гг. XIX в.

большинство российских ученых отказались от этого термина, и его не включили в Российскую энциклопедию (1890), однако во втором издании Большой Советской Энциклопедии (1957) слово «Средняя Азия» снова было использовано. Этот термин в иранском словаре «Центральная Азия» имеет следующее содержание: «Это часть Азии, которая включает в себя Монголию, Туркестан, Иран, Афганистан и Тибет». При этом Туркестан — «это та часть Азии, которая ограничена с севера Сибирью, с запада - Каспийским морем, с юга — Индией и Тибетом, а с востока — Монголией, и которая разделена между Советским Союзом и Китаем».¹⁰ В этой связи думается, что использование терминов «Центральная Азия» и «Средняя Азия» учёными в определении границ данного региона связано, скорее всего, или с неточностями, или с политическими предпочтениями.

Невзирая на различное понимание состава стран Центральной и Средней Азии, важно учесть, что при определении географических границ этой большой территории национальность и язык не являются определяющими факторами. Это связано с тем, что во всех государствах этого региона живут представители многочисленных национальностей (в их числе тюрки, тибетцы, таджики, монголы и др.). Поэтому, с нашей точки зрения, определить Центральную Азию как территорию, ограниченную с севера казахскими степями, с юга - Северным Афганистаном и Ираном, с запада - Каспийским морем и с востока - Синьцзяном может соответствовать реальности.

В рамках этих границ Центральная Азия имеет с Ираном социокультурную, религиозную и историческую общность с давними традициями. Распространение персидского языка в этом регионе в различные исторические периоды придавало этим взаимоотношениям особую окраску.

Специфичность региона также заключается в том, что в нем до сих пор окончательно не решены территориальные и национальные проблемы. Даже семидесятилетнее существование Советского Союза не смогло до конца решить названные проблемы, в силу чего регион оказался одной из горячих точек мира, и вступил в длительную полосу затяжного регионального

¹⁰Муин М. Словарь «Центральная Азия». - Тегеран, 1983. - С. 57 (на персидском языке).

этнополитического кризиса, а спорадическая террористическая активность является атрибутивным признаком такого этапа развития, образовавшихся здесь, новых суверенных национальных государств.

Центральная Азия на современном этапе считается не самым спокойным регионом в постсоветском пространстве по причине сохраняющихся в нем политических и военных конфликтов, а также возможности возникновения новых. Угрозы и риски безопасности региона увеличиваются и ввиду обостряющейся борьбы за обладание природными и энергетическими ресурсами. Небезосновательно, что идея создания в Центральной Азии структуры, которая смогла бы обеспечить мир и безопасность проживающим здесь народам, а также их соседям, до сих пор осталась не реализованной. Данное утверждение свидетельствует о том, что актуальность вопроса обеспечения стабильности и мира здесь признается всеми государствами СНГ, однако по сей день многие вопросы, связанные с демаркацией границ, принятие конкретных шагов на этом пути остается пока вопросом времени.

Продолжая анализ, напомним, что в дальнейшем, в процессе анализа проблемы, используя термин «Центральная Азия», мы будем иметь в виду именно Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, которые образовались после распада СССР как новые независимые государства.

Примечательно, что 2 марта 1992 г. новые независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве в Центральной Азии, вступили в состав Организации Объединенных Наций и других международных и региональных организаций. Встал вопрос об их месте и функциях в системе международных отношений. Как отмечает известный политолог М. Ильин, «во внешнеполитическом отношении решение проблемы связано с развитием равноуровневого и разномасштабного включения в мировую политику <...> новых политических субъектов»,

«поиск институциональных, процедурных и идейных возможностей эффективного политического участия»¹¹.

Вне всякого сомнения, для республик Центральной Азии распад Советского Союза имел, по большому счёту, как положительные, так и отрицательные последствия. Получив государственный суверенитет, они столкнулись с рядом трудностей, которые привели в некоторых из них (например, Таджикистан) к внутреннему противостоянию, переросшему в гражданскую войну, губительно повлиявшую на их социально-политическое развитие.

Проблемы, с которыми столкнулись страны региона в начальный период приобретения независимости, это - резкий скачок цен, недостаток или отсутствие предметов первой необходимости, приостановление многих социальных программ, организованная преступность и другие. Центрально-азиатские республики, после приобретения государственного суверенитета, оказались перед выбором стратегии развития, поскольку к началу третьего тысячелетия заметно возросло влияние западной модели, особенно вследствие глобализации мирового финансового рынка. В то же время появились и альтернативные модели развития, которые могут отвечать потребностям различных обществ. Они основаны на культуре этих народов и поэтому выступают наиболее перспективными.

Наверное, исходя из этого, главные направления политики Исламской Республики Иран в регионе должно определять формирование устойчивой системы сотрудничества с акцентом на местный опыт. Естественно, в этом плане самого пристального внимания заслуживают связи и отношения ИРИ с Центральной Азией, которые основаны на их традициях и культурных отношениях. После приобретения государственного суверенитета, страны региона стали придавать большое значение анализу культурного прошлого в аспекте построения своих отношений с Ираном, чему благоприятствует чувство сопричастности к общей истории народов ИРИ и Центральной Азии.

¹¹ См.: Ильин М. Признание государства в контексте эволюции мировой системы // Международные процессы: Журн. теории международных отношений и мировой политики. – 2012. – Т. 10. – № 1 (28). Январь–апрель // URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/03.htm>

Если обратиться к историческим фактам, то становится очевидным, что ещё до появления исламской и христианской религий между Ираном и Центральной Азией имели место тесные отношения. Более того, немалая часть территории нынешней Центральной Азии в древние времена входила в состав иранского государства. Когда, например, в III-IV вв. н. э. кочевые племена Центральной Азии, в том числе и казахские степные племена, были покорены массагетами, это привело к распространению культуры последних. Они, в свою очередь, в определённой степени заимствовали свою культуру от иранских династий - Ахеменидов. Важно заметить, что до завоевания арабами Центральной Азии, в нынешних степях региона проживали племена саки и сарматы, которых исследователи-лингвисты относят к группе персо-язычных народов.

Стоит подчеркнуть, что в средние века большая часть Центральной Азии была известна под названием Моваро-ун-нахр (Великий Хуросон), и в Авесте она упомянута под именем Ориёно-Ваэджа, которая после завоевания арабами становится одним из центров масштабных культурных преобразований. В тот исторический период научные школы здесь получили особое развитие, в которых совершали открытия выдающиеся мыслители Востока, используя систему обучения и воспитания, заимствованную именно у персов.

Следует отметить, что в средневековье наука, техника, образование, философия, искусство и литература достигли в этом регионе высокого уровня. Безусловно, Центральной Азии основные принципы системы обучения и воспитания, в большей степени, было перенято из иранской культуры, и они основывались на прочные персидские социокультурные традиции.

В этом отношении примером может выступить Великий Шёлковый путь, который на протяжении длительного времени являлся связующим звеном между Центральной Азией и Ираном. Ремесленники, деятели искусства, архитектуры, которые шли в составе караванов в другие страны, несомненно, являлись носителями культуры, традиций и обычаев. Шёлковый путь, согласно утверждению почти всех исследователей, одной стороны, уходил в греко-латинскую культуру, а с другой - в культуру народов Восточной Азии.

Закономерно, что по всей протяжённости Шёлкового пути в другие страны распространялись персидский язык и культура, поскольку в середине него находилась иранская цивилизация. В период формирования исламских государств наблюдается бурный расцвет культурных связей между Персией и Центральной Азией, когда в городах, находящихся на Шёлковом пути, были организованы большие библиотеки, расширился обмен информацией между мусульманскими, греческими и китайскими научными центрами. Если исходить из сущности происходящих событий того времени, Шёлковый путь, фактически, стал причиной и механизмом распространения персидской культуры, искусства и языка на всей территории Центральной Азии, особенно в тех городах, которые были расположены между Бухарой и Кашгаром. На этой основе со всей уверенностью можно утверждать, что в средние века персидская культура проявлялась во всех сферах жизни народов Центральной Азии, как во время вхождения Моваро-уннахра в Иран, так и после его отделения.

Поэтому не удивительно, что в словарном фонде всех языках народов Центральной Азии можно встретить немало персидских слов и терминов, а литературный таджикский язык почти идентичен современному персидскому языку. Многие письменные памятники, которые хранятся в музеях стран центрально-азиатского региона, кроме северного Казахстана, в основном, написаны на персидском языке. Здесь абсолютное большинство сооружений прошлых эпох сохранили следы иранской архитектуры и ремесла. Особенно это ярко видно на примере сохранившихся зданий мечетей и медресе в городе Бухара и Самарканд, а также старинные строения в Южном Казахстане сооружены в соответствии с требованиями персидского архитектурного стиля. Об этом также свидетельствуют их декор, где указаны имена иранских мастеров.

Примечательно, что после выхода Центральной Азии из прямого подчинения Ирану, вследствие распространения ирано-исламской культуры, здесь стало очевидным факт формирования новой цивилизации. В распространении ислама в этот регион иранцы также сыграли важную роль, распространив одновременно с ним свой язык и культуру. Кроме Таджикистана, во многих государствах Центральной Азии большинство исламских ритуалов до сих пор выполняется на персидском языке. Вне всякого сомнения,

культура и цивилизация, которая существует в Центральной Азии с появлением религии Ислам, воспринимается как прямая заслуга Ирана. Подтверждением этому служит то единство, которое существует в культуре и архитектуре Ирана и стран центрально-азиатского региона.

Конечно, можно согласиться с мнениями большинства исследователей о том, что культурой, с которой наиболее тесно соприкасались центрально-азиатские народы, была именно персидская культура, хотя, например, как утверждает известный казахский писатель советского периода Мухтар Ауэзов, даже в среде неграмотных казахских племен устно знали «Шахнаму» и поэму «Лейли и Маджнун». В подтверждение сказанному, отметим, что до Октябрьской революции, благодаря непосредственному влиянию иранской системы образования, на многих летописцев история народов Центральной Азии записана на персидском языке.

Также не трудно понять общие корни истории и культуры народов Центральной Азии, изучая творчество ученых и поэтов, и раскрывая их национальную специфику, если учесть, что большинство из них опирается на одну ирано-исламскую школу. Такие знаменитые мыслители и представители литератур народов региона, как Садриддин Айни, Алишер Навои, Махтумкули Фараги, Абай Кунанбаев и другие считали себя учениками иранских поэтов и придерживались их традиций. Всем народам региона известны имена выдающихся персидских поэтов Фирдавси, Хайяма, Саади, Хафиза, и многие их стихи знают наизусть.

Совершенно обосновано мнение, что: «Мир знает народ Самарканда - через Рудаки, Сузани и Улугбека, народ Бухары - через Мохаммада ибн Исмаила Бухари, Абуали ибни Сино, Аболь-Фазла Мохаммада Абдаллаха Балами, народ Хорезма через Мухаммада Хорезми, Джароллаха Замахшари. Абу Райхана Бируни, народ Термеза - через аль-Термези, народ Абеварда - через Анвари, народ Биста - через Аль-Мақдеси («Ихван-ас-Сафо»), народ Балха - через Мавлоно Джалолидин, Носири Хисрав, Абу Махшара Балхи, народ Хивы - через Шейха Наджмуддина Кубро, народ Ходжента - через Камоллидина Мохаммада Худжанди и так далее».¹²

¹² Муин М. Словарь «Центральная Азия». - Тегеран, 1983. - С. 88 (на персидском языке).

Эти и другие талантливые персо-язычные учёные, литераторы и мастера искусств, занявшие достойное место в истории Ирана, сыграли важную роль в формировании духовной культуры народов Центральной Азии. Невзирая на то, что границы по истечению исторического времени изменились, не возникает сомнения в принадлежности названных великих личностей к персидской культурной среде. Безусловно, влияние иранской культуры на народы Центральной Азии было настолько сильным, что правители-тюрки в досоветское время сами способствовали распространению иранской культуры и искусства в регионе.

Однако после установления власти большевиков в регионе, Советы стали проводить иную политику с целью создания новой личности и единой национальной общности – советский народ, что непосредственно было направлено для уничтожения национальной культуры мусульман Центральной Азии.

К примеру, в 1925 г. начались практические действия советской власти по закрытию и уничтожению молитвенных домов, в результате которых из 28 тыс. мечетей, расположенных на территории Центральной Азии, к 1940 г. осталась всего одна тысяча. Идеологи коммунизма боролись с исламом в рамках учения марксизма, при этом, отдавая, определённое предпочтение христианским церквям. Арабо-персидская графика была насильственно заменена латиницей, в то время как большинство населения здесь пользовалось арабской графикой, делопроизводство велось на персидском языке, а чагатайский был разговорным языком тюрко-язычной части населения. А в 1940 г. в республиках региона официально был введён славянский алфавит – кириллица, и начался процесс активного переселения русских, украинцев и немцев в Центральную Азию. Таким путём Советы хотели укрепить свою власть в данном регионе. Хотя переселение русских в Центральную Азию началось еще в царские времена, однако после 1927 г. оно целенаправленно усилилось, и в течении трёх десятилетий - с 1929 по 1959 годы, количество русских в регионе достигло 8.5 миллионов человек.

Все учебные, научные и культурные программы составлялись в духе марксизма. Он присутствовал во всех культурных и научных мероприятиях, а в гуманитарных науках

выступал как основная методология. Политическое руководство страны Советов стремилось к тому, чтобы все социально-политические и культурные мероприятия во всех союзных республиках, целью которых было формирование новой исторической общности - «советский народ». До сведения населения доводилась только та информация, которая соответствовала целям и политике советского государства.

Заслуживает констатацию тот факт, что накануне распада СССР и после обретения независимости национальные языки во всех суверенных государствах Центральной Азии приобрели статус государственных. Особое отношение и внимание к творениям великих поэтов и мыслителей – предмету гордости таджиков, казахов, кыргызов, туркмен и узбеков, способствует возрождению у них национального самосознания. К примеру, народ Казахстана в 1995 году, широко праздновало 150-летний юбилей Абая Кунанбаева, и в ноябре этого же года, который специальным решением ЮНЕСКО был объявлен годом Абая, в Иране прошла Неделя великого казахского поэта. Отмечая определенное влияние на этого великого казахского писателя и поэта иранской культуры, тогдашний министр культуры Казахстана Т. Мамашев в своем выступлении подчеркнул, что «Абай прошел школу великих иранских поэтов». В 1995 г. на праздновании тысячелетнего юбилей эпоса «Манас» в Кыргызстане, наряду с многочисленными зарубежными гостями, присутствовали, в том числе видные иранские политики и литераторы.

Как в советском, так и в суверенном Таджикистане все выдающиеся иранские поэты и прозаики – Фирдавси, Хайём, Саади, Хофиз, Дждоми и др. считаются классиками таджикско-персидской литературы, и их произведения включены в учебные программы средних и высших учебных заведений страны. Иранцы высоко ценят творчество основоположника таджикской классической литературы Абуабдуллох Рудаки и видного таджикского писателя советского периода Садриддина Айни.

Совершенно очевидно, что в суверенных государствах Центральной Азии на данном этапе их развития происходит процесс переосмысления национальной истории, ее включения в контексте всемирной истории, что выражается в существенной корректировке взглядов на историческое прошлое. Особое внимание уделяется сохранению и реконструкции исторических памятников (например, древних памятников

культуры и городов в Таджикистане, в южных и западных областях Казахстана и Кыргызстана). Без преувеличения, в настоящее время судьба этих древних городов и памятников культуры стала объектом серьёзного внимания научной и творческой общественности этих республик.

Общеизвестно, что с древних времён центрально-азиатский регион отличался полиэтничностью и многоконфессиональностью, что характерно для него и сегодня. Здесь соприкасаются многие народы, постоянно происходит взаимообмена их культур и традиций. Веками Центральной Азии существовали, пропагандировались и распространялись разные религии. Хотя Иран ограниченно сотрудничает с центрально-азиатскими странами в религиозно-духовной сфере, однако определенное тяготение религиозных деятелей и теологов Центральной Азии к Ирану, всё-таки, наблюдается.

По мнению некоторых исследователей, такое тяготение обосновывается следующими факторами:

- во-первых, общее историческое прошлое, как в доисламские времена, так и в после исламском периоде в рамках территорий Центральной Азии. Эта связь ещё больше укрепилась в период распространения ислама во многих частях данного региона благодаря влиянию иранцев и персидского языка - через религиозные тексты и термины. На этой основе некоторые писатели и официальные лица центрально-азиатских республик склонны к возврату традиционного «восточного менталитета» и жаждут ренессанса восточной культуры, а ислам считают частью этого менталитета. Интеллигенция намерена сотрудничать с Исламской Республикой Иран, у которой богатая теория и практика в востоковедении и исламоведении;

- во-вторых, Иран на мировом и региональном уровне занимает позицию сильного исламского государства. Мусульмане Центральной Азии относятся к Ирану с почтением, поскольку именно это государство в азиатском континенте

выступает одним из основных их защитников и хранителем исламских ценностей.¹³

Естественно, в этом вопросе Иран регулирует свою позицию с учетом существующего в регионе мнения относительно агрессивности исламского фундаментализма и того, что в большинстве стран Центральной Азии населения являются последователями суннитского течения. Наверное, поэтому опыт политики Ирана здесь в связи с этим опирается на постулат: любая культурная эволюция в странах Центральной Азии является социально дифференцированным процессом, своего рода «воссозданием багажа культурных ценностей». Страны региона в рамках данного процесса опираются на свое историческое прошлое, во многом общее с Ираном, и, исходя из этого, определяют свою политическую позицию для настоящего и будущего.

В свою очередь, Иран в период государственного суверенитета центрально-азиатских народов всячески содействует укреплению позиций своего государственного языка в регионе, и, как следствие, на данный момент в Центральной Азии персидский язык хорошо известен и достаточно распространен. Самой главной причиной распространения персидского языка в Центральной Азии, как выше было отмечено, заключается в древней связи культуры и общественной жизни региона с Ираном, чему, в первую очередь, способствовал процесс миграции в разные эпохи достаточного количества выходцев из Ирана (Персии) в этот регион. Согласно статистическим данным, большинство иранских мигрантов, на данный момент, проживает в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Хотя некоторые исследователи делят исторически выходцев из Ирана на «группу персов» и «группу иранцев», однако такое деление, на наш взгляд, является абсолютно условным, поскольку между ними не существуют никакие различия.

¹³Санои Мехди. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии: история и современность : (Политол. анализ) / Мехди Санои; М-во науки, АН Респ. Казахстан. Ин-т философии. - Алматы : Акыл кітабы, 1997. - 141с.

Переселенцы из Ирана на территорию Центральной Азии в исторических документах также называют иногда иранцами, а иногда персами. Хотя в царской России в начале прошлого столетия достоверный статистический учет иранских переселенцев был разрозненным, однако в последующие десятилетия, особенно во времена СССР, на них велась более точная статистика. Например, согласно данным 1926 г., общая численность иранцев в Советском Союзе достигала свыше 200 тыс. чел. Разумеется, на это различие не обращало внимания коммунистическое руководство страны Советов, и скорее всего, эти цифры не соответствовали действительности, а реальное количество иранцев, проживавших в Центральной Азии, было намного больше, чем фактически указывалось.

Неоспоримый факт, что кроме Центральной Азии, выходцы из Ирана проживают в Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане и других постсоветских регионах.

Если внимательно изучить исторические данные, то можно обнаружить, что весь процесс миграции иранцев в Центральную Азию можно делить на четыре этапа. К первой волне относятся торговцы, учащийся и пленники, переселившиеся в Центральную Азию во времена династии Сафавидов, большинство из которых ныне проживает в Самарканде и Бухаре, где они организовали свою шиитскую общину.

Вторая волна переселения иранцев в центрально-азиатский регион охватила переезд евреев из Машхада в XIX веке. Хотя они формально приняли шиизм и сравнительно долго проживали в Ашхабаде, однако были насильно высланы в Иран в 30-е гг. прошлого столетия. В те времена, под давлением иранского правительства было вынуждено переселиться в Центральную Азию также большое количество представителей религиозного меньшинства, исповедующего веру бахай.

К третьей волне массового переселения иранцев в этот регион относятся политические эмигранты, и он происходила после 1948 г. Не взирая на то, что иранцы практически разбросаны по всей территории Центральной Азии и могли

раствориться в тогдашней советской культуре, они сохранили свой менталитет, обычаи и традиции. Для подтверждения этого тезиса отметим, что, после закрытия границ со стороны Советского Союза в 1946 г., огромное количество иранцев осталось на территории своей исторической родины, и до сих пор в некоторых районах Туркменистана и Ирана их жители имеют общую национальную культуру и ведут, почти, единый образ жизни. В отдельных приграничных местностях современного Туркменистана, где проживают иранцы, они сохранили свой менталитет и подлинно иранскую культуру.

Более того, на данный момент недалеко от столицы Туркменистана – г. Ашхабад, в селе Бакыр проживает группа иранских переселенцев, разговаривающие на курдском диалекте (курд-кучманчи), который распространен в городах и селах провинции иранского Хорасана. Внимательно наблюдая жизнедеятельность разных национальностей Центральной Азии, можно сделать вывод, что этническая культура и традиции могут противостоять череду неблагоприятных исторических событий даже в условиях сильнейшего давления застойных времен, и с обретением лишь незначительной доли независимости, они расцветают.

В этой связи важно отметить, что во многих высших учебных заведениях стран центрально-азиатского региона, после обретения государственной независимости, больше внимания стали уделять изучению персидского языка. Так, в г. Ташкент (Республика Узбекистан) персидский язык изучают давно, и многие преподавателей персидского языка в тюрко-язычных государствах Центральной Азии являются воспитанниками этой школы.

В то же время, справедливости ради, отметим, что с момента обретения независимости Узбекистан по сей день достаточно настороженно относился к расширению иранского присутствия в регионе. Широкое участие Ирана в пространстве этого центрально-азиатского государства может стать толчком к пробуждению в стране самосознания таджикской части населения Узбекистана, которое может увеличить сепаратистские настроения в Бухаре,

Самарканде и Фергане. Кроме того, правящие узбекские политические элиты подозревают Тегеран в намерениях усилить в стране позиции исламских общин, находящихся в оппозиции к светским властям. В большей степени, по этой причине, когда в 1995 году американский конгресс ввел против Ирана экономические санкции, Узбекистан стал единственным из постсоветских государств, кто открыто поддержал эту меру.

Персидский язык преподается также и в Национальном университете им. Махтумкули в Республике Туркменистан, где число студентов, изучающих историю, культуру и язык Ирана стремительно увеличивается. Заслуживает констатацию и тот факт, что в четырех вузах Казахстана в настоящее время преподают персидский язык: в Казахском государственном национальном университете им. Аль-Фараби (КазГНУ), Казахском государственном институте мировых языков (КазГУМЯ), Алматинском институте международной журналистики (негосударственном высшем учебном заведении) и Международном казахско-турецком университете им. Ходжи Ахмеда Яссауи, где количество студентов, усваивающих персидский язык, превышает 200 человек. Кроме того, около 100 учеников в двух средних общеобразовательных школах города Алма-Аты изучают персидский язык.

В Национальном университете Республики Кыргызстан также открыта кафедра персидского языка, и в настоящее время она плодотворно осуществляет свою деятельность.

Относительно Таджикистану, в связи с изучением персидского языка можно лишь отметить, что, поскольку у таджиков и иранцев есть общее историческое, культурное и языковое прошлое, здесь лишь почти во всех образовательных учреждениях введён курс изучения арабского алфавита, которым пользуются в Иране. А по поводу общения, между иранцами и таджиками серьёзных проблем не существуют.

Несомненно, почти весь образовательный процесс на кафедрах персидского языка в вузах и школах Центральной Азии, куда входит - обеспечение необходимыми учебно-методическими и техническими средствами обучения, направление специалистов-преподавателей персидского языка в университеты республик, издание учебной литературы на персидском и национальном языках, организация курсов повышения квалификации для преподавателей, практики и стажировок для студентов, введение экстерната и разнообразных языковых семинаров поддерживается иранской стороной.

В то же время стоит акцентировать, что, поскольку формирование устойчивых социальных институтов несвободно от принятых в данном социуме убеждений и ценностей, заложенных в его генотип, постольку влияния новых убеждений и традиционных ценностей не могут не зависеть от экономических структур и политических отношений (внешнего, в том числе).

Поэтому, обращаясь к примерам общего историко-культурного прошлого Ирана и Центральной Азии, мы и вели здесь речь об общности генотипа и его социокультурном аспекте, что может придать нашему исследованию не только научную, но и практическую значимость. На этой основе, можно сформулировать базисные модели социальной эволюции стран Центральной Азии с учетом того, что ни общественные институты, ни «местные культуры» не имеют внеисторическую сущность.

Совершенно очевидно, что каждое этно-национальное сообщество центрально-азиатского региона имеет свои специфические историко-культурные и институциональные факторы, которые объясняют для Ирана необходимости учёта сугубо индивидуального подхода к ним. Дело в том, что прошлое каждого народа и государства Центральной Азии превалирует над его политическим и социально-экономическим прогрессом, которую можно считать второй модели зависимости от совместно пройденною исторического пути народов центрально-азиатского региона и Ирана, где, так или иначе, имеют место и исторические случайности.

Его игнорирование, безусловно, приводит к потере влияния и позиции ИРИ в регионе.

Рассматривая специфичность новой постсоветской Центральной Азии следует подчеркнуть, что она «многозначна» и очень важна по-своему геополитическому и геостратегическому расположению. Исходя из этого, роль и значение центрально-азиатского региона в политических процессах на территории бывшего Советского Союза в новом, третьем тысячелетии переоценить невозможно, поскольку Центральная Азия специфична по менталитету, населяющих её народов, которым присуще высокий уровень национального самосознания.

Социально-исторический опыт показывает, что национальный вопрос в регионе всегда был очень проблематичным и его актуальность сохраняется и в наше время. Как доказывает политическая практика, в определенных исторических этапах националистические настроения в центрально-азиатском регионе приобретали угрожающий характер.

Естественно, что Центральной Азии продолжает оставаться одним из самых многонациональных регионов в постсоветском пространстве, на территории которой проживают большое количество народов, отличающиеся друг от друга по своему территориальному, экономическому, демографическому потенциалу, а также имеющие различные этнокультурные традиции. Это, в свою очередь, способствует ему оставаться одним из самых беспокойных регионов, где столкновения противоречащих национально-политических интересов соседствующих народов могут привести к обострению межнациональных отношений и конфронтации с трагическими последствиями.¹⁴

Этот фактор активно используется внешними геополитическими игроками, которые заинтересованы в создании и сохранении

¹⁴Никитенко Е. Геостратегия России на Кавказе // ОБЖ. Основы безопасности жизни. – 2000. – № 12. – С. 21-25.

нестабильности в регионе. Ярким примером и прямым следствием столкновения геополитических интересов различных центров силы в регионе является рост сепаратистских и экстремистских настроений, активизация международных террористических группировок, сохранение неурегулированных конфликтов, которые отличаются по своему характеру и продолжительности.

Необходимо также подчеркнуть, что нестабильность региона способна влиять на и общий ход политических процессов в странах как Ближнего, так Дальнего зарубежья, в Иране и России. Особенно на этот процесс его влиянию на Россию может существенно сказываться исламский фактор. При активном участии исламских миссионеров, некоторых неправительственных организаций на территории России распространяются и материально поощряются несвойственные большинству российских мусульман радикальные и политизированные течения ислама.

Характерно, что в последние годы деятельность таких организаций существенно активизировалась на территории Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Для подготовки кадрового резерва мусульманского духовенства, как Центральной Азии, так и в России зарубежные исламистские центры реализуют программу по их подготовке. Обучения молодежи, выходцев из стран центрально-азиатского региона и Кавказа, в исламских учебных центрах ряда арабских стран - Алжира, Турции, Сирии, Саудовской Аравии, Иордании, Пакистана и других, в этом плане даёт наибольший эффект. Определенные религиозно-политические круги некоторых иностранных государств подчас вопреки, или, по крайней мере, без поддержки своих правительств стремятся использовать канал студенческих обменов для формирования на постсоветском пространстве новых национальных элит, имеющих перспективу вхождения во власть и ориентированных на зарубежные исламистские центры. На это выделяются

огромные финансовые средства со стороны иностранных мусульманских государств, которых возглавляет Саудовская Аравия.¹⁵

На этом основании, можно заключить, что если ведущие державы Азии, в том числе – Иран, в качестве помощи странам региона не будут предпринимать конкретные шаги по предотвращению процесса распространения и укрепления религиозно-экстремистских движений и организаций здесь, то трудно предсказать какие сложные проблемы их ждёт в ближайшем будущем. Наряду с этим, чётко наблюдается стремление многих государств ЕС и ряда стран Запада использовать эту тему в качестве инструмента политического давления на Иран и Россию.

Безусловно, современная постсоветская Центральная Азия, по своей сути, – это важный геополитический регион, который привлекает к себе внимание как соседних держав, наподобие Исламской Республики Иран, и других «больших» геополитических игроков. Все они стремятся непосредственно или опосредованно повлиять на политические процессы региона, а при наличии возможностей - создать и управлять этими процессами. Практически сегодня Центральная Азия в большой геополитической игре выступает как регион, откуда можно направить свои усилия против своих политических конкурентов, одновременно на нескольких направлениях. Исходя из этого, постсоветский центрально-азиатский регион еще на долгие годы остается ареной политической борьбы различных заинтересованных сил, и на этой почве будет сохраняться как одна из беспокойных точек мира с точки зрения возникновения конфликтов, войн и противоречий.

Нельзя упустить из виду тот факт, что на состояние и перспективы взаимоотношений центральноазиатских постсоветских государств и Ирана существенно влияют, принятые этими странами, национальные Концепции внешнеполитической деятельности.

¹⁵См.: Маркедонов С. Южный Кавказ: несбывшиеся ожидания://www.sknews.ru/main/

Так, основными документами, регулирующими сферу внешней политики Республики Казахстан, являются Послание его Президента, под названием «Стратегия “Казахстан – 2050”: новый политический курс состоявшегося государства»¹⁶ и разработанной в соответствии с установками, содержащимися в этом документе, Концепция внешней политики данного центральноазиатского государства¹⁷.

Целями внешней политики Республики Казахстан, согласно содержанию послания, выступают:

- 1) всемерное обеспечение национальной безопасности, обороноспособности, суверенитета и территориальной целостности страны;
- 2) укрепление мира, региональной и глобальной безопасности;
- 3) обеспечение устойчивых позиций и формирование позитивного образа государства в мировом сообществе;
- 4) установление справедливого и демократичного мирового порядка при центральной и координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН);
- 5) дальнейшая интеграция в систему региональных и международных торгово-экономических отношений;
- 6) создание благоприятных внешних условий для успешной реализации Стратегии–2050, достижения высокого уровня жизни населения, укрепления единства многонационального общества, правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека;
- 7) диверсификация, индустриально-технологическое развитие и повышение конкурентоспособности национальной экономики;

¹⁶ Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации народу Казахстана «Стратегия “Казахстан–2050”: новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012 г. // URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_1357813742

¹⁷ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 гг. Утв. Указом Президента РК от 21 января 2014 г. № 741 // URL: <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg>

8) поэтапный переход страны на «зеленый» путь развития и вхождение в число 30-ти самых развитых государств мира;

9) сохранение национально-культурной самобытности и следование собственному пути дальнейшего развития государства;

10) защита прав граждан и юридических лиц Республики Казахстан, их личных, семейных и деловых интересов за рубежом;

11) поддержка казахской диаспоры и казахского языка за рубежом¹⁸.

Что касается Концепции внешней политики Кыргызской Республики, то она в настоящее время находится в стадии разработки. Необходимость создания нового документа появилась после революционных событий 2010 г., избрания легитимных парламента и президента. Руководящим документом во внешнеполитической сфере выступает «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Кыргызстан на период 2013–2017 гг.»¹⁹ (гл. 2, п. 2.12), где сформулировано новое понимание внешней политики Кыргызской Республики. Оно предполагает, что:

- внешняя политика Кыргызстана должна быть полностью подчинена интересам народа. В данной сфере необходимо осуществить поиск своей международной идентичности, которая должна опираться на национальные интересы, внешнеполитические ресурсы и эффективный механизм их реализации;

- необходимо новое понимание внешней политики, которое бы основывалось на конкретном анализе обстановки в стране, в регионе и мире, а также на представлении о том, что национальные интересы являются

¹⁸ См.: Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 гг. от 21 января 2014 г.

¹⁹ Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы / Национальный совет по устойчивому развитию Кыргызской Республики // Сайт Президента КР. – URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyirg_yizskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/

стратегическими, долгосрочными и глобальными, выходя за рамки текущего политического развития;

- внешняя политика Республики Кыргызстан должна стать предсказуемой, последовательной и экономически выгодной. Важно подчинить ее внутренним потребностям страны и ожиданиям граждан;

- основная оценка успешности проводимой внешней политики должна быть в продвижении отечественных товаров на международные рынки, объемах привлеченных в Кыргызстан инвестиций, защите прав и интересов граждан республики за рубежом;

- международное сообщество должно видеть в Кыргызской Республике крепкого и надежного партнера, который четко следует принятым на себя международным обязательствам и нормам международного права и вместе с тем способен защитить свои собственные национальные интересы;

- внешняя политика должна основываться на стабильных, дружественных отношениях с соседними государствами и ведущими державами мира, а также международными организациями.

В этих целях необходимо:

- проведение эффективной и активной внешней политики, направленной на создание благоприятных внешнеполитических условий для развития Кыргызстана;

- разработка и принятие новой концепции внешней политики КР;

- глубокая перезагрузка отношений с соседними государствами – Казахстаном, Китаем, Таджикистаном и Узбекистаном, а также выход на новый уровень стратегического сотрудничества с Российской Федерацией – главным игроком набирающих оборот интеграционных процессов в рамках СНГ. Это приоритетные направления внешней политики;

- при развитии добрососедских и партнерских отношений с приграничными государствами опираться на принципы взаимопонимания, взаимной выгоды и поддержки;

- взаимодействие с зарубежными партнерами должно строиться на условиях равенства и учета взаимных интересов, неукоснительного соблюдения норм международного права. При этом партнеры Кыргызстана также должны соблюдать свои обязательства;

- обеспечение надежной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ. Оперативно и адекватно реагировать на вызовы и угрозы, такие как международный терроризм, религиозный экстремизм, наркоторговля;

- завершение юридического оформления государственной границы Республики Кыргызстан;

- создание благоприятных условий для свободного передвижения товаров, услуг и рабочей силы между Кыргызстаном и Россией, странами Центральной Азии и Турцией;

- поддержание интеграции страны в экономику стран ЕАЭС, упрощение пограничных и таможенных процедур;

- продолжение политики введения упрощенного режима поездок и безвизового обмена между Кыргызстаном и развитыми странами мира;

- поддержка и защита интересов граждан Республики Кыргызстан за пределами страны всеми возможными дипломатическими, правовыми и иными средствами в соответствии с нормами международного права. Дальнейшее совершенствование межгосударственных механизмов и практической работы по обеспечению благоприятных условий для трудовых мигрантов за рубежом;

- поиск новых форм эффективного экономического и политического взаимодействия с США, Европейским союзом, государствами Юго-Восточной Азии и арабского региона;

- развитие взаимовыгодных экономических международных отношений, совершенствование экономической дипломатии²⁰.

Совершенно очевидно, что Концепция внешней политики Республики Таджикистан, как и у других государств Центральной Азии, также является политическим документом, определяющим и регулирующим основные принципы, цели и задачи и приоритетные направления её внешней политики с учетом долгосрочных национальных интересов страны в изменяющихся условиях политической, социальной и экономическо-культурной жизни государства и формирования нового геополитического облика мира и региона во втором десятилетии XXI в.²¹.

В ней особо отмечается необходимость соответствия развития страны расширяющимся интеграционным процессам, регионализации и глобализации, предоставляющим новые приемлемые возможности для предотвращения и нейтрализации потенциальных угроз и вызовов.

Данный нормативно-правовой акт отражает национальные интересы Республики Таджикистан в сфере внешней политики, которые на современном этапе и в обозримой перспективе включают:

- защиту и укрепление государственного суверенитета Таджикистана и обеспечения его национальной безопасности; формирования пояса безопасности и добрососедства на границах страны;

- развитие отношений доверия, дружбы и сотрудничества со всеми странами мира на основе взаимного учета интересов;

- формирование благоприятных условий для экономического, социального и культурного развития, постепенного роста благосостояния народа, обеспечения экономической безопасности страны;

²⁰ П. 2.12. Новое понимание внешней политики // Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы ...

²¹ Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утв. Указом Президента РТ от 27 января 2015 г., № 332 // URL: <http://mfa.tj/ru/pravovaya-osnova-vp/kontceptciya-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan.html>

- обеспечение энергетической независимости Таджикистана, достижение продовольственной безопасности и выхода страны из коммуникационного тупика;

- обеспечение и защиту прав и свобод, достоинства и интересов граждан Таджикистана внутри и за пределами страны;

- укрепление положительного имиджа Таджикистана в мире как демократического, светского и правового государства;

- содействие созидательной и законной деятельности обществ таджиков и соотечественников в других странах.²²

В этом важном политическом документе подчеркнута, что внешняя политика Таджикистана будет разрабатываться и осуществляться с учетом упомянутых глобальных вызовов и угроз и региональных факторов.

Бесспорно, внешняя политика Республики Таджикистан имеет органическую связь с экономическими потребностями государства и, исходя из этого, нацелена на укрепление и расширение его торгово-экономического сотрудничества в системе мировых экономических связей и политико-дипломатическую поддержку экономических интересов страны. Она, согласно принятой Концепции, является политикой «открытых дверей», миролюбивой и бескорыстной, и при ее осуществлении Таджикистан готов развивать отношения дружбы и признание обоюдных интересов на основе взаимного уважения, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества со всеми ближними и дальними странами.²³

Одной из ключевых задач внешней политики РТ является обеспечение и отстаивание национальных интересов и активное продвижение созидательных инициатив и предложений таджикского государства в Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждениях, а

²² См.: Концепция внешней политики Республики Таджикистан.

²³ Там же.

также усилия, направленные на получение его членства в выборных органах и структурах ООН.²⁴

Следует отметить, что 10 декабря 2012 г. президент Туркменистана Г. Бердымухамедов, как и глав других государств региона, утвердил Концепцию внешнеполитического курса Туркменистана на 2013–2017 гг., но в открытой печати этот документ представлен только в официальном изложении Управления международной информации МИД Туркменистана.²⁵

Концепция представляет собой систему взглядов на содержание и приоритетные направления международной деятельности Туркменистана. В данном программном внешнеполитическом документе нашли отражение стратегические задачи формирования внешнеполитического курса республики на основе оценки долгосрочных национальных целей и интересов.

Объективными факторами внешней политики республики названы: уникальный, на международном уровне признанный, нейтральный статус Туркменистана, его обширный ресурсный потенциал и преимущества географического расположения, наработанный позитивный опыт миротворческого посредничества и неконфронтационного решения межгосударственных вопросов.²⁶

Главным приоритетом внешнеполитического курса Туркменистана является последовательная защита национально-государственных интересов страны на международной арене, обеспечение благоприятных внешних условий для мирного и стабильного развития государства и общества, раскрытия человеческого потенциала, соблюдения интересов и прав личности.²⁷

²⁴ Там же.

²⁵ Новые рубежи сотрудничества во имя мира и развития (08.01.2013) // URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=3086>

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

В качестве основных целей внешней политики Туркменистана в Концепции рассматривается практическая реализация таких крупных международных инициатив президента страны, как:

- последовательное развитие отношений добрососедства и сотрудничества в регионах Средней Азии и Каспийского бассейна;
- активное участие в предотвращении и нейтрализации конфликтов, содействие мирному, политическому урегулированию ситуации в Афганистане и социально-экономическому восстановлению этой страны;
- системная работа по развитию и диверсификации внешнеэкономических, торговых, культурно-гуманитарных связей, росту экономики республики, повышению уровня и качества жизни населения;
- всесторонняя защита прав и интересов граждан Туркменистана за рубежом.

Стратегическим направлением внешней политики Туркменистана является деятельное участие в обеспечении вопросов укрепления мира, стабильности и безопасности в глобальном и региональном масштабах. Как подчеркивается в Концепции, формируя свои подходы к проблеме обеспечения всеобщей безопасности, Туркменистан исходит из целостности и неделимости этого понятия, взаимосвязанности его отдельных аспектов – геополитического, военного, экономического, энергетического, продовольственного, экологического, техногенного и др.

Особое внимание в Концепции акцентируется на реализацию важных международных инициатив президента Туркменистана, выдвинутых на сессиях Генеральной Ассамблеи и других крупных форумах ООН. В их числе:

- разработка и принятие международным сообществом Декларации о приоритетном применении политико-дипломатических средств при решении международных вопросов;

– выработка универсального политико-правового документа ООН, который регламентировал бы деятельность государств и компаний на международном энергетическом пространстве с целью обеспечения надежного и безопасного функционирования международной инфраструктуры энергопоставок, доступа к ним и эффективного их использования;

– формирование постоянного действующего механизма многостороннего политического диалога – Форума по миру и сотрудничеству в Средней Азии с участием государств региона и соседних стран, заинтересованных международных структур с целью выработки взаимоприемлемых подходов к важнейшим вопросам нынешнего и перспективного развития;

– разработка конкретных, действенных и системных мер, направленных на создание и эффективное функционирование транспортно-транзитных коридоров по маршрутам Север – Юг и Запад – Восток;

– создание в сотрудничестве с ООН специализированной структуры – Межрегионального центра по решению проблем, связанных с изменением климата²⁸.

Заслуживает внимания то, что внешняя политика Республики Узбекистан строится в соответствии с Законом Республики Узбекистан от 10 сентября 2012 г. ЗРУ-330 «Об утверждении Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан», который не опубликован в открытой печати, его краткое изложение представлено на сайтах МИД Узбекистана и Законодательной палаты Олий Меджлиса РУ²⁹.

В соответствии с Конституцией страны, Законом «Об обороне» и Военной доктриной, Вооруженные Силы Республики Узбекистан создаются

²⁸См.: Новые рубежи сотрудничества во имя мира и развития...

²⁹Внешняя политика // URL: <http://www.mfa.uz/ru/cooperation/policy>; Утверждена Концепция: отношение и признание // URL: <http://parliament.gov.uz/ru/events/fractions/7373>

исключительно для защиты государственного суверенитета и территориальной целостности страны, мирной жизни и безопасности ее населения и не принимают участия в миротворческих операциях за рубежом. Основными внешнеполитическими задачами Узбекистана на современном этапе являются:

- последовательное развитие международного сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной, научно-технической и других сферах;

- формирование максимально благоприятных внешнеполитических условий для эффективной реализации проводимых в стране демократических реформ и динамичных процессов модернизации общества и экономики;

- сохранение и укрепление мира и стабильности в Центральной Азии, превращение региона в зону безопасности и устойчивого развития, содействие достижению мира и стабильности в Афганистане;

- формирование сбалансированной многоплановой системы стратегического партнерства с ведущими государствами мира и международными организациями, поддержание геополитического равновесия в регионе, широкая диверсификация торговых, экономических, технологических, транспортных и иных связей Узбекистана.

Анализируя документов центральноазиатских государств в сфере внешней политики, современный российский исследователь Игнатов А.В. отмечает, что, принятые постсоветскими центральноазиатскими государствами Концепции внешнеполитической деятельности, отличаются друг от друга подходами к участию в международных соглашениях и коллективных усилиях международных организаций, а также отношением к размещению на своей территории военных баз иностранных государств и использованию своей территории для транспортировки вооружения других государств в третьи страны, что, в свою очередь, отражено в концепциях национальной безопасности этих государств.

Он также подчёркивает, что эти государства при обосновании подхода к интеграционным процессам ставят в центр внимания не динамику экономической интеграции, а предотвращение угроз, связанных с региональной политической нестабильностью, преступностью, терроризмом и коррупцией, незаконным оборотом наркотиков, т.е. проблемы, в решении которых могут участвовать государства с различными уровнями экономического развития и разными политическими системами. А также подчеркивает, что новые независимые государства вступают в международные объединения, ядро которых образуют государства-лидеры с высоким военным, экономическим и дипломатическим рейтингом, и участие в которых может содействовать росту их авторитета на международной арене.³⁰

Нерешённость затяжных конфликтов по поводу демаркации границ между новообразованными постсоветскими государствами в регионе (Таджикистан – Кыргызстан, Узбекистан – Кыргызстан – Таджикистан) наличие очагов потенциальных претензий этнических общностей друг к другу или к государству (события на юге Кыргызстана в 2010 году) и постоянные всплески локальных конфликтов в соседнем Афганистане создают благоприятную почву для нарастания негативных тенденций в сфере региональной безопасности.

Всё это формирует такое представление, что сложился замкнутый круг, в котором региональные конфликты с выраженным этническим и этнополитическим компонентом стали важнейшей угрозой национальной безопасности в Центральной Азии, а уязвимость региональных систем безопасности препятствует долговременной и устойчивой стабилизации межэтнических отношений в регионе.³¹

³⁰ Игнатов А.В. Таджикистан в современных международных процессах. Душанбе-Бишкек 2016.-С.59.

³¹ Авксентьев В, Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития.// Обозреватель-Observer. - 2006. - N 7. - С. 19-27.

Сложившаяся ситуация в странах нового постсоветского центрально-азиатского региона усложнена тем, что, кроме Ирана и России, страны Запада также проявляют к ним огромный интерес. Для западных держав Центральная Азия выступает не только как стратегически значимый рынок энергоносителей, но и как плацдарм, позволяющий ослабить влияние и позицию Ирана и России в регионе. Наряду с этими государствами нарастает влияние Китая, Турции и арабских стран на народы центрально-азиатского региона.

Все это указывает на то, что геополитическая роль Центральной Азии, после образования здесь новых суверенных национальных государств, к началу XXI века резко повысилась, и она постепенно превращается в один из самых милитаризованных регионов современного мира. К примеру, такие независимые государства Центральной Азии, как Казахстан и Узбекистан ныне обладают военным потенциалом, сравнимым с потенциалом средней европейской страны. Чтобы не быть голословным, отметим, что на данный момент численность армии Казахстана составляет 110 тыс. офицеров и солдат, а личный состав вооруженных сил Узбекистана состоит из 65 тыс. человек.

Вне всякого сомнения, геополитическая обстановка в Центральной Азии, и ее дальнейшее изменение в недалёкой перспективе ознаменовано конфликтом интересов, как самих центрально-азиатских государств, так и Ирана, Китая, России, Турции и западных держав в регионе, а также сохранением очагов внутри- и межнациональной напряженности, изменчивой природой функционирования здесь новых суверенных постсоветских республик. А продолжающиеся соперничество и борьба на межнациональном, региональном и глобальном уровнях за передел сфер влияния и контроль над ресурсами региона ещё больше усугубляют создавшуюся геополитическую обстановку в Центральной Азии.

Важно иметь в виду, что ещё одной характерной для этого региона проблемой выступает сложившиеся, после распада Советского Союза, отношения к местному русскоязычному населению. Заметное влияние на общее демографическое положение Центральной Азии оказала массовая миграция русских и русскоговорящих из мест традиционного проживания, расположенных на границах национально-территориальных образований в регионе. Так, численность русских, проживающих в республиках Северного Кавказа, только за период с 1989г. по 1999г. сократилось на 342,5 тыс. человек.

Абсолютно правы те исследователи, которые подчёркивают, что отток русскоязычного населения из бывших союзных, а ныне независимых национальных республик «... в основном обусловлен тем обстоятельством, что русские не смогли приспособиться к новым политическим и экономическим условиям, в отличие от "коренного" населения, сумевшего сориентироваться в новой обстановке».³²

По нашему мнению, характерной особенностью новых условий, прежде всего, заключается не только наличие выше перечисленных условий, но и в нестабильности общественно-политической ситуации в странах региона, отсутствии полного обеспечения безопасности этой категории населения, а также происходившие изменения социокультурной среды в национальных обществах.

Таким образом, краткий анализ проблемы исторических и социокультурных связей Центральной Азии с Ираном позволяет сделать вывод, что современный постсоветский центрально-азиатский регион, в целом, – это важный геополитический регион, привлекающий к себе внимание не только Ирана, но и «больших» геополитических игроков (Индия, Китай, Пакистан, Россия, Турция), которые стремятся в любой

³²Воронцов С.А. О некоторых причинах оттока русскоязычного населения из национальных республик Северного Кавказа / С.А. Воронцов // Южнороссийское обозрение: собран.тр. - Вып. №2. – М., 2001.

форме участвовать в политические процессы региона и повлиять на них, а порою, создать эти процессы и управлять ими.

В этом плане Иран стремится укрепить свои позиции в областях, традиционно входящих в зону его влияния (Таджикистан, Западный и Северо-Восточный Афганистан, Туркменистан, Узбекистан), и стать одним из ключевых внешнеэкономических партнеров стран Центральной Азии. Более того, активный интерес Ирана к Шанхайской организации сотрудничества и последующее его вступления в неё, а также Организацию Договора о коллективной безопасности, и подача им официальной заявки на членство в неё в марте 2008 года указывают на серьёзные намерения Тегерана прочно обосноваться в центрально-азиатском регионе.

Показательно, что его вступление в ШОС поддерживают и лоббируют именно страны Центральной Азии - Таджикистан и Казахстан. В этой связи стоит напомнить, что большую часть членов обеих структур, основной сутью которых является обеспечение военной безопасности входящих в них государств, составляют также центрально-азиатские страны – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Несомненно, намерение стать полноправным членом военно-политического союза с Россией и этими странами Центральной Азии является для Ирана мощным стимулом для более тесного взаимодействия с центрально-азиатским регионом в целом.

Всё это подтверждает, что, фактически, современная Центральная Азия в большой геополитической игре выступает, как регион, откуда можно направить свои усилия против своих врагов, одновременно на нескольких направлениях. В этой связи, постсоветский центрально-азиатский регион еще на долгие годы остается ареной политической борьбы различных заинтересованных сил, и на этой почве будет сохраняться как одна из беспокойных точек мира с точки зрения возникновения конфликтов, войн и противоречий.

Для того чтобы научно осмыслить и позитивно решить эти сложные проблемы, необходимо более подробно рассмотреть сущность и степень влияния межгосударственных отношений на политические процессы в центрально-азиатском регионе, в которых активное участие принимают, как страны региона, так и Исламская Республика Иран.

1.2. Влияние межгосударственных отношений на политические процессы в центральноазиатском регионе

Совершенно очевидно, что распад Советского Союза способствовал возобновлению связей между Ираном и странами Центральной Азии, существовавших с древнейших времен. Национальные общности, проживающие в данном регионе, возрождая свои культурно-этнические традиции, и осознавая смысл своего богатого культурного наследия, осознали наличие существования между общих исторических и культурных судеб, которых невозможно предать забвению. Иранская культура, вне всякого сомнения, как было отмечено в предыдущем разделе, имеет огромное влияние на духовную жизнь народов региона и занимает особое место в Центральной Азии. Заметим, что на развитие бывших союзных республик, после провозглашения ими свою государственной независимости, влияние Ирана стало ощутимым, поскольку историческая и культурная общность, соседство, ислам как традиционная здесь религия, потребность в коммуникациях похожие социально-экономические проблемы и другие факторы сближают эти страны.

В то же время, суверенные постсоветские государства Центральной Азии также играют важную роль во внешней политике Ирана, который, после провозглашения ими независимости, открыл свои дипломатические представительства в столицах этих стран, и стал налаживать с ними всестороннее сотрудничество. Безусловно, крах великой советской империи и возникновение новых субъектов международных отношений в центрально-азиатском регионе

заставили Иран уделить больше внимания своим новым северным соседям. Это, в свою очередь, требовало от Ирана внести соответствующие коррективы в свою внешнюю политику, так как до 90-х годов прошлого столетия он граничил на севере только с одной из супердержав мира, которая определяла порядок в межгосударственных связях Центральной Азии.

Если, например, Иран до конца XX века в каспийском бассейне граничил только с одним государством, и свои морские проблемы решал с ним, то теперь же, после распада СССР, он вынужден решать их с несколькими постсоветскими державами, что, естественно, даёт новый импульс его внешней политики в этом регионе.

Межгосударственные отношения стран Центральной Азии и Ирана с самого начала имели многовекторный характер и складываются на различных уровнях, даже, на уровне провинций и областей, и охватывают общемировой, региональный и двухсторонний аспекты сотрудничества, что требует своего подробного научного рассмотрения.

Нельзя отрицать тот факт, что разрушение Советского Союза привело и к изменениям во взаимоотношениях всех регионов мира. Эти изменения, с одной стороны, способствовали возникновению таких условий, которые позволяют Ирану реализовать свой разнообразный потенциал, как в сфере внешней политики, так и экономики.

С другой стороны, страны Центральной Азии, когда через столетий господства на их территории монархов и коммунистических правителей, стали самостоятельными, ныне натываются на многочисленные социально-экономические и структурные проблемы. В случае их несвоевременного решения, у них могут возникнуть серьёзные трудности внутреннего и внешнего содержания, и в регионе могут сложиться, реальные для безопасности этих стран, в том числе Иран, ситуации.

Поэтому для Ирана сохранение стабильности и безопасности в центрально-азиатском регионе имеет особо значение, и выступает одним из приоритетных

направлений в реализации его внешней политики. Оно актуализируется ещё больше в связи с проводимой политикой западных стран и США, после распада СССР, в Центральной Азии.

Дело в том, что правящие круги США и многих западных стран не одобряют, проводимую внешнюю политику Ирана по отношению стран региона и проявляют на него негативную реакцию: будто бы своей активностью Иран создает политическую нестабильность в Центральной Азии. Отдельные исследователи на Западе пытаются доказать, что Иран со своим историческим прошлым, культурным влиянием, активной внешней политикой может способствовать активизации исламского фундаментализма в регионе. Они такие свои выводы обосновывают наличием исламской религии в регионе, где абсолютное большинство населения являются ее последователями. По их мнению, в центрально-азиатском регионе кроме фундаментализма, сопряжённые с ним, установленные при Советском Союзе границы национального вопроса и экономические трудности также могут стать здесь причиной нестабильности.

Необходимо отметить, что проявление активности радикально-экстремистских групп в некоторых странах Центральной Азии, в определённой степени, обосновывают эту точку зрения. Негативная пропаганда по поводу расширения религиозного фундаментализма в регионе претворяется в рамках борьбы некоторых стран Запада против Ирана, и вышеупомянутые утверждения потеряли свою актуальность, после того, как многие религиозные группы и движения здесь потеряли своё экстремистское содержание. Всё это обязывает ИРИ осуществлять более мягкую внешнюю политику в Центральной Азии, доказывая, тем самым, что её основной целью в данном регионе является не распространение исламского экстремизма, а сотрудничество и политическая стабильность.

Такая позиция Ирана неоднократно была подчеркнута правительством этой страны при официальных встречах и переговорах с главами центрально-азиатских государств, что, как показывает практика, одобряется главами республик

Центральной Азии. Более того, на активную экономическую деятельность Ирана в выступлениях указывали и глав государств региона. Например, Президент Казахстана в ходе своего официального визита в Иран (1995 г.) чётко высказался о степени важности участия Тегерана в решении социально-экономических и политических проблем в странах центрально-азиатского региона. Об отсутствии угрозы распространения исламского радикализма, вопреки утверждениям западной прессы, на страницах еженедельной газеты «Panorama» писали казахстанские обозреватели, которые посетили Иран в 1995 г.

Невзирая на всё это, США проводят по отношению к странам Центральной Азии характерную для них политику, т.е. одно временно с сотрудничеством в других областях, они стараются заключить военные договора с государствами региона. Естественно, Российская Федерация, которая доминирует в Центральной Азии, не хочет мириться с присутствием в данном регионе других, внешних сил. Поэтому РФ, в рамках принятых договоров стран СНГ, развивает сотрудничество с государствами Центральной Азии в военной сфере и в вопросах безопасности, наряду с экономическими и политическими сферами. Россия, как свидетельствует история, проявляет серьезное беспокойство в случае возникновения кризисных ситуаций в этом регионе. К примеру, Россия, активно вмешиваясь в события, которые произошли в Таджикистане в 90-ые годы прошлого столетия, тем самым, дала знать другим супердержавам, что ей принадлежит решающая роль в Центральной Азии.

Примечательно, что Исламская Республика Иран, расширяя и углубляя свои всесторонние связи с Москвой, способствует равновесию отношений России с центрально-азиатскими странами. В этой связи уместно подчеркнуть, что сотрудничество Ирана с Россией в последние десятилетия охватывает различные области и широко поддерживается сторонами.

Не секрет, что на международном уровне членство стран Центральной Азии в Организации Исламской Конференции также является выгодным для Ирана. Участие центрально-азиатских государств в ОИК не только увеличивает её состав

и территорию, оно также укрепляет силу и авторитет этой организации в мире. В то же время, членство стран Центральной Азии в Организацию Исламской Конференции непременно приводит к усилению роли неарабских государств в ней. Увеличение количества неарабских членов организации, соответственно, усиливает позицию Ирана в принятии важных решений.

Не менее важным направлением отношений Ирана с государствами Центральной Азии выступает вопрос о членстве этих стран в Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), что имеет международное значение, и на данный момент решается проблема возможности принятия суверенных республик региона в эту организацию.

Несомненно, вхождение стран Центральной Азии в ОПЕК, даёт возможность Ирану выработать совместную с ними политику экспорта энергоносителей, особенно нефти. Кроме транзита этих видов энергоносителей, который служит инструментом влияния на политику, через территорию Ирана, ОПЕК намерен сотрудничать с прикаспийскими государствами, а также государствами Центральной Азии. Поэтому, чтобы решить важнейшие проблемы, которые связаны с энергоносителями, ИРИ уделяет особое внимание углублению дипломатических отношений между странами Каспийского бассейна, поскольку на их территории имеются большие нефтяные запасы.

При этом, если будет достигнуто общее согласие и заключены международные договора по транзиту энергоносителей (нефти и газа) из центрально-азиатского региона через территорию Ирана, то в перспективе позиция этой страны усилится не только в ОПЕК, но и в глобальном масштабе, и Тегеран превращается в прочный мост между азиатским и европейским континентами.

Совершенно очевидно, что Иран выступает транзитным вариантом выхода государств Центральной Азии на мировые рынки, но он ещё и способствует активному инвестированию экономики стран региона со стороны, других, более развитых держав. Значимым стимулом сотрудничества центрально-азиатских

государств с Ираном, безусловно, геостратегическое расположение ИРИ в регионе и возможность выхода в открытое море через её водные коммуникации.

Значение укрепления связей с Ираном для центрально-азиатских республик становится тем более необходимым, если учитывать их желание не быть зависимым от РФ при транспортировке энергоносителей, и создать новые коммуникационные сооружения через ИРИ для выхода к Персидскому заливу.

Заметим, что, с целью налаживания всесторонних связей со странами Центральной Азии, такие государства, как Индия, Бангладеш и Германия вели с Ираном переговоры. Это доказывает тезис о том, что те государства, которые хотят устанавливать торгово-экономические связи с центрально-азиатскими республиками, осознают степень их зависимости от отношений с Ираном.

Неоспоримый факт, что другие страны Азии не могут, подобно Ирану, стать связующими мостами в межгосударственных отношениях в Центральной Азии по разным причинам: КНР - из-за отдаленности, Исламская Республика Афганистан - из-за продолжительной гражданской войны, политической и социально-экономической нестабильности. Что касается Турции, то она не может взаимодействовать со странами региона, минуя коммуникации Ирана.

Как выше нами было акцентировано, на политические процессы в государствах Центральной Азии, кроме Ирана, непосредственно может повлиять Российская Федерация, и взаимоотношения этих стран имеют давнюю историю, в ходе которой имели место, как многочисленные подъемы, так и спады. В течении почти четырёхсотлетних отношениях между Ираном и Россией были моменты очень дружественные, и весьма – враждебные. В последний раз ослабление дружественных отношений между этими странами приходится на 80-е гг. XX века, после победы Исламской революции, так как во внешней политике Тегерана тогда верховенствовал лозунг: «Ни Восток, ни Запад!». Хотя в этот период отношения Ирана и России полностью не прерывались, но они и не развивались, и такое, не совсем конструктивное состояние взаимоотношений прекратилось только в начало 90-х гг., после распада СССР, когда наступил период улучшения

российско-иранских отношений во всех сферах, и в первую очередь - экономической.

Тесно развивающиеся многоплановые сотрудничества между ИРИ и РФ развеяли опасение экспорта Исламской революции в страны Центральной Азии. Набирающееся темп улучшение отношений Ирана с Россией в последние годы, несомненно, указывает на сближение позиций этих стран в необходимости реализации конструктивных действий по отношению к центрально-азиатским постсоветским республикам.

Огромные достижения в сотрудничестве Исламской Республики Иран и Российской Федерации наблюдаются за последние пять лет, и стали более очевидными основы взаимодействия и факторы сближения этих двух держав. Россия, по мнению политической элиты современного Ирана, является одной из супердержав в мире и экономически развитым государством. Она может играть важную роль в качестве надёжного партнера на международной арене, и поэтому сотрудничество с Россией может принести Ирану большую выгоду. Поскольку связи ИРИ и РФ – разновекторны, и охватывают различные направления, заслуживающие отдельного и тщательного научного анализа, считаем уместным, отметить в них, лишь два фактора:

- 1) современную внешнюю политику Российской Федерации по отношению к странам Центральной Азии и этого региона в целом;
- 2) экономические аспекты сотрудничества центрально-азиатских республик и РФ в рамках интересов Ирана.

Россия, соответственно своему географическому расположению, занимает огромную часть Евроазиатского континента, что в историческом аспекте существенно и специфически отразилось на экономике, культуре и политике этой страны. Русские, как один из славянских народов, по своему происхождению, с древних времён всегда поддерживали определённые отношения с восточными соседями, что, в известной мере, повлияло на их культуру и менталитет. В период существования Советского Союза Россия, фактически, была ведущей республикой

и решала главные социально-экономические и политические задачи этой супердержавы, и имела огромное влияние на все остальные советские республики. Однако распадом страны Советов сфера её влияния резко ограничилась, и на постсоветском этапе во внешней политике РФ наблюдаются следующие направления:

1. Членство в Европейском Союзе и всестороннее сотрудничество с США. С этой целью в начале распада СССР определёнными кругами настойчиво создавалось общественное мнение, что Россия должна отойти от Востока и проявить смирение для её принятия в ЕС. Такой подход, который убеждает, что Россия в союзе с США должна участвовать в построении нового миропорядка, среди политологов получил название «концепция соединенного сообщества». Естественно, прозападная тенденция во внешней политике России имеет исторические корни: многие местные политики ещё со времен Петра I видели спасение российского государства только в укреплении связей и сотрудничестве с Западом.

2. Националистическая точка зрения, сторонники которой исходят из независимого духа русских, подчеркивая общепланетарную миссию России, где наблюдается влияние традиционной философско-этической школы таких великих мыслителей, как Толстой и Достоевский.

3. Евразийская доктрина, приверженцы которой рассматривают Россию не только как мост между Западом и Востоком, но и объединяющей вокруг себя других бывших советских республик, державой, способной формировать новое экономическое и политическое сообщество – ЕАЭС. Безусловно, геостратегическое положение России делает необходимым наличие позитивного сотрудничества, как с Западом, так и с Востоком.

Необходимо отметить, что, поскольку «концепция «соединенного сообщества» была ориентирована на идею о первоочередности сотрудничества со странами Запада во внешней политике России постсоветского периода, и она не

отвечала её интересам в перспективе, просуществовала недолго, и была отклонена политической элитой.

Хотя к концу 90-х годов в России влияние прозападных тенденций заметно ослабли, однако быстро стали развиваться направления националистического содержания, которые с точки зрения здравого смысла, ослабляя давление Запада, являются опасными и угрожают России в проведении уравновешенной внешней политике в целом. Согласно точке зрения националистически настроенных политиков, российское государство должно иметь возможность противостоять западным державам сознательно, сократив роль раннее проведенных переговоров по сокращения стратегических наступательных вооружений, и ослабив, тем самым, важность переговорных процессов в этой сфере.

Рост националистических движений в России на первых порах разрушения Союза ССР и гражданская война в Югославии стали резким поводом для беспокойства Москвы о том, что такое может случиться и в самой России или в бывших советских, а ныне суверенных республиках. Тогда российские националисты громко заявляли о трудных условиях жизни русских, проживающих в новообразованных постсоветских странах. Скорее всего, это и заставило бывшего министра иностранных дел России А. Козырева высказаться о праве вмешательства России в дела независимых стран СНГ, во имя защиты, проживающего в этих республиках, русскоязычной части населения.³³ Однако, как показал опыт, Россия различными способами сохранила спокойствие и стабильность в этих странах, и даже принимает все меры, чтобы уберечь центрально-азиатские республики от вмешательства других государств в их внутренние дела.

Следует подчеркнуть, что ныне преобладающей во внешней политике РФ является тенденция, которая предусматривает, как сохранение самостоятельности в отношениях с Западом, так и движение в сторону укрепления сотрудничества с

³³ «Независимая газета», 25 декабря 1996.

Китаем и исламским миром, куда входят крепкие связи и тесное сотрудничество со всеми постсоветскими государствами Центральной Азии.

Как известно, термин «Ближнее зарубежье» возник после завершения начальной стадии внешней политики независимой России, т.е. во взаимодействие её с бывшими союзными республиками, кроме стран Балтии, которое осуществляется в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). На первом этапе государственного суверенитета казалось, что все бывшие союзные республики станут экономически самостоятельными, так как Содружество, согласно положению, зафиксированному в Минском договоре СНГ 1994 г., в качестве экономического союза не является субъектом международного права. Следовательно, факты говорят о сохранении между Россией и постсоветскими странами Центральной Азии связей, которые, безусловно, еще долгое время будут существовать и развиваться. В свою очередь, Исламская Республика Иран в реализации своей центрально-азиатской внешней политике обязательно должна учитывать эти и другие обстоятельства.

Так как РФ имеет в центрально-азиатском регионе неоспоримые стратегические интересы, это заставляет её держать в поле зрения все страны Азии, в том числе и Иран. Само собой разумеется, что геополитическое положение России объективно превращает ее в мощную силу евразийского континента, и она всегда была заинтересована в налаживании позитивных отношений и плодотворного сотрудничества с Ираном, чтобы иметь доступ к водам Персидского залива.

Проживающих в странах Центральной Азии более 10 млн. этнических русских, является связующим звеном и укрепляющим связей между Россией и этими республиками. Многие из них, хотя и относительно долгое время проживали в этих государствах, не приобрели местного менталитета, и для многих из этих русских полное отделение от России и признание се иностранным государством психологически очень сложно и даже неприемлемо. Российская Федерация, в свою очередь, должным образом озабочена положением

русскоязычной части населения этих стран, в связи с чем, она предложила признание «двойного гражданства», на это согласились лишь всего лишь три государства Содружества – Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан.

Невзирая на то, что между Ираном и Россией сложились партнёрские отношения по многим сферам межгосударственных и международных отношений, в том числе и в вопросах сотрудничества с государствами Центральной Азии, в то же время можно предположить, что по степени влияния в этом регионе эти страны считается основными соперниками. Соперниками России в Центральной Азии выступает не только Иран, но и все те государства, которые стремятся оказать свое влияние на, происходящие здесь, политические и экономические процессы. Следовательно, страны центрально-азиатского региона приобретают больше преимуществ от деятельности иностранных государств, что ослабляет возможность роста противоречий между заинтересованными сторонами.

Важно учесть, что Исламская Республика Иран стремится расширить свои связи и сотрудничество с Российской Федерацией и использовать в реализации своей внешней политики ее авторитет на международной арене. Наряду с этим, Иран старается в тесном контакте с Россией получить экономические выгоды от сотрудничества со странами Центральной Азии. Однако, нельзя не заметить, что из-за расширенного участия Ирана в экономических процессах региона в качестве лидера Организации Экономического Сотрудничества (ЭКО), членами которой и являются центрально-азиатских республик, скрыто и открыто происходит противопоставление их остальным странам-членам Содружества. Но, наряду с этим, стремление Ирана поднять на новый уровень сотрудничество и ещё больше укрепить связи с РФ позволяет формировать необходимое пространство ирано-российского сотрудничества, и в случае противопоставления интересов России и Ирана представляется игра с нулевым результатом, которая в политических кругах приобрела название «Zero Sum Game».

Реалии взаимоотношений этих двух стран показали, что между Ираном и Россией существуют многочисленные возможности сотрудничества и партнерства по многим сферам межгосударственных и международных отношений. Более того, у этих стран имеются немало совпадающих точек зрения относительно региональной безопасности и стабильности. В этом плане РФ нацелена противодействовать неограниченному влиянию и присутствию западных стран и США в Центральной Азии. Для Ирана также важно сохранение стабильности в данном регионе, поскольку возникновение здесь неспокойной ситуации вредит его национальной безопасности. В этой связи ИРИ, используя переговоры и посредничества, намерена сохранить мир и стабильность в регионе, и она с пониманием относится к сохранению лидерства РФ среди стран СНГ и исходит из того, что в новых условиях сильная Россия может быть гарантом обеспечения интересов Ирана в регионе. В противном случае, открывается доступ другим странам к Центральной Азии.

Ярким примером сотрудничества Ирана и России в сохранение мира и спокойствия в центрально-азиатском регионе может служить их совместные усилия для достижения стабильности в Республике Таджикистан. Во всех раундах переговоров, которые велись между Правительством Таджикистана и Объединённой таджикской оппозицией они принимали активное участие в качестве посредников, причем с общих позиций. Российская сторона была хорошо осведомлена, что Иран имеет контакты с группировками оппозиции в Таджикистане, что можно их использовать для достижения мира, что и привело к тому, что 27 июня 1997 года в г. Москве Правительство Таджикистана и представители оппозиции подписали «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане».

Другим фактом плодотворных взаимоотношений России и Ирана является их сотрудничество по проблемам вокруг Персидского залива. Как известно, некоторые страны залива, особенно в последние годы, создают благоприятные условия для присутствия и этом регионе США, что позволяет этой супердержаве

упрочит свои позиции здесь, и играть в этом регионе ключевую роль. Конечно, такое положение дел не устраивает не только Иран, но и Россию. Поэтому позиция Ирана, предполагающая обеспечение безопасности стран Персидского залива, одобряется и поддерживается Россией, что ослабляет здесь присутствие США.

Такое тесное взаимодействие между Ираном и РФ основывается на то, что эти страны имеют также общие взгляды по вопросам Каспийского моря. Стоит заметить, что кроме России и Иран с Каспием граничат Туркменистан, Казахстан и Азербайджан, поэтому в последние годы проведены многочисленные встречи и дискуссии с целью определения правового статуса этого моря. Ещё раз подчёркиваем, что позиции ИРИ и России по широкому кругу проблем, вокруг Каспия, совпадают, вероятно, в большей степени, чем позиции РФ и других прибрежных стран-членов СНГ.

Не вызывает сомнения тот факт, что, в основном, Исламская Республика Иран вместе с правопреемницей Советского Союза — Российской Федерацией определяют международно-правовой режим Каспийского моря, который нашёл своё отражение в условиях договоров 1921 и 1940 гг. В общеполитическом плане можно утверждать, что статусные и природопользовательские оценки Ирана и России в отношении бассейна Каспия – идентичны, и изменение существующего режима данного региона без согласованного мнения Москвы и Тегерана была бы практически нереальна для любой третьей страны.

В то же время, и на Иран, и на Россию оказывается серьезное политическое воздействие извне, прежде всего, со стороны Соединённых Штатов Америки. Это, скорее всего, связано с тем, что стратегическое сближение РФ и ИРИ в зоне Каспийского моря нарушает далеко идущие планы США.

Одним из таких намерений Америки можно считать стремление Вашингтона свести к минимуму роль Ирана и России в транзите через свою территорию энергоресурсов на мировой рынок, а также различные попытки США и стран Евросоюза вовлечь в соперничество два ведущие прикаспийские государства.

Естественно, в интересах ИРИ будет такая «каспийская политика», которая, при обязательном учете интересов таких региональных прикаспийских стран, как Туркменистан, Казахстан и Азербайджан, а также и близко расположенных, а потому заинтересованных вне региональных держав и Турция и Грузия, не имела бы выраженного прозападного уклона. Добиться этого Иран и Россия могут только совместными усилиями, привлекая к решению проблемы остальные - пять прикаспийских государств.

Согласно последним статистическим данным, запасы нефти в Каспийском море достигает свыше 59,2 млрд. баррелей, а газа – не меньше 57.1 трлн. м³, и в перспективе будет резко решаться вопрос об изменении правовых норм их эксплуатации с учетом интересов всех пяти прибрежных стран. Разумеется, придерживаться договоров 1921 и 1940 гг. пока ещё остаётся в интересах сотрудничества Ирана и России, действенность принципов которых, на постсоветском пространстве, подтвердил документ ООН от 6 октября 1994 г., продлевающий их действие вплоть до выработки новых договорных обязательств государств Каспийского бассейна.

Важно иметь в виду, что Исламская Республика Иран и Российская Федерация, после принятия в 1992 г. членами СНГ (в г. Алма-Ата) Декабрьской декларации о совместной договоренности по всему кругу каспийских проблем, получили стимул к согласованному действию в этом сложном, и в политическом и экономическом отношениях, регионе.

Сложность ситуации заключается в том, что Азербайджан и Казахстан склонны к разделу Каспия на множество секторов эксплуатации, а Туркменистан также излагает относительно данной проблемы свою собственную выгодную позицию, которую должен учитывать Иран. При всем этом, ИРИ и РФ стараются не разделить Каспий по такой схеме, и это основывается на следующие причины:

- а) раздел Каспийского моря по такому принципу лишает оба государства их общие границы, т.е. в этом случае Казахстан получит 144 тыс. кв. м, Иран - 44 тыс. кв. м., а три другие страны – Азербайджан, Россия и Туркменистан - от 70 до 80

тыс. кв. м. морского пространства, что, естественно, не соответствует интересам ИРИ и РФ;

б) такое деление Каспия на зоны интересов, вне всякого сомнения, ослабит присутствия Ирана и России и приведет к усилению влияния западных государств в регионе. В этом случае довольно страны Запада и США без особого усилия ограничат участие Ирана и России в нефтяных проектах;

в) при таком развитии хода событий, предложение Исламской Республики Ирана о создании Организации сотрудничества прибрежных государств потеряет свой смысл. Здесь речь идет об инициативе, которая была выдвинута Ираном в марте 1992 г., чтобы создать Организацию сотрудничества прикаспийских держав в составе Азербайджана, Ирана, Казахстана, России, Туркменистана, которая должна выполнять не политическую, а организационно-хозяйственную функцию, чья штаб-квартира будет находиться в г. Тегеран.

Стоит акцентировать, что у Ирана есть и другое, не менее интересное намерение - формировать Организацию стран-добытчиков и экспортеров газа, которая преследовала бы такие, далеко идущие цели: остановить гонку вооружения в прикаспийском регионе, обеспечить безопасность транспортировки нефти и газа за счет многосторонних сил участников процесса и увеличить доходы от их перевозки.

На наш взгляд, теоретическое и практическое (политическое) значение взятого Ираном курса по каспийской проблеме заключается в следующем:

1. В решении проблемы каспийского бассейна Тегеран исходит из сущности тех задач, которые являются общими для всех государств региона, включая РФ и другие государства постсоветского пространства, и выработать новые правовые основы для всех видов хозяйственной деятельности на Каспии. Сюда должны входить не только разведка, добыча нефти и газа, но и сохранение, и восполнение рыбных запасов, и защиты современной экологии. Только в таком случае «каспийская политика», выработанная Ираном, будет отвечать авангардным требованиям мирового прогресса.

2. Политика Ирана и России в зоне Каспийского моря носит целенаправленный и цивилизационный характер, т.е. она, во-первых, нацелена на важную роль Ирана в конструирование устойчивого положения в регионе, где не исключено появление на сцену новых участников процесса; во-вторых, ИРИ представляет собой транзитный наземной и морской путь планетарного значения.

Несомненно, исторические предпосылки и современные реалии во взаимоотношениях России, Ирана и стран Центральной Азии делают приемлемой демилитаризацию всей экономически направленной «будущее» и, имеющей очень болезненное «вчера», каспийской зоны. При этом современные региональные международные организации государств зоны Каспийского моря с участием ИРИ для России и стран СНГ, в частности центрально-азиатских республик, выглядят предпочтительнее, чем ставшие обычными в 90-х гг. доктрины «баланса сил» и «баланса интересов».

На этой основе Российская Федерация и Иран почти во всех совещаниях и саммитах по определению правового статуса Каспия отстаивают принцип неделимости этого моря. В этом плане аргументом в пользу России и Ирана и в дальнейшем будет служить Договор от 26 февраля 1921 года и 11-й пункт этого соглашения, а также подписанный Торговый договор о мореходстве от 25 марта 1940 года между Ираном и Советским Союзом, которые определяют Каспий, как водный бассейн общего пользования двух приграничных государств на равноправной основе.

Вышеизложенного позволяет заключить, что у Ирана и России, после распада СССР и образования новых независимых государств на постсоветском пространстве имеются немало совпадающих мнений по вопросам Центральной Азии в контексте развития двусторонних отношений, и они в настоящее время развиваются. Однако возникновение разногласий с РФ в этом направлении тоже не исключается. Это случится только тогда, если Иран привнесет или поддержит в Центральной Азии религиозный радикализм и экстремизм. Поэтому

положительное решение данной проблемы важно для защиты интересов, как России, так и Ирана в центрально-азиатском регионе.

Думается, чтобы полнее охарактеризовать состояние связей Ирана с Россией, являющейся ведущим государством в СНГ, сохраняющим глубинные связи с рассматриваемым нами центрально-азиатским регионом, необходимо фиксировать некоторые выводы нашего анализа. Они затрагивают социально-политическую сферу, и что делается впервые, оценку перспективного сотрудничества в сопредельных с Россией регионах (сопредельность понимается условно, ввиду отсутствия между Ираном и Россией сухопутных границ), сущность которой состоит в следующем:

1. Общая, хотя и не вполне определившаяся, тенденция к частичному восстановлению в том или ином виде государственного союза ныне независимых республик СНГ, усиливает позиции России в мировой экономике, включая и центрально-азиатский и прикаспийский регионы. Первый, наверное, в большей степени, чем другие регионы Содружества.

2. На всем постсоветском пространстве все ещё преобладают центробежные силы, поэтому страны Центральной Азии могут находить партнеров для сотрудничества, как на Западе, так и на Востоке. Ввиду этого, Иран вынужден учитывать, что государства региона имеют большое количество договоров и соглашений с транснациональными корпорациями. В этом плане особое место принадлежит Казахстану и Туркменистану: их ориентация на Запад прослеживается достаточно четко.

3. В период управления В.В. Путиным, как Президента Российской Федерации, явно прослеживается усиление в стране самодостаточных тенденций, что вряд ли способствует сближению с Америкой и её союзников. Исламский мир, особенно Иран, арабские страны, и Китай, станут для экономических целей России более привлекательными, чем далекий «силовой партнер» - США.

4. Политической элите современного Ирана приходится учитывать, что, хотя с середины 90-х гг. прошлого века ЕС стал важным торгово-политическим

партнером России, однако партнерство по вопросам сотрудничества относительно центральноазиатского региона с Евросоюзом пока в перспективе не видится, и эти контакты европейские страны, в основном, реализуют через Россию. Помочь странам Центральной Азии и избежать участия предполагаемого члена (как Турция) в ЕС в политических процессах региона - цель, выгодная и для Ирана, и для России.

Всё это, в совокупности, предполагает анализа состояния и перспективы влияния Ирана на происходящие сегодня политические процессы в пространстве стран Центральной Азии, что мы попытаемся осуществить в следующем разделе исследования.

ГЛАВА II. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИИ ИРАНА И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Взаимоотношение Ирана с центрально-азиатскими странами и его значение в обеспечении стабильности региона

Теоретическое осмысление проблем происходящих политических процессов в постсоветских государствах Центральной Азии и определение роли Ирана в них позволяет выявить, что нынешний этап развития таких процессов требует еще более глубокого изучения с позиции, как региональных особенностей, так и влияния других геополитических факторов. В соответствие с этим, безусловно, важным моментом выступает обозначение общей структуры корреляции отношений между государствами данного региона. На этой основе, с целью проведения более достоверного научного анализа проблемы считаем целесообразным, рассмотреть взаимосвязь взаимоотношение Ирана со странами региона на примере каждой из них конкретно.

Общеизвестно, что республики Центральной Азии, после распада Советского Союза, в силу ряда объективных и субъективных факторов столкнулись с различными трудностями экономического, социально-политического и культурного характера, что за очень короткое время перерос в тотальный кризис. В Таджикистане он породил внутри общностное противостояние, которое привело к гражданской войне.

Не секрет, что Таджикистан занимает особое место в отношениях Ирана с государствами Центральной Азии, что обусловлено не столько экономическими и политическими причинами, сколько факторами этнокультурной близости. Справедливости ради, надо отметить, что в период гражданской войны в Таджикистане Иран придерживался нейтралитета по отношению к противоборствующим группировкам, демонстрируя политику невмешательства, хотя некоторые аналитики

обозначали сближения Таджикистана с Ираном достаточно откровенно, как процесс культурной экспансии, который, конечно же, основан на общем историческом, культурном и религиозном прошлом. Безусловно, целью Ирана, как нам кажется, является распространение своего идеологического господства над государствами Центральной Азии и, прежде всего, над Республикой Таджикистан, единственной персо-язычной страной в данном регионе. И, как следствие этого господства, Иран старается создать, такое же, как у себя, исламское государство в Таджикистане. Такие обвинения на официальном уровне были отвергнуты, ибо, как отмечали власти Ирана, выбор стратегии дальнейшего развития является внутренним делом этого центральноазиатского государства.

Более того, Иран выступал одним из активных посредников в процессе урегулирования внутреннего конфликта в Таджикистане. Прекращение огня между противоборствующими сторонами, после Тегеранского раунда межтаджикских переговоров в 1994г. стало первым шагом к установлению мира. Но внутренние разнонаправленные проекты и перспектив развития, разворачиваемые различными силами, стали для их реализации определенной помехой. Одним из таких проектов было обращение к доисламскому прошлому таджиков. Акцентуация на этой линии развития с одной стороны разворачивала, действительно другие перспективы, ибо связывала таджиков с арийской линией («мы – арийцы»), что расширяло символические границы таджиков.³⁴ Однако, на тот момент эта позиция прозвучала как стратегически недальновидная, так как, в первую очередь, необходимо было решить вопрос об установление мира в Таджикистане путём примирения властей и ОТО. Сразу же после подписание в Москве межтаджикского Договора между Правительством РТ и оппозицией, чему в немалой степени способствовали как Россия, так и

³⁴Точикистон, мувохисаи кишварҳо ва созмонҳои байналмилалӣ (Таджикистан, дискуссии стран и международных организаций). – Тегеран, 1995. – С. 9 (на персид. языке).

Иран, в сфере приоритетности национальных проектов сразу же наметились изменения.

В годы таджикского противостояния Иран сотрудничал в ООН с Россией и другими странами региона для нормализации обстановки в Таджикистане. Такое сотрудничество стало поводом для подписания соглашения о прекращении огня в сентябре 1995 года в Тегеране. Роль Ирана на этих переговорах была очень важной, что было признано мировым сообществом. Следует отметить, что Иран выразил готовность активного участия в создании миротворческих сил ООН. На этой основе склонность противоборствующих сторон в Таджикистане к миру в 1994 году укрепило уверенность Ирана в минимизации опасности.³⁵

Первая официальная делегация ИРИ прибыла в Таджикистан, после обретения им независимости, осенью 1991 года и сразу после прибытия начались переговоры с официальными лицами Таджикистана. В результате, в январе 1992 года было подписано соглашение об установлении широкомасштабных политических и дипломатических отношений между двумя странами.

Анализ политических связей Ирана с Таджикистаном показывает, что Тегеран всегда проявлял особый интерес к независимости и территориальной целостности Таджикистана и старался укрепить свои политические отношения на высоком уровне. Между этими странами с момента приобретения Таджикистана суверенитета до настоящего времени подписаны ряд важных документов. А в последние годы, невзирая на существующие определенные проблемы и влияние внешних факторов, межгосударственные связи Ирана и Таджикистана развиваются быстрыми темпами. К примеру, Иран в последнем десятилетии успешно осуществил несколько стратегически значимых проектов, таких как строительство автомобильного тоннеля «Истиклол», возведение Сангтудинской ГЭС-2 и

³⁵Хезрек Э. Иран и южные регионы бывшего Советского Союза. – Тегеран, 1995. – С. 48 (на персид. языке).

многих других объектов, способствующие фактическому выводу Таджикистана из коммуникационного тупика и создание энергетической независимости. Следует отметить, что Таджикистан горная страна и имеет огромные запасы воды, однако для превращения этих запасов в электроэнергию также необходимы большие инвестиции. Со своей стороны Иран, обладающий опытом в строительстве дамб и водных преград, сможет оказать своей дружественной стране помощь в этой отрасли.

Во время официального визита Министра энергетики в Таджикистан в 2003 году был подписан итоговый документ о капиталовложениях Ирана в строительство гидроэлектростанции «Сангтуда-2». В том же году Министр энергетики Таджикистана с официальным визитом прибыл в Тегеран с целью участия в работе комиссии по планированию этапов ведения проекта «Сангтуда-2», которая по плану был сдан в эксплуатацию в 2009 году.

Как известно, после распада Советского Союза идея создания трехстороннего сотрудничества между Ираном, Афганистаном и Таджикистаном оказалось в поле зрения ИРИ, Однако особое условия в Афганистане в то время, и нестабильная обстановка в Таджикистане привели к тому, что она была отложена. Ещё в январе 2006 года министрами энергетики ИРИ, Таджикистана и Афганистана в рамках осуществления совместных проектов в секторе энергетики, и с успехом завершили переговоры. Основные вопросы в ходе этих переговоров касались транспортировки электроэнергии из Таджикистана в Афганистан в рамках проекта «Сангтуда-2», Соглашения по которой были подписаны между таджикскими и иранскими властями³⁶.

Они также подписали Меморандум о взаимоотношении в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиком акцентировались следующие вопросы: осуществление совместных разработок по вопросам обнаружения наркотиков и повышения квалификации кадров.

³⁶См.: Махмуд Муртаза Центральная Азия и развитие многостороннего сотрудничества Ирана и Таджикистана //Исследование Центральной Азии и Кавказ.Тегеран,1386,№58.-С. 21-22.

Учитывая, что РТ не имеет выход к морю, географическое положение ИИРИ может обеспечить свободный выход страны к международным морским путям. Иными словами, через Иран, РТ с одной стороны может связаться с Европой, с другой, получить доступ к Персидскому заливу и другим точкам мира³⁷.

Всё это было связано с тем, что до 2016 года Республики Таджикистан испытывал трудности, так как она, фактически, находилась в состоянии коммуникационной блокады со стороны соседнего Узбекистана. Политическое руководство Таджикистана и весь его народ были обеспокоены политикой бывшего Президента Узбекистана И. Каримова, который, соперничая с Казахстаном, всячески стремился усилить свое давление на Таджикистан. Создавшаяся ситуация вынудила таджикских властей к получению «стратегического дыхания» от ИРИ.

Основными причинами возникновения экономических проблем в суверенном Таджикистане можно считать географическое месторасположение страны, где отсутствуют морские пути, и на этой основе, её зависимость от Узбекистана из-за путей сообщения, а также нехватка квалифицированной рабочей силы и малоэффективное использование полезных ископаемых, и добыча богатых полезных ископаемых в недрах страны также нуждается в больших капиталовложениях.

Скорее всего, на этой основе иранская компания «Собир интернейшнл», после подписания соответствующего соглашения приступила к работе по строительству тоннеля «Истиклол», соединяющего север и юг республики, что в кратчайшие сроки было сдано в эксплуатацию. О важности этого проекта достаточно вспомнить слова тогдашнего Посла

³⁷Задохин А.Г. Внешняя политика России: самосознание и национальные интересы. Пер. Махди Санаи. - Тегеран: Абрар муасир, 1384. - С. 295-296.

США в Таджикистане, который сказал: «Приобретая этот проект, Иран обеспечил себе рекламу на много лет вперёд».³⁸

Иранскими специалистами также успешно был построен и сдано в эксплуатацию автомобильный тоннель «Чормагзак» на юге республики, соединяющий Душанбе с районами Кулябского региона Хатлонской области и Горного Бадахшана.

Другая важная сфера, в которой Иран осуществляет многочисленные программы в Таджикистане, является сфера культуры и образования. Таджики и иранцы благодаря языковой и культурной общности имеют весьма близкие культурные связи. Таджикский язык до принятия кириллицы также назывался персидским языком, а основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни считал таджикский язык синонимом персидского языка.³⁹

Культурные связи Ирана и Таджикистана в годы советской власти поддерживались в рамках сотрудничества с СССР. Даже в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945гг) большая группа таджикских деятелей искусства из Госфилармонии и Театра опера и балета посещали Иран и представили 120 концертов для иранских слушателей.

Следует отметить, что никакие искусственно созданные барьеры никогда не смогли разорвать культурные связи таджиков и иранцев. Так, в годы советской власти деятели науки и культуры Ирана и Таджикистана встречались в ходе международных конгрессов, посвященных 1000-летию А.Рудаки в 1958 г. в Душанбе, на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. в Москве, на Международном конгрессе иранистов в Тегеране в 1967г., на Международном конгрессе персидской поэзии в 1967 г. в Душанбе и многих других.

Таджикская культурная элита, подчёркивая, что в период советской власти партийно-коммунистические органы в соответствии с

³⁸Таджикистан и Иран: связи укрепляются / «Пайванд», 1998. - № 12. – С. 4.

³⁹Шукурзода М. / «Рудаки», 2002. - № 2. – С. 35.

идеологическим установкам, преднамеренно препятствовали близким отношениям таджиков с другими персо-язычными народами, апеллируют о необходимости вернуться к своим традиционно-историческим культурным связям. В этом плане между Афганистаном, Ираном, Пакистаном и странами Центральной Азии была создана совместная Академия в целях возрождения и укрепления персидского языка в регионе. Кроме решения вопросов, связанных с письменностью и языком, Иран и центрально-азиатские страны, начиная с первых лет государственной независимости, установили очень тесную связь в других областях культуры. Примером этому служат проведённые мероприятия по обмену книгами, фестивали фильмов, организации многочисленных выставок, спортивных встреч, семинаров персидского языка, недели культур, а также перевода и издание Корана на таджикском языке и др.

Немаловажными формами культурного сотрудничества выступают и различные образовательные проекты: обмен студентами, подготовка квалифицированных специалистов, кратковременные курсы по банковским делам и страхованию и т.п. В самых престижных вузах, как в Иране, так и в странах Центральной Азии, обучаются иранские и центрально-азиатские студенты. В Республике Таджикистан в две научных обсерваториях плодотворно работают учёные из Ирана, и иранской стороной в городах Душанбе, Кулябе, Худжанде и Хороге были открыты четыре большие библиотеки.

Необходимо отметить, что культурная общность между таджиками и иранцами послужила поводом для решения многих межгосударственных вопросов. Поэтому политическое руководство Ирана и Таджикистана, понимая важность укрепления культурных связей, приняло конкретные меры, ключевыми из которых можно считать массовое участие граждан этих стран в совместно организуемых культурно-просветительских мероприятиях, развитие сферы туризма между ними, выплата студентам

таджикских вузов стипендий иранской стороной и другие. Культурная и цивилизационная идентичность этих родственных народов, стала таким существенным фактором, что диапазон их сотрудничества расширился намного, и вышел за рамки политического и экономического взаимодействия.

Совершенно очевидно, что культурная дипломатия Исламской Республики Иран, после изменения политической карты мира в конце прошлого века, была, в основном, сориентирована на мусульманские страны Центральной Азии, и, прежде всего, на Таджикистан. Вопросы совместной деятельности в области культуры и образования всегда занимали доминирующее место в ходе переговоров и двухсторонних соглашений этих стран.

Уместно напомнить, что на данный момент Иран занимает второе, после КНР, место по размерам инвестиционных вложений в экономику Республики Таджикистан. В частности, как выше было отмечено, иранцы построили здесь гидроэлектростанцию Сангтуда-2, прокладывали и дали в эксплуатацию тоннель «Истиклол» (инвестиции в который со стороны Ирана составляют около 40 млн. долларов США). Они готовятся к реализации проекта Шурабадской ГЭС, намерены, в том числе, отстроить ещё несколько малых электростанций, и даже готовы финансировать строительство самой крупной в Центральной Азии - Рогунской ГЭС. В перспективе сотрудничества Ирана и Таджикистана намечено строительство иранскими специалистами автомобильной и железной дороги, соединяющей Таджикистан, Афганистан и Иран, а также возведения ЛЭП Рогун - Мазари Шариф - Герат – Мешхед, (декабре 2014 года по итогам встречи должностных лиц стран – участниц проекта был подписан документ об определении маршрута). Предвидится также прокладка водопровода из Таджикистана в Иран и трубопроводов для поставки нефти и газа из Ирана в Таджикистан и другие сооружения.

Немаловажное значение во взаимоотношениях имеет импортно-экспортная политика этих двух государств. Заметим, что основными статьями экспорта Таджикистана в Иран являются хлопок и алюминий, а в импорте из Ирана преобладают, прежде всего, продовольственные товары, изделия из черного металла и пластмассы, машинное и техническое оборудование, цемент, бытовая химия и др.

Как свидетельствует официальная статистика, товарооборот по итогам 2013 г. между Таджикистаном и Ираном превысил 292 млн. долларов США, что почти на 35 % выше показателя 2012 года. Только за первые 3 квартала 2014 года объем товарооборота составил около 186 млн. долларов США, и в общей сложности, товарооборот между этими странами за последние 10 лет вырос в 5 раз. Более того, около 180 иранских предприятий осуществляют свою деятельность в Республике Таджикистане, большинство из них работает в сельском хозяйстве и энергетике.⁴⁰

Исламская Республика Иран и Таджикистан налаживают сотрудничество в военно-технической области, чему, в большей степени, способствует деятельность военного атташе при иранском посольстве в г. Душанбе. Хотя на данный период военно-техническое сотрудничество этих стран ограничивается созданием совместных предприятий по пошиву военного обмундирования и ремонтом боевой техники на территории Таджикистана, однако не исключено, что в будущем оно будет приобретать более масштабный характер.

Тот факт, что Ирана и Таджикистана хотят реализовать идею создания фарсиязычного союза государств, в который, кроме них, вошел бы и Афганистан, свидетельствует об их стремление к более тесному взаимодействию. Данная тема обсуждалась во время мартовского 2009г. визита в Тегеран лидером таджикского государства на трехсторонней встрече глав Таджикистана, Афганистана и Ирана. «Между нами нет

⁴⁰Мехдиев Э. Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе / Интернет-ресурс: stanradar.com/news/full/19129-...

языкового барьера. Единственно, в Афганистане этот язык называют «дари», в Таджикистане – «точики», а в Иране – «фарси». Но это три ростка одного корня. У нас не только общие история и культура, у нас и проблемы одинаковые. И нам нужно объединиться, чтобы решать их», - отметил в интервью Iran.Ru посол Ирана в Таджикистане Алиасгар Шердуст.⁴¹

Касаясь вопроса о взаимоотношениях Ирана с самым развитым в экономическом плане государства Центральной Азии – Казахстана, необходимо констатировать, что, хотя Тегеран не считается стратегическим партнером Астаны, однако эти два государства активно развивают взаимовыгодное сотрудничество во многих сферах деятельности, и демонстрируют совпадение взглядов и интересов по большинству сторонам взаимодействий. Дипломатические отношения между этими странами были установлены, когда посольство Ирана в Астане было открыто в 1992 г., посольство Казахстана в Тегеране – в 1993 г.

Несомненно, общность экономических интересов и территориальная близость стран в рамках Каспийского региона оказывают большое влияние на характер и содержание двусторонних отношений Ирана и Казахстана. Между этими государствами подписано более 60 межправительственных и межведомственных соглашений по вопросам сотрудничества в сферах культуры, образования, здравоохранения, спорта, туризма, транзита товаров, нефтегазовой промышленности, взаимных инвестиций, транспорта и т. д.

Примером совпадения взглядов глав этих государств может служить то, что в 2009 году во время своего визита в Казахстан бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад одобрил все идеи президента Назарбаева относительно выхода из мирового финансового кризиса. Безусловно,

⁴¹Иран, Таджикистан и Афганистан. Много общего в прошлом и настоящем. Что в будущем? / «Азия-Плюс», 10 января 2011г. - № 2.

Республика Казахстан для Ирана представляет интерес не только как мусульманская страна, но и как государство, которое обладает достаточным индустриальным, сельскохозяйственным и научным потенциалом, и Тегеран из этой республики активно импортирует зерно, нефтепродукты, металлургическую и другую продукцию.

Разумеется, Казахстан также заинтересован в процветании торгово-экономической деятельности и политического диалога с Тегераном, в реализации совместных нефтегазовых проектов, в частности, таких, как строительство трубопровода Казахстан–Туркмения–Иран (Персидский залив), благодаря чему Астана могла бы выйти к азиатским рынкам. Иран представляет интерес для Казахстана в качестве инвестора в объекты машиностроения, инфраструктуры, транспорта, телекоммуникаций. Наверное, по этой причине за последние шесть лет торговый оборот между Ираном и Казахстаном вырос более чем в пять раз, т.е. с 400 млн. до более 2млрд. долларов США.

В этой цепи вполне обосновано утверждение казахстанского эксперта-политолога, директора Группы оценки рисков Досыма Сатпаева, считающий, что, кроме всего прочего, «Иран нам интересен как государство, которое может принимать активное участие в решении афганской ситуации, потому что она беспокоит не только соседние Узбекистан и Таджикистан, но и Казахстан в плане мощных потоков наркотрафика через нашу территорию. В этом плане стабилизирующая роль Ирана в попытке урегулирования афганской проблемы была бы очень полезна для всех стран Центрально-Азиатского региона. Все понимают, что с Ираном нужно считаться, поскольку от его позиции зависит ситуация в других регионах мира, будь то палестинская проблема или афганская. В конечном итоге, Иран – наш сосед по Каспию, и нам выгодно, чтобы отношения с ним были действительно партнерскими».⁴²

⁴²Иран. Связи с Россией и СНГ / Интернет-ресурс:polpred.com/?cnt=62&ns=1&page=9&...

Необходимо отметить, что заседания, созданной в 1992 году совместной межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, попеременно в Иране и Казахстане, проводятся регулярно. Инвестиции за период с 2005 по 2014 гг. из Ирана в Казахстан составили более 120 млн. долларов США, из Казахстана в Иран – более 10 млн. долларов США.⁴³ Казахстан часто приглашает различные иранские компании участвовать в проектах по строительству автодорог и телекоммуникаций.

Как показывает практика сотрудничества этих стран, такие транспортно-транзитные проекты, как восточный маршрут МТК "Север – Юг": Казахстан – Туркменистан – Иран и проект Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман являются приоритетным направлением их взаимодействия. К последнему Казахстан присоединился в феврале 2015 г.

Проект расширения морского порта Актау, строительство порта Курык, к которому проведена дорога Ералиево – Курык, осуществляется рамках транспортного сотрудничества между Ираном и Казахстаном на Каспии. Также для приёма казахстанских товаров увеличена мощность иранского порта Анзали, открыт зерновой терминал Казахстана в порту Амирабад, ав перспективе - строительство зернового терминала в порту Имам Хомейни в Иране, а также возможно возобновление нефтяных своп-операций между этими странами, которые были прекращены в 2010 г.

Безусловно, реализация транспортных проектов после снятия санкций со стороны США и стран Евросоюза в отношении Ирана будут способствовать ещё большему сближению двух стран.

Хотя двусторонние отношения между Ираном и Кыргызстаном не отличаются особой динамикой, однако они развиваются, в целом, достаточно плавно, сразу после установления между них дипломатических отношений 10 мая 1992 г. Через год в Бишкеке Иран открыл своё

⁴³Мехдиев Э. Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе / Интернет-ресурс: stanradar.com/news/full/19129-...

посольство, а в 1994 г.в Тегеране начало свою деятельность посольство Кыргызстана.

До тех пор (т.е. до середины первого десятилетия текущего столетия), пока в аэропорту "Манас" были размещены авиабазы США, взаимодействие Ирана и Кыргызстана было ограниченным и осуществлялось, в основном, в рамках Организации экономического сотрудничества и Организации исламского сотрудничества. Активизация двусторонних отношений между Тегераном и Кыргызстаном, фактически, берёт своё начало с 2007 года, когда Ирана (в качестве наблюдателя) участвовал в очередном саммите ШОС, который проходил в Бишкеке. В ходе ряда встреч руководителей этих стран были подписаны различные соглашения о сотрудничестве в сфере торговли и инвестиций, и впоследствии товарооборот между странами сохранялся на уровне 60–70 млн. долларов США в год, а сотрудничество в гуманитарной сфере осуществлялось более продуктивным.⁴⁴

Первый зарубежный визит новоизбранного президента Ирана Х. Роухани на данном посту в Бишкек в 2013 г., придал новый импульс взаимоотношениям Республики Кыргызстан и ИРИ.

Плодотворное взаимодействие Ирана и Кыргызстана в настоящее время на уровне парламента, министерств и ведомств, а также стабильная работа межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству поднимает связи этих государств на новую высоту, о чём свидетельствует объем товарооборота, который в 2014 году увеличился почти до уровня почти 100 млн. долларов США. Реальными в перспективе направлениями сотрудничества между Ираном и Кыргызстаном могут стать энергетика, нефтегазовая и транспортная отрасли.

⁴⁴Кыргызстан и Иран – перспективы двустороннего экономического сотрудничества // «Время Востока», 9 декабря 2016г.

Иран и Кыргызстан в рамках сотрудничества в сфере транспорта рассматривают также строительство железной дороги по маршруту Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран, с последующим включением в него Россию и Узбекистана. Положительные изменения в отношениях между Тегераном и Бишкеком за последние два года стали более заметными, хотя потенциал двустороннего сотрудничества не реализован ещё в полной мере.

За относительно короткий срок (около 10 лет) страны подписали ряд соглашений сотрудничества в области транспорта, таможенной деятельности, торгово-экономической сфере, налажено взаимодействие по части образования, культуры, туризма, таможенного дела, финансов, борьбы с наркотиками и организованной преступностью. Они также обеспечивают друг друга промышленными товарами и сельхозпродукцией нескольких наименований. ИРИ часто выделяет Кыргызстану гранты и инвестиции миллионы евро и долларов США. Например, в конце 2008 года Иран выделил Кыргызстану в качестве финансовой помощи до 200 млн. евро для реализации экономических программ, а его дорожно-строительные компании активно включились в реализации проекта стратегической автомагистрали по маршруту «Бишкек - Ош».

Есть и такие утверждения, что Иран и Кыргызстан намерены поднять уровень ежегодного объема двусторонней торговли до 5 млрд. долларов США.⁴⁵ Согласно мнению эксперта Института Ближнего Востока С.Воронова, заметно значение, которое придается в этих странах развитию межрегиональных взаимоотношений, подтверждение которому служат, установленные побратимские связи и налаженные торгово-экономическое сотрудничество между провинцией Казвин (Иран) и Джалалабадской областью (Кыргызстан), провинцией Хорасан и Ошской областью, а также провинцией Хамадани Чуйской областью.

⁴⁵См.: Интернет-ресурс: <http://knews.kg/2012/07/iran-i-kyrgyzstan-namerenyi-ejegovat-na-5-milliardov-dollarov/>

Ежегодно и динамично увеличивается число государственных стипендий, которых выделяет иранское правительство для граждан Кыргызстана, желающих получить образование в вузах Ирана. Более того, центры исламоведения и иранистики функционируют в некоторых киргизских вузах, налажены прямые связи между крупнейшими университетами двух стран, а иранская сторона добилась участия в написании учебников для средних школ Кыргызской республики.

Безусловно, что решение о выводе из страны авиабазы США, расположенной в аэропорту «Манас», принятое в феврале 2009 года тогдашним президентом Кыргызстана К. Бакиевым, было весьма положительно воспринято политическим руководством Ирана. Это связано с тем, что размещение в Центральной Азии стратегических сил НАТО доставляет Ирану много хлопот, особенно в свете распространившегося в тот период слуха о готовности Соединённых Штатов, именно с этой авиабазы, ударить по иранской территории. Кстати сказать, Бишкек сразу же заявил о недопустимости эксплуатации военной базы «Манас» против Ирана в случае военной операции. Тем более, после заявления Тегерана о том, что он ответит ударами по точкам, откуда будут запущены ракеты, нацеленные на территорию страны.

По большому счёту, согласно оценкам большинства специалистов экспертной группы Информация и анализ оси (Axis Information and Analysis), внешняя политика Ирана по отношению к Кыргызстану представляет собой компонентой более глобальной стратегии этой страны в Центральной Азии. Вне всякого сомнения, она нацелена, прежде всего, на нейтрализацию усилий США по экономической и политической изоляции Ирана в его ближайшем окружении.

Рассматривая взаимоотношений Ирана и Туркменистана, необходимо отметить, что главная их особенность заключается в том, что взаимное сотрудничество двух стран обусловлено отсутствием другого выбора, т.е.

обе они «обречены» иметь активные двусторонние связи. В этом плане такая особенность международного статуса Туркменистана, как объявление постоянного нейтралитета основой своей внешней политики, представляет немалый интерес для Ирана. Такой прагматический подход к определению статуса Туркменистана позволил ее политическому руководству удачно маневрировать между полюсами силы современного мира, «не боясь вызвать раздражение сильной и авторитетной Америки».⁴⁶ Объявленный Туркменистаном нейтралитет выступает сдерживающим фактором, который позволяет ему дистанцироваться от участия в международных военно-политических блоковых структурах, это для Ирана очень важно.

Кроме этого, такой курс ирано-туркменского сотрудничества подкреплен объективно выгодными этим странам, существующими экономическими связями. Совершенно очевидно, что, в связи со сменой высшего руководства Туркменистана и определенными изменениями во внешней политике официального Ашхабада, эта линия вряд ли претерпит какие-либо кардинальные изменения, хотя потенциальное сближение Туркменистана с Западом способно, конечно, внести определенные изменения в характер двустороннего сотрудничества.

Одним из ключевых моментов во взаимоотношениях Ирана и Туркменистана является Каспийский вопрос, который актуален на данном этапе их сотрудничества. Взаимное стремление двух держав детерминировано отсутствием альтернативного выбора, что и является главной особенностью отношений между этими двумя странами, и как метко отмечает один из экспертов Института Ближнего Востока - «Обе страны «обречены» иметь активные двусторонние связи, так как их объединяют наличие протяженной общей границы, многовековая историческая, конфессиональная и цивилизационная близость. Территория нынешнего Туркменистана неоднократно была частью исторического

⁴⁶Региональная политика Ирана на постсоветском пространстве / Интернет-ресурс:
<http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/484/regionalnaya-politika-irana-na-postsovetskom-prostranstve-4207>

Ирана, а столица легендарной ирано-язычной Парфии – Ниса — располагалась по соседству с нынешней туркменской столицей. Развивая отношения с Туркменистаном, Иран преследует прагматические цели – укрепить свои позиции в регионе, извлечь максимальную выгоду как из наличия в соседней стране громадных запасов углеводородов, так и из ее удобного геополитического положения на перекрестке транзитных путей. Цементирующим фактором добрососедства является и наличие на севере Ирана значительного массива туркменского населения»⁴⁷

Безусловно, на данном этапе одним из основных экономических партнеров Туркменистана является, именно, ИРИ, между которыми годовой объем торговли, включая сотрудничество в нефтяной и газовой промышленности, согласно оценкам специалистов, составляет 1,2 млрд. долларов США. За последние несколько лет в Туркменистане иранские компании реализовали такие инвестиционные проекты, как программа развития оптико-волоконной связи, возведение железной дороги по маршруту Мешхед – Серахс-Теджен, построение бункеров, плотины «Дружба», водных сооружений для промышленных предприятий в г. Мерв, нефтеочистительного завода в Туркменбаши, жидких газовых терминалов, автомобильных дорог и шоссе и др.

Как известно, после распада СССР, когда суверенный Туркменистан оказался в состоянии глубокого экономического кризиса, а его граждане отчаянно нуждались в товарах повседневного спроса и продуктах питания, Иран одним из первых оказал им помощь. Иранцы в то время, как пишет газета *Tehran Times*, отправили своим северным соседям тонны муки и других видов продовольствия.⁴⁸

Примечательно, что железная дорога Теджен–Серахс–Мешхед, которая была введена в эксплуатацию в мае 1996 года, дала возможность

⁴⁷Месамед В.И. Иран -Туркменистан: что впереди? / Интернет-ресурс: iimes.ru/rus/stat/2007/09-02-07.htm

⁴⁸«TehranTimes», 2009. - № 7 (28). – С. 11.

Туркменистану кратчайшим путём добраться в регион Ближнего Востока, и она, фактически, восстановила Великий шелковый путь. Благодаря Ирану в Туркменистане осуществлено или находятся на стадии выполнения проекты создания около сотни промышленных объектов, которые имеют для национальной экономики приоритетное значение. Также в строительстве газопровода Корпедже–Курдкуй длиной 200 километров, который стал альтернативой российским трубопроводам и был пущен в эксплуатацию в 1998 году, финансовая и материальная помощь Ирана огромна. Равным образом, Туркмения обязалась каждый день, в течение двадцати пяти лет, поставлять своему южному соседу до 25 млн. кубометров газа, и, начиная с 2006 года, увеличил объем его поставок.

В то же время анализ взаимоотношения Ирана и Туркменистана показывают, что в них иногда имели место и некоторые трения. Так, немало обид у иранской стороны вызвало решение Ашхабада, когда в январе 2008 года в условиях суровых морозов Туркменистан прекратил поставки газа в ИРИ. Хотя, экспорт газа через некоторое время был возобновлен, но уже не по цене 65 долл. США, а по 140долл. США за 1 тысячу кубометров. Однако Тегеран, ограничившись закулисными переговорами, не стал раздувать скандал, и в феврале 2009 года президенты двух стран подписали соглашение о ежегодной поставке 10 миллиардов кубометров газа в Иран.

Невзирая на всё это, следует особо отметить, что контакты Тегерана и Ашхабада носят интегративный характер, и глава государства Туркменистана неоднократно отмечал, что обоюдные экономические отношения этих стран развиваются практически во всех областях. Правительства Ирана и Туркменистана уделяют особое внимание прогрессу инвестиционного климата, развитию внутреннего рынка, широкому внедрению инноваций и увеличению объема экспорта товаров наряду с

расширяющимся гуманитарным взаимодействием двух братских государств.⁴⁹

Продолжая анализ, отметим, что наиболее сложные отношения в регионе у Ирана сложились с Узбекистаном, поскольку Ташкент с момента приобретения государственного суверенитета тревожился, что присутствие Ирана в центрально-азиатском регионе может способствовать возрождению в стране таджикской культуры и самосознания. Они в перспективе могут привести к возникновению сепаратизма в Бухаре, Самарканде и других регионах, населёнными таджиками, а также Узбекистан усматривал в отношениях с Тегераном потенциальный канал проникновения исламского влияния в республику.

Помимо этого, Узбекистан попытался также набить себе цену в глазах Запада, выставляя себя оплотом в противостоянии иранскому и российскому влиянию в регионе. Он встал на путь открытой конфронтации в отношении Тегерана. Так, Узбекистан - единственный из постсоветских государств, который в 1995 году, когда американский конгресс ввел против Ирана экономические санкции, открыто поддержал эту меру. Однако ИРИ не шла на конфронтацию, и только иногда критиковала действия Ташкента относительно исламской оппозиции в Узбекистане. Не вдаваясь в подробности, в девяностых годах прошлого века главным поводом в отношениях между Тегераном и Ташкентом была взаимная подозрительность и обоюдный скепсис.

Примечательно, что руководство Узбекистана, особенно его президент, все чаще стали выражать свою заинтересованность в расширении сотрудничества и углублении связей с ИРИ. Доказательством этому могут служить множественные визиты высокопоставленных лиц Узбекистана и Ирана на различных уровнях, обмены правительственными

⁴⁹Социально-экономический и гуманитарный контекст современных туркмено-иранских взаимоотношений / Интернет-ресурс: mpfund.ru/news/20170324/74.html

делегациями, регулярные встречи, консультации министров и заместителей иностранных дел, а также других официальных представителей этих стран.

Несомненно, на этом фоне между этими государствами, в первую очередь, расширяется торгово-экономическое сотрудничество, и в 2008 году объем ирано-узбекского товарооборота превысил 600 млн. долларов США.⁵⁰ Иран поставляет в Узбекистан строительные материалы, моющие средства, продукты питания, чай, фрукты и прочие товары, а взамен получает хлопок, черные и цветные металлы, минеральные удобрения, химволокно и другую продукцию. Узбекистан и Иран условились развивать взаимодействие в аграрной сфере, в области транспорта, фармацевтики, банковского дела, добычи газа и переработки нефти, строительства и других.

Когда во время официального визита президента И. Каримова в июне 2003 года в Иран руководители двух стран подписали соглашение о международных транспортных маршрутах, Узбекистан получил возможность сократить путь к портам Персидского залива, и вывозить свою продукцию через иранские порты Бандар-Аббос и Чобахор на побережье Индийского океана. Благодаря этому соглашению, Иран через территорию Узбекистана стал доставлять свои товары в Центральную Азию и другие страны Содружества.

Складывающиеся отношения между Ираном и Узбекистаном в течении всего их существования характеризуются как умеренно доброжелательные, не имея тенденции к активизации или резкому изменению в своем содержании. Вплоть до 2005 года определенная исламофобия в политическом руководстве Узбекистана и откровенно проамериканский характер внешней политики этого центрально-азиатского государства являлись теми факторами, которые тормозили сближению двух стран. Тем не менее, у политической элиты Ирана, как показывает опыт,

⁵⁰Иран и Центральная Азия / «Азия-Плюс», 12 июня. 2015.

присутствует вполне трезвое осмысление значимости Узбекистана в региональном контексте.

Вне всякого сомнения, после приобретения независимости Узбекистана, Тегеран уделяет огромное внимание направлению своей политики относительно этому государству, и Ирана из совокупности отношений со странами Центральной Азии более половины всех визитов, усилий и инициатив приходится на это государство. Однако пока реальной отдачи ни в сфере экономического сотрудничества, ни в политическом взаимодействии эта активность не принесла. На сегодня фактическим сотрудничеством в торгово-экономических отношениях Ташкента и Тегерана выступает лишь развитие транспортной инфраструктуры. Точкой отсчёта этого проекта является ввод в эксплуатацию в 1996 г. железнодорожной ветки Теджен–Серахс–Мешхед, которая соединила железнодорожные системы Ирана и государств центрально-азиатского региона, и в 2006 г. – ветки Бафк – Бандар-Аббас, что сделало возможным значительно сократить расстояние между Ташкентом и иранским портом Бандар-Аббас в Персидском заливе.

Более того, в развитии транспортной инфраструктуры, приоритетом остается осуществление положений трехстороннего ирано-узбекско-афганского соглашения 2003 г. о международных автомобильных перевозках и создании трансафганского коридора Термез–Мазари-Шариф–Герат с последующим выходом к портам Бендер-Аббас и Чахбахар. Но пока его реализация откладывается многими факторами, в том числе и военно-политической ситуацией в Исламской Республике Афганистан.

Подводя итог анализу проблемы взаимоотношения Ирана с центрально-азиатскими странами и его значение в обеспечение стабильности региона, в целом, можно заключить, что внешнюю политику Ирана по отношению постсоветским государствам в Центральной Азии можно оценить, как в достаточно высокой степени, уравновешенную.

Конкретным этапом, который способствовал плавной её коррекции, можно считать 2005 год, когда в Иране произошла смена политического руководства. Международная конференция по Центральной Азии и Кавказу «Региональное развитие: взаимодействие и столкновение стратегий», которая состоялась в ноябре 2005 г. в Тегеране, превратилась в своеобразную трибуну для программных выступлений представителей пришедшей к власти неоконсервативной политической элиты.

Из содержания материалов этой конференции вытекает вывод, что контурно можно наметить некоторые новые акценты во внешней политики Ирана в центральноазиатском и кавказском регионах на ближайшую перспективу. Один из высокопоставленных лиц иранского правительства, выступая на тегеранской конференции, заявил, что, согласно этому документу, уже через два десятилетия ИРИ должна стать развитой страной, и по экономическим, научно-культурным показателям займёт первое место в регионе. В материалах конференции также подчёркивается, что «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизацияобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях».⁵¹

Заслуживает констатацию тот факт, что Таджикистан и другие центральноазиатские государства ориентированы на проведение согласованной политики с государствами СНГ почти во всех сферах деятельности. В этой связи вполне обоснованы утверждение таджикских исследователей, что, «пока будет существовать СНГ, до тех пор будет более прочной демократическая определенность Республики Таджикистан. Она не уйдет в мир политического ислама и в мир хаоса, неопределенности национального интереса. СНГ – это геополитическая константа мира и

⁵¹Пастухов Е. Империя шиитов / Интернет-ресурс: centrasia.ru/newsA.php?st=...

стабильности в Таджикистане. СНГ – это сила, питающая Организацию Договора о коллективной безопасности».⁵²

В этом плане показательным является деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая, как военно-политический союз, была создана бывшими советскими республиками на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ),⁵³ подписанного 15 мая 1992 г. в Ташкенте со стороны Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. А в 1993 г. к Договору присоединились Азербайджан, Грузия и Беларусь. Он вступил в силу 20 апреля 1994 г., и был рассчитан на 5 лет, при этом допускался его продление. Президенты Армении, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана 2 апреля 1999 г. подписали Протокол о продлении действия договора на следующий пятилетний период. Однако Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались от продления договора, и в этом же году Узбекистан присоединился к ГУАМ.⁵⁴

Политическое руководство Таджикистана, считая приоритетным развитие сотрудничества с Исламской Республики Иран, признает, что безопасность страны невозможна без восстановления мира и стабильности в Афганистане, а это, в свою очередь, требует согласованных усилий большого числа государств, в первую очередь, государств-членов ОДКБ. Поэтому Республика Таджикистан привлекает внимание других членов Организации к этой проблеме.

Необходимо заметить, что в течение последних двух десятилетий в Центральной Азии подпольно формировались такие международные

⁵² Махмадов А. Н., Асадуллаев И. К. Национальный интерес Таджикистана (Метод. рук-во). – Душанбе, 2009. – С. 86.

⁵³ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (с изм. от 10 декабря 2010 г.) // URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126

⁵⁴ Таджикистан и Организация Договора о коллективной безопасности // URL: <http://mfa.tj/ru/otnosheniya-tadzhikistana-v-ramkakh-mezhdunarodnykh-i-regionalnykh-organizaciy/odkb.html>

террористические организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталистские и экстремистские группировки, как Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизб ут-Тахрир», «Братья-мусульмане» и др. Наиболее яркими примерами террористической активности этих групп являются проникновения в 1999 и 2000 гг. отрядов боевиков ИДУ из Афганистана через Таджикистан на территорию Узбекистана и Киргизии для создания в Ферганской долине исламского халифата и его распространения на весь Центральноазиатский регион.

Ответом на эту угрозу странам Центральной Азии стало создание Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР ЦАР), которые были сформированы к 1 августа 2001 г. В их состав вошли части и подразделения вооруженных сил Казахстана и Киргизии, России и Таджикистана. Сегодня в состав КСБР ЦАР включены 10 батальонов: по три от России и Таджикистана и по два от Казахстана и Киргизии. Численность личного состава около 4 тыс. человек. По решению Совета коллективной безопасности в апреле 2003 г. в состав КСБР вошла авиационная компонента – российская авиабаза, дислоцированная в городе Кант (Киргизия). В мирное время национальные формирования (контингенты), выделенные в состав КСБР, находятся на своей территории в подчинении национальных органов военного управления⁵⁵.

Контингентами региональных группировок, а также силами КСОР ОДКБ планово осуществляется совместная боевая подготовка. Регулярно проводятся учения, утверждена Межгосударственная целевая программа по оснащению КСОР ОДКБ современным оперативно совместимым вооружением и техникой. Предпринимаются шаги по созданию интегрированных систем военного назначения: объединенных систем противовоздушной обороны в центральноазиатском и других регионах,

⁵⁵ Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона // URL: <http://www.odkb.gov.ru/g/1.htm>

системы управления силами и средствами коллективной безопасности, информационно-разведывательной системы, системы технического прикрытия железных дорог.

Итоги учений и проверок регулярно обсуждаются главами государств-членов ОДКБ. 15 сентября 2015 г. в Душанбе лидеры стран ОДКБ на сессии Совета коллективной безопасности отметили высокую боеготовность КСОР. Президент Таджикистан многоуважаемый Эмомали Рахмон заявил, что глобализация международного терроризма «требуется неотложных мер по укреплению военного потенциала Таджикистана как государства, сопредельного с Афганистаном. Таджикистан выступает за расширение сотрудничества со странами-членами ОДКБ, а также – оборонного сотрудничества»⁵⁶.

Такая постановка вопроса получила поддержку президента России В. В. Путина: «Таджикистан – это наш стратегический партнер, союзник. Мы видим, что и здесь, в Таджикистане, вы сталкиваетесь с проблемами, с вылазками определенными, с попытками раскачать ситуацию. Хотел бы сразу сказать, что мы адекватно оцениваем эти угрозы, и вы всегда можете рассчитывать на нашу помощь и поддержку, хотя видим, что правоохранительные органы и вооруженные силы республики успешно справляются с возникающими проблемами»⁵⁷.

По итогам заседания в Душанбе было принято Заявление глав государств-членов ОДКБ, в котором даны оценки международной обстановки, подведены итоги проделанной Организацией работы в 2014–2015 гг. и определены перспективы развития. В Заявлении отмечается, что «государства-члены Организации Договора о коллективной безопасности

⁵⁶ Эмомали Рахмон: Спектр вызовов и угроз безопасности в регионе не сокращается, а может даже расширяться (15.09.2015) // URL: <http://www.avesta.tj/government/35376-erahmon-spektr-vyzovov-i-ugroz-bezopasnosti-v-regione-ne-sokraschaetsya-a-mozhet-dazhe-rasshiritsya.html>

⁵⁷ Выступление В. Путина на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ в расширенном составе. Душанбе, Таджикистан, 15 сентября 2015 г. // URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/50291>

продолжат уделять особое внимание повышению эффективности ОДКБ в деле предотвращения и оперативного урегулирования кризисных ситуаций в зоне ответственности Организации»,⁵⁸ что, естественно, позитивно может повлиять на взаимоотношения стран Центральной Азии и Исламской Республики Иран.

Тем не менее, риторика иранских политиков не в полном объеме совпадает, как с реально протекающими политическими процессами в Центральной Азии, так и с собственными их намерениями. На этой основе пока ещё отсутствуют какие-либо окончательно сформулированные, актуальные приоритеты во внешней политике Ирана относительно суверенным центрально-азиатским государствам. Фактически, власти Ирана забросили в неопределённом «вакууме» отношения со странами Центральной Азии, при всём этом, не подвергая сомнению важности роли этих государств в решении региональных проблем.

Наряду с этим взаимоотношения Ирана со странами Центральной Азии происходит с предварительного согласия России, так как Иран не препятствует России в делах разведки и эксплуатации природных ресурсов Каспийского моря⁵⁹ Тогда наиболее важная совместная региональная политика ИРИ и РФ появилось в ходе гражданской войны в Таджикистане. ИРИ создав группу посредников и продолжительные переговоры с РФ для прекращения братоубийственной войне. Иран таким образом, в то время доказал, что не стремится поставить интересы РФ в регионе под угрозу. Следовательно, ИРИ и РФ договорились о том, что влияние Запада в Центральной Азии должно быть ограничено.

Необходимо констатировать тот факт, что пока реальные механизмы сотрудничества в этом направлении находятся на стадии создания, внешняя политика Ирана не может дать положительный ответ на большое количество

⁵⁸ Заявление глав государств-членов ОДКБ. Душанбе, 15 сентября 2015 г. // URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=5404

⁵⁹ Tarock Adam (1997), "Iran's Policy in Central Asia" Central Asia Survey.P.198

поставленных вопросов. Хотя основными инициаторами этой новой экономической дипломатии были не столько представители реформаторского крыла, сколько лидеры умеренно-консервативной части правящего духовенства и неоконсерваторы во главе с М. Ахмадинежадом, однако, направление на приоритетное укрепление своих экономических положений в Центральной Азии обозначилась еще до него, в последние годы реформаторского правления. Всё это даёт основание предвидеть, что такая линия при любых обстоятельствах будет пролонгирована, а это ещё раз акцентирует стремление политического руководства Ирана проводить обычную реалистическую политику, а не какую-то религиозно окрашенную пропаганду.

Однако, не взирая ни на что, ещё можно говорить о сохранении преемственности региональной стратегии Ирана на центрально-азиатском векторе. В то же время не исключается подготовка и реализация в будущем новой стратегии сотрудничества. Естественно, антиамериканский и антиизраильский курс политического руководства Ирана уравнивает активизацией деятельности в региональных и международных организациях, и в этом плане его отношение к странам Центральной Азии во внешней политике очень значительно. Наряду с этим, следует твёрдо утверждать, что идеологическая составляющая, пресловутая идея «экспорта исламской революции» не является сколько-нибудь значимой в региональной политике Ирана и не грозит стать таковой в обозримом будущем, означая лишь попытку реинтеграции региона в исторический контекст».⁶⁰

Реально существующие и возникающие противоречия, сопряжённые с расширением стратегического соперничества в пространстве Центральной Азии, по своей сути, почти не имеют религиозные и идеологические основы, а они опираются геополитические и геоэкономические интересы. В частности, Российская Федерация хочет иметь дело с более предсказуемым

⁶⁰Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты / Интернет-ресурс: pandia.ru/text/78/041/16996.php

Ираном по вопросам ядерной программы в таком регионе, как Ближний Восток. Невзирая на это, относительно Средней Азии и Кавказа интересы России и Ирана полностью совпадают.

Нужно отметить, что исторически Центральная Азия находится под влиянием и в зависимости от России. И РФ рассматривает этот регион как продолжение своей «империи». Учитывая этот факт и противоречия в решении сирийского конфликта а также сложные политические отношения с США и их союзниками, будут предприниматься меры по дестабилизации региона как инструмента влияния на Россию. Именно распространение беспорядков, подобных «арабской весне», в Центральной Азии, «центральноазиатской весны», будет способствовать деградации региона, а также ликвидирует потенциал модернизации... На сегодняшний день этот регион входит в зону интересов различных стран. Кроме РФ и США, это Саудовская Аравия, Турция, Иран, и Китай, которые преследуют различные цели. Поэтому полагаю, что процессы раздела геополитической карты Ближнего Востока, которые мы сегодня наблюдаем, будет и в Центральной Азии.⁶¹

При рассмотрении вопросов влияния Ирана на политические процессы центральноазиатских государств необходимо отметить характер межгосударственных отношений со странами региона - Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Ведь все они самостоятельные государства, имеющие право самостоятельно выбрать своего союзника. Исходя из этого, на наш взгляд, важно определить характер межгосударственных отношений между странами региона и Ирана в отдельности. В это ракурсе рассмотрим взаимоотношения Ирана и Азербайджана.

⁶¹ Сафаров А.М. Идеи ИГИЛ в пространстве Центральной Азии//Национальные интересы и политика безопасности государств Центральной Евразии в условиях геополитических перемен (Душанбе, 16 сентября 2015г.)-Душанбе:РТСУ,2016- 281-282.

Говоря о политической системе Казахстана необходимо отметить, что отношения Ирана с Казахстаном не имеет серьезных разногласий.

Следующим государством региона является Кыргызстан, с которым у ИРИ складываются дружеские отношения. По мнению ряда политологов, кыргызская сторона "должна признать коммерческие и другие интересы США в регионе". "Кыргызстан близка с Россией, но она также близка с США, Европой, Ираном и Китаем". Это свидетельствует о многовекторной политике Кыргызстана.

Именно поэтому во внешнеполитический курс Кыргызстана были внесены корректировки и сформулированы принципы "сбалансированности, взаимодополнения и комплиментарности" межгосударственных отношений, что позволить им сбалансироваться в своих межгосударственных отношений исходя именно из своих национальных приоритетов.

Что касается взаимоотношений Кыргызстана с Россией, то она остается ее надежным, стабильным и перспективным союзником и геополитическим партнером Центральной Азии.

Все это свидетельствует о том, что у Ирана складываются нормальные деловые отношения с Кыргызстаном. И это даёт Ирану еще один шанс на укрепление своих позиций в данном регионе. Используя весь имеющийся потенциал в межгосударственных отношений обе стороны заинтересованы в дальнейшем укреплении сотрудничества. Кыргызстан в свою очередь хорошо понимает, что сотрудничество и усиление взаимодействия с Ираном гораздо выгоднее, чем с какой-то другой страной, так как ИРИ заинтересован в стабильном развитии и обеспечении безопасности в центральноазиатском регионе.

Следующей страной выступает Таджикистан. Социально-политические процессы, происходящие в нем непосредственно влияли на общую обстановку до последнего времени Тегеран «работал» со своими непосредственными соседями – Астаны и Бишкеком – и эти отношения

вполне укладывались в русло естественного взаимодействия, которое обычно происходит между этими государствами. Иран в начале не проявлял стремления стать региональным игроком и в Таджикистане но иранское присутствие до сих пор практически ощущалось. как в самом регионе, так и в отношениях с Ираном.

Таджикско-иранские отношения уходят глубоко в историю. Сегодня, по понятным причинам, они неоднозначны, но, с учетом перспективы, Иран является очень серьезным партнером РТ в данном регионе. С учетом многих факторов, которые существуют в регионе и мире, с Ираном можно наладить более эффективное и успешное сотрудничество.

Я надеюсь, что отношения станут более интенсивными, так как это входит в наши интересы не меньше, чем в интересы Ирана. Диалог должен стать более существенным, чем был до сих пор.

Существуют реальные факты, свидетельствующие об обострении отношений из-за некоторых внешнеполитических обстоятельств. Как известно с приходом к власти Х.Рухани, который ознаменовался также началом открытой политической прозападной ориентации Ирана, между Душанбе и Тегераном периодически вспыхивали различные политико-дипломатические проблемы и скандалы. Один из таких скандалов произошел в 2015 г., когда в Душанбе генерал Назарзода А. проводил несколько террористических актов против мирных граждан. По террористическим почеркам многие специалисты утверждают, что он был завербован спецслужбами ИРИ и готовился к государственному переворотом. Это было связано, прежде всего, с тем, что межгосударственные ирано-таджикские отношения на данном этапе рассматриваются не теплыми. Данный фактор и впредь будет влиять на межгосударственные отношения между Ираном и Таджикистаном.

Примечательно также то, что скандал разгорелся на фоне планомерного внешнеполитического отступления Вашингтона в

ближневосточном регионе, что дало возможность Ирану играть более гибкую роль как в Средней Азии и Ближнем Востоке, но и в первую очередь в зоне его традиционного влияния – на Кавказе.

Теперь же, когда Иран начал расширять спектр политического влияния, образ врага в лице традиционного соперника США и нового соперника. Такие существующие противоречивые моменты в общей геополитической обстановке региона требуют тщательного подхода в анализе взаимодействия между Таджикистаном и Ираном. Исходя из этого, трудно прогнозировать, что активизация контактов между РТ и Ираном является предвестником серьезных изменений на геополитической карте региона. Однако обнадеживает то факт, что таджикско-иранские отношения не могут оставаться непонятными, так как существуют ряд факторов, которые требуют пересмотра этих отношений:

- во-первых, исторические связи, язык таджикско-персидский хотя не самые идеальные, но подталкивающие на совершенствование отношений;

- во-вторых, географическое расположение обязывает скоординировать действия на обеспечение региональной безопасности. Также Таджикистан может стать для Ирана определенным каналом для диалога с центральноазиатскими государствами и т. д.

Однако у некоторых вызывает сомнение стремление Ирана улучшить отношения с Таджикистаном и рассматривают этот шаг, как намерении Ирана занять определенную нишу на Центральной Азии – в противном случае трудно объяснить желание ИРИ тратить время и ресурсы на укрепление связей со страной, с которой в настоящее время исламскую республику почти ничего не связывает.

Таким образом, можно подытоживать, что межгосударственные отношения выступают тем каналом, благодаря которым обеспечивается стабильное развитие определенных регионов. На примере

центральноазиатских республик следует отметить, что эти страны отличаются как по своим социокультурным особенностям, так и по уровню социально-экономического развития. Проведенный выше анализ характера и состояния межгосударственных отношений позволяет прийти к выводу о том, что Иран заинтересован в развитии отношений со всеми странами региона. Однако существуют внутренние и внешние факторы, которые создают все новые и новые препятствия на этом пути. Поэтому Ирану необходимо использовать все имеющиеся ресурсы, чтобы улучшить межгосударственные отношения и укрепить свое влияние в регионе.

Следовательно, долгосрочный интерес Тегерана в центрально-азиатском регионе предполагает активного участия Ирана в системе экономических, политических, культурных и других связей в Центральной Азии, в системе взаимозависимостей в регионе, функционирование которой без Ирана было бы невозможным. Взаимодействие между ИРИ и центральноазиатскими государствами сегодня требует продолжительной политики долгосрочного планирования. Иран должен стремиться к тому, чтобы в данном регионе имел свою цель и в соответствии с ней конкретную стратегию (а не распространение шиитского течения ислама) и, в соответствии с ней конкретную стратегию, заслуживающую доверия и надежность для центральноазиатских стран.

Для того чтобы более глубоко осмыслить состояние и перспективы влияния Тегерана на происходящие политические процессы в Центральной Азии, логика анализа темы предполагает рассмотреть устремление Ирана и других развитых стран по вопросу лидерства в центрально-азиатском регионе.

2.2. Стремления Ирана и других государств по вопросу лидерства в Центральной Азии

Как известно, сегодня « Центральная Азия играет всё более важную роль в современной политике и международных экономических связях. Это в немалой степени обусловлено особенностью географического положения региона, которое во многом определяет политику стран и характер межгосударственных отношений на Азиатском континенте. Крупные мировые державы понимают , что с подъемом значения Азии в глобальном развитии их устойчивые позиции в Центральной Азии способны значительно усилить возможности увереннее продвигать свои интересы в более широких географических рамках, оказывать заметное влияние на обсуждение тем планетарного значения»⁶².

Наряду с этим, Центрально-азиатский регион, всегда находится в центре внимания великий держав, как важный геополитический и геостратегический компонент евразийского континента, что требовало от Ирана, Китая, России, США, Турции и других государств поиска новых путей влияния и укрепления своих позиций здесь. Учитывая геополитические стремления США и стран Евросоюза усилить свое влияние в Центральной Азии, вопрос о лидерстве России и Ирана здесь становится вполне очевидным, поскольку национальные и государственные интересы этих стран непосредственно связаны с проблемами государств региона.

Как нами было отмечено в предыдущих разделах работы, Иран в системе политических и экономических связей центральноазиатских стран занимает важное место. Хотя ИРИ не имеет столь внушительных ресурсов, какими располагают другие государства, которые претендуют на роль

⁶² Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая):Сб.ст. под.ред. д-тр ист. Наук К.А.Кокарева,Д.А. Александрова,И.Ю. Фроловой; Рос.инс-т страт. Исслед.;Кит.акад. современ.межд.отн.-М.: РИСИ,2013.- С.4.

лидера по влиянию на страны региона (КНР, РФ, Турция, ЕС), однако ей удалось обеспечить себе заметное присутствие в Центральной Азии.

Получение суверенитета странами региона, с одной стороны, дало им возможность строить свои отношения со всеми странами мира самостоятельно, а с другой – предоставило ведущим политическим игрокам шанс расширить сферы своего влияния здесь, и получить немалые доходы от установления торговых и экономических контактов. В этой цепи, разумеется, Иран тоже стал ключевым игроком и, фактически, у него были и есть больше возможностей, чем другие страны Ближнего и Среднего Востока.

Безусловно, в условиях натянутых отношений с арабскими странами, разногласий с Западной Европой и США, которых породила Исламская революция, прорыв в центральноазиатский регион для Ирана означает, скорее всего, за счет приобретения новых союзников и стратегических партнеров, укрепления торгово-экономических связей с ними, компенсацию издержек изоляции. Как известно, в 90-е годы прошлого века, после распада СССР, Тегеран сделал акцент на этническую и языковую близость, начав проведение активной политики в Центральной Азии с исторически и культурно близкой ему Республики Таджикистан.

Тем не менее, в дальнейшем границы его связей здесь существенно расширились, и сейчас Иран активно сотрудничает со всеми государствами центральноазиатском регионе. Более того, он востребован в Центральной Азии, так как пользуется влиянием в Организации экономического сотрудничества (ОЭС), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), и помогает странам региона решать транспортные и энергетические проблемы, предоставляет технологии, развивает торговые отношения.

Вне всякого сомнения, упрочение своих позиций в этом регионе дает Ирану возможность справиться с несколькими взаимосвязанными

проблемами, главная из которых – это добиться ему выйти из изоляции, что будет работать на международный имидж Тегерана. К тому же, в Центральной Азии Иран традиционно действует взвешенно и практически безупречно, в противовес ближневосточному региону, где иранская политика по усилению влияния воспринималась как претензия на оказание решающего военно-политического воздействия на ситуацию здесь.

На этой основе все центральноазиатские государства воспринимают Иран как самостоятельного и значимого игрока в регионе, что позволило ему развивать разносторонние связи (хотя и не на одинаковом уровне) со всеми ими. Взаимодействие и сотрудничество с Ираном дает странам Центральной Азии комплементарный потенциал разнообразить свои внешние коммуникации, неотделимо включаться в политику поливекторности и балансирования между различными центрами силы. Установленные в этом регионе Тегераном отношения с постсоветскими суверенными государствами, имеют для него большое значение их международных позиций.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что основные тактические установки дипломатии Ирана в странах центральноазиатского региона направлены на постепенную установку во все сферы, которые могли бы способствовать Тегерану форсировать, имеющуюся внешнеполитическую и экономическую изоляцию. Имея параллельные интересы с ведущими государствами мира, Иран позиционирует себя по отношению к центральноазиатским странам в качестве надежного партнера. В то же время, существует прагматическая заинтересованность в том, чтобы заложить на будущее основы для усиления, обеспечить себе быстрый рывок после снятия или резкого ослабления санкций, и «в отличие от Ближнего Востока, в Центральной Азии речь не идет о конфессионально

мотивированных действиях, поскольку подавляющее большинство мусульманского населения региона составляют сунниты».⁶³

Хотя Иран стремится к лидерству в Центральной Азии, однако на первом месте у него стоят прагматические интересы, а не ценностные установки, что свидетельствует о рационалистическом и сдержанном курсе в его внешней политике. Неоспоримый факт, что на этот курс в меньшей степени влияла смена лидеров, и он не был конфронтационным, а также не изобиловал резкими поворотами. Подтверждением этому служит то, что в период гражданской войны в Таджикистане, хотя Иран симпатизировал исламской оппозиции, в конечном итоге, сделал выбор в пользу политического урегулирования конфликта. В противовес политике Ирана на Ближнем Востоке, его дипломатия в Центральной Азии, в целом, может выглядеть вполне приемлемой даже для внешних акторов, которые оказывают на него давление по другим военно-политическим аспектам его сотрудничества.

Как известно, Иран старается улучшить свои связи с Российской Федерацией и использовать ее авторитет на международной арене. одновременно Иран стремится использовать экономические выгоды от сотрудничества с центральноазиатскими республиками.

Существуют многочисленные возможности сотрудничества и партнерства между Ираном и Россией. И первый, используя их, занимает более значительное место и играет более существенную роль в международных отношениях, одновременно сдерживая вероятность грубого давления со стороны США. Иран и Россия имеют совпадающие точки зрения на региональную безопасность и стабильность. Россия стремится противодействовать безраздельному присутствию и господству Европы и Америки в Центральной Азии. Иран также считает, что любая нестабильность в регионе вредит его национальной

⁶³ Интернет-ресурс: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-06/05.niyru.shtml.

безопасности. Поэтому он путем переговоров и посредничества старается установить мир и стабильность в регионе. В связи с этим Иран с пониманием относится к сохранению лидерства России в странах СНГ и исходит из того, что в новых условиях сильная Россия может быть гарантом обеспечения интересов Ирана в регионе. Слабая же Россия открывает доступ другим государствам.⁶⁴

Другая, не менее важная задача, стоящая перед Ираном - это обеспечение своих экономических доходов, получение реальных дивидендов от проведения эффективной и совместной торгово-экономической деятельности. Вполне очевидно, что в этом направлении у государств Центральной Азии и ИРИ есть интересы, которые вполне совпадают.

К примеру, построенная Ираном транзитная дорога Теджен–Серахс–Мешхед, обеспечила центральноазиатские государства доступа к портам Персидского залива, к рынкам Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, а для Туркменистана она стала важным источником валютных поступлений. Между странами Центральной Азии и Тегераном намечены такие масштабные проекты, как связать транспортный коридор «Север–Юг» от Казахстана через Туркменистан до провинции Гулистан (Иран) с иранской сетью железных дорог, открывая путь в порты Персидского залива. В перспективе по нему предполагается ежегодно транспортировать до 12 млн. тонн грузов. Для всех государств региона строительство таких коммуникационных сооружений, безусловно, является необходимым элементом диверсификации транспортных путей.

Как свидетельствуют факты, Исламская Республика Иран активно участвует в строительстве ГЭС-ов (особенно в Таджикистане) и трубопроводов в Центральной Азии, а также намечает проложить линию

⁶⁴ Мехди Санаи .Отношение Ирана и с центральноазиатскими странами СНГ М.: Муравей,2002.- 42-43;Фарзиния З. Политические изменения в России // «Аму- Дарья» (журн.). Год первый ,№3. Тегеран, 1999.С. 78–99(перев . с фарси)

электропередач от своей границы через афганские провинции Герат, и Мазари-Шариф до территории Республики Таджикистан. Нами уже было отмечено, что в отношениях Ирана с государствами Центральной Азии сотрудничество с Таджикистаном занимает особое место, что обусловлено, прежде всего, близости этнокультуры, истории таджиков и иранцев, и эти этносы, в отличие от доминирующих в регионе тюркских народов, принадлежат к индоевропейской семье языков.

Отметим, что за годы своей независимости Республика Казахстан, которая осуществляет поставки нефти на своей основе в регионе, стала одним из крупнейших торговым партнером Ирана,⁶⁵ и связи ИРИ с Туркменистаном отличаются также устойчивостью и динамизмом. согласно оценкам экспертов, Иран в 2012 г. среди основных торговых партнеров Туркменистана занимал третье место (после Китая и России). Сотрудничество с Ираном в газовой сфере имеет особое значение для Республики Туркменистана: в 1997 г. был построен газопровод Корпедже–Курткуи пропускной способностью 8 млрд. куб. м в год, а в 2010 г. был запущен газопровод Довлетабад–Серахс–Хангеран, рассчитанный на ежегодные поставки 12,5 млрд. куб. м газа.⁶⁶

На данный момент эти сооружения закреплены, в основном, за Ираном, и не исключено, что в будущем, при более благоприятной политической и экономической обстановке, он обеспечит выход газа на различные рынки, нарушая, тем самым, монополию России в сфере транзита газа. Следует отметить, что Ирану удалось выстроить динамичные отношения не со всеми государствами Центральной Азии. Например, в ирано-узбекских отношениях поначалу имелись определённые ограничители, которые были связаны с американским вектором во внешней политике Республики Узбекистан. Но по мере поэтапного снятия санкций и стремления ИРИ

⁶⁵ Кузьмина Е.М. Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии. - М.: Институт экономики РАН, 2013. - С. 33–38.

⁶⁶ Там, же. - С. 37.

наладить отношения с западными государствами, гарантировать вхождение страны в мировое хозяйство, этот фактор постепенно растаял, также уменьшалась и идейная настороженность Узбекистана в отношении Тегерана.

Несмотря на это, Ташкент по-прежнему опасается, что строительство несколько гидро-электро станций на реке Вахш в Таджикистане может привести к сокращению поступающих в страну водных ресурсов. Как раз с этим связана озабоченность Узбекистана относительно сооружению Сангтудинской ГЭС-2, которое осуществляется при помощи Ирана в Таджикистане. Не стали особо развиваться и отношения ИРИ с Республикой Кыргызстан, где активно и успешно действуют другие игроки, прежде всего, Китайская Народная Республика и Российская Федерация. В отношениях Ирана и государств Центральной Азии, наряду с объективными трудностями, есть и субъективные преграды в экспортно-импортных операциях, что во многом связано с чрезмерной бюрократизацией и международными санкциями. Одним из таких трудностей, например, выступает отсутствие налаженного иранских банковских операций на территории государств региона (за исключением Казахстана), что затрудняет обслуживание торговых сделок. В полном размере и в целом, Тегерану удалось проникнуть в пространство стран Центральной Азии, которое день ото дня становится открытым, и где фигурируют, превосходящие его по своим возможностям, политические участники.

Стоит подчеркнуть, что на некоторых направлениях для местных режимов Иран стал важнейшим партнером, а этому способствовали такие факторы, как развитая инфраструктура, технологические возможности и территориальная близость.

Рассматривая стремления Ирана и России занимать в регионе лидирующую позицию, необходимо дать характеристику их присутствия здесь в качестве союзников или соперников. Общеизвестно, что эти страны

активно действуют на пространстве центральноазиатского региона на базе, как общих, так и конкурирующих интересов. Безусловно, существование общих угроз сближает эти две страны, побуждает их взаимодействовать слажено или следовать синхронно их интересам.

В этом плане Тегеран и Москву объединяют, прежде всего, борьба с наркотрафиком, так как в последние годы, несмотря на жесткие меры, в Иране резко возросло количество людей употребляющих наркотики. Увеличение объема производства наркотиков в Афганистане, их контрабанда наносят серьезный удар по безопасности Ирана, и этому способствует их общая граница, которую практически невозможно перекрыть полностью. Согласно официальной статистике, Иран ежегодно на борьбу с наркоторговлей выделяет 50 млн. долл., для укрепления границы иранскими властями уже вложено более 700 млн. долл. США. Неоспоримый факт, что у России и Ирана на этом направлении есть большое поле для взаимодействия, к которому могут быть привлечены и другие страны Центральной Азии.

Развивающие свою деятельность в регионе религиозно-экстремистские организации и группы исламского толка также представляют общую угрозу как для Ирана, так и России. Действия так называемого «Исламского государства» на Ближнем Востоке и обострившая ситуация в Афганистане после вывода основной части американских войск стали причиной их активизации. Однако, как уже нами было отмечено, Ирану удалось выстроить динамичные отношения не со всеми государствами Центральной Азии. В целом можно говорить об общей заинтересованности России и Ирана в сохранении стабильности в регионе, предотвращении формирования недружественных альянсов с участием внешних сил.

Совершенно очевидно, что, наряду с Центральной Азией, взаимодействие России и Ирана по вопросу о Каспии способствовало согласованию общих принципов разграничения водных пространств, дна и

недр, режима судоходства и рыболовства на IV Каспийском саммите в Астрахани в сентябре 2014 года. Также оно содействовало принятию прикаспийскими государствами заявления о недопущении размещения на Каспии военной инфраструктуры третьих держав. Более того, политика Ирана в Афганистане, которая давно вышла за рамки поддержки исключительно этнически близких групп (таджиков и хазарейцев), играет позитивную роль для стран Центральной Азии и Российской Федерации. Годовой товарооборот Ирана с Афганистаном, по последним данным, составляет свыше 2,5 млрд. долларов США, и между ними заключены соглашения о восстановлении и строительстве систем ирригации и водопроводов, развивают сотрудничество в прокладке коммуникаций и в сфере электроэнергетики.⁶⁷ Всё это, несомненно, в определённой степени, способствует стабилизации ситуации в Афганистане.

Безусловно, совместные действия ИРИ и РФ относительно стран центрально-азиатского региона, имеют значительный потенциал в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. Иран разделяет подходы этой организации к принципам экономического сотрудничества и основным международным проблемам в качестве государства-наблюдателя. Например, Иран, участвуя в Межбанковском объединении, поддерживает идею создания Банка развития ШОС, и это, по мнению многих экспертов, даёт возможность Тегерану участвовать в конкретных региональных проектах.

Интересы Ирана и России в Центральной Азии носят конкурирующий характер и обусловлены сходством структуры хозяйства с акцентом на экспорт энергоносителей. Отстаивание маршрутов транспортировки энергоносителей и рынки их сбыта, в которое непосредственно вовлечены страны центральноазиатского региона, делает возможным появление трений

⁶⁷ Интернет-ресурс: afghanistantoday.ru/node/41679

между этими государствами, особенно в случае, если будут сняты анти иранские санкции и улучшатся ирано-американские отношения.

В этом плане, особым примером служит газопровод через территорию Ирана и Турции, который в будущем мог бы обеспечить Европу природным газом, осложнивший российско-турецкие переговоры по условиям прохождения «Южного потока». Действующие политические ограничители, связанные с санкциями против Ирана, отрицательно влияют на уже, практически, готовую инфраструктуру для поставок газа в Индию и Пакистан. В такой ситуации могут быть задействованы энергоносители из Центральной Азии, что выступает для Ирана и Турции альтернативой российским трубопроводам.

В условиях режима санкций против России и декларируемого ЕС готовность сократить зависимость от поставок российского газа, Иран, несмотря на ограничения, хотя и не в ближайшем будущем, может представляться достаточно привлекательной альтернативой. Несомненно, ныне улучшению имиджа Тегерана на Западе способствуют борьба Ирана с «Исламским государством» в Сирии и Ираке, а также повышение роли этой страны в контексте сопротивления существующим общим опасностям.

Перспективы сотрудничества Ирана и России в центральноазиатском регионе, и на двусторонней основе, и в рамках ШОС, достаточно реальны. Существующие фрагменты соперничества во взаимоотношениях этих держав не снижают взаимной заинтересованности, а наоборот, акцентируют проблемы, требующие дальнейшего совместного их решения.

Конечно, расхождение интересов стран Центральной Азии, России и Ирана, как производители энергоресурсов, нам кажется, будет иметь место, однако они вряд ли смогут стать причиной возникновения конфликта между ними. В случае, если налаживания позитивных отношений Ирана с США и другими западными государствами сохранится, распространение конфликта между ними на центральноазиатский регион будет исключено. Что касается

ИРИ, то её отношения с государствами Центральной Азии – это, несомненно, возможность ослабить политическую изоляцию со стороны Запада. Иран, хотя открыто не стремится к экономическому и политическому лидерству и не выступает конкурентом Китая, России, или ЕС в регионе, однако он через предложение новых транспортных возможностей, инвестиций и технологичных товаров, может, в определённой степени, изменить существующий расклад сил в Центральной Азии.

В этом плане приковали внимание многих стран Европы, Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии транзитное значение Ирана и эксплуатация магистральной железной дороги в этот регион. Исходя из этого, Бангладеш, Германия, Индия, Филиппины и ряд других стран ведут переговоры с ИРИ о совместном сотрудничестве по транспортировке товаров в Центральную Азию и наоборот. Разумеется, сдача в эксплуатацию новой железной дороги по маршруту Мешхед-Серахс-Теджен будет способствовать восстановлению транзитного значения Ирана.

Безусловно, этот маршрут очень важен и для некоторых стран Центральной Азии (особенно Казахстана и Туркменистана), так как они нуждаются в транзитной транспортировке своих природных энергоносителей, и иранский путь, ради реализации такой цели на мировые рынки, является большой проблемой для государств региона.

В свою очередь, маршрут Центральная Азия - Россия для Ирана считается приоритетным для транзита своих товаров в страны ЕС, и до этого Тегеран в этом отношении был соединен с Европой по суше только через Турцию.

Невзирая на то, что ныне существующие коммуникационные пути пока недостаточно оснащены, а также имеется много неблагоустроенности, наличие сети наземных путей с Европой предоставляют ИРИ возможность

привлечь к себе внимание при выборе маршрута странами Центральной Азии.

Вне всякого сомнения, существование речных путей, которые соединены с Каспийским морем, в будущем будет играть большую роль в политике транзита товаров из Ирана, и водные пути этой страны и государств центральноазиатского региона, с точки зрения коммуникационных потребностей сторон, могут служить основой взаимного сотрудничества. В свою очередь, Иран впервые в истории дает странам Центральной Азии доступ к Персидскому заливу, создавая сеть транспортировки товаров в регион на протяжении полторы тысяч км общей границы с Туркменистаном. На данный момент большинство товаров из Японии и стран Юго-Восточной Азии перевозится в порты Персидского залива, а оттуда автомобильным транспортом они отправляются до пункта назначения.

На сегодняшний день потребность стран центральноазиатского региона в коммуникационных сетях Ирана очевидна, и такая необходимость заставляет руководителей государств Центральной Азии налаживать эффективное сотрудничество с Тегераном, что увеличивает шансы этой страны укрепить своё присутствие здесь и занять позицию лидера.

Другая ведущая держава Азии - Пакистан тоже нацелена стать связующим мостом между Центральной Азией и Европой. Намеченное строительство транзитной дороги «Парчман» в сторону «Туз-наманди» через Западный Афганистан должно соединять Туркменистан с Пакистаном. Её проектная стоимость на начальном этапе составляет около 300 млн. долл. США, и для отдельных стран региона, естествен, выход к южным морям через Пакистан намного короче.⁶⁸ Самое длинное расстояние между Исламабадом и столицами центральноазиатских государств составляет не более 1040 км (Астана). Почти все страны региона, кроме Туркменистана, не

⁶⁸ Интернет-ресурс: mgimo.ru/upload/docs2/laletin.pdf

имеют общих наземных границ с Ираном. Поэтому через Пакистан находят более близкий путь к южным морям Туркменистан и Казахстан, часть территории которых расположены на побережье Каспийского моря, т.е. они имеют возможность выбрать другие направления, вместо иранского маршрута.

В то же время, существуют следующие основные факторы, чтобы центральноазиатские страны выбрали иранский путь транспортировки:

Во-первых, перевоз государств данного региона, чтобы двигаться по пакистанскому маршруту вынужден будет пересечь территорию Афганистана, а Кыргызстану потребуется прокладывать себе путь по территории Таджикистана. Нестабильность и напряженность в Афганистане, неустроенность существующих дорог в этой страны снижают ценность такого проекта и поэтому он отложен на неизвестный срок.

Во-вторых, невзирая на то, что отдельные государства Центральной Азии могут выйти к морям тремя путями через Россию в Черное море, через Пакистан к Индийскому океану и через Иран к Аравийскому морю — однако они могут получить выход непосредственно к Персидскому заливу, только через Иран.

В-третьих, несомненно, центральноазиатские страны заинтересованы, чтобы именно Иран был в качестве партнера, потому что он является мощной державой региона, а также имеет вес в ЭКС, членами которой являются государства Центральной Азии.

Все эти факторы указывают на то, что фактически ИРИ, наряду с такими ведущими державами мира, как Россия и Китай, может претендовать на роль лидера в налаживании тесного сотрудничества с центральноазиатскими республиками.

В свою очередь, сама Центральная Азия, в геополитическом и религиозном плане, исторически имела большое значение для Ирана, поэтому на современном этапе указанный регион превратился для него в

один из главных внешнеполитических приоритетов. Специалисты, изучающие причины этого, прежде всего, отмечают желание Ирана избавиться от изоляции.⁶⁹

Предпочтение Ирана именно этому региону в таких целях имеет под собой основания, поскольку традиционно народы, населяющие Центральную Азию, испокон веков имели тесные связи с персами. Более того, как уже раннее нами было отмечено, ныне здесь расположены и государства, населенные близкими в этническом плане к иранцам народами (например, таджики), в Узбекистан и Афганистан населяют немало представителей персо-язычных этносов, точнее - таджики. Немаловажную роль в связях иранцев и населения стран региона играет и религиозный фактор. Хотя в государствах Центральной Азии, в основном, живут сунниты, однако, несмотря на это, официальный Тегеран, проводя тонкую внешнюю политику, пытается не отдалять их от себя.

Разумеется, все это вполне соответствует стремлению Ирана избавиться от геополитической и экономической изоляции, и он поэтапно реализует проекты, которые охватывают почти все сферы жизни государств Центральной Азии, что не приносит всем странам региона одинаковый эффект, кроме Республики Таджикистан, с которой налажены хорошие отношения почти по всем направлениям. Например, когда в 2006 году была создана трехсторонняя комиссия сотрудничества с участием Ирана, Таджикистана и Афганистана, президент ИРИ М. Ахмадинежад говорил, что безопасность этих трех государств тесно связана друг с другом.⁷⁰

Бесспорным доказательством сказанному может служить тот факт, что Иран вложил инвестиций в объеме 50-60 млн. долларов США для прокладки в Таджикистане горной тоннели. Тегеран инвестировал ещё 220 млн. долларов США для строительства Сангтудинской

⁶⁹Звягельская И. В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии / РСДМ, 12 ноября 2014 г.

⁷⁰См.: Мутов С. Политика Ирана в отношении Центральной Азии / «Мир и Политика», 10 авг. 2011 г.

гидроэлектростанции, а для тоннеля Анзоб предоставил помощь на сумму 31 млн. долларов США таджикской стороне.⁷¹

Примечательно, что этого недостаточно для того, чтобы Иран был основным партнером Таджикистана. По подсчетам экспертов, России и Китаю удалось наладить с Душанбе более широкое сотрудничество. Разумеется, даже это не означает, что Иран для Таджикистана отходит на второй план. Если Тегерану удастся избавиться от международной изоляции, то его отношения с Душанбе очень скоро могут подняться на новый уровень.

Вышеизложенное показывает, что Иран свои определенные геополитические и экономические позиции смог упрочить в Центральной Азии. Однако наряду с этим, он открыто не вступает борьбу за лидерство с Россией, США и Китаем в данном регионе, что он делает осознанно, поскольку в плане потенциальных возможностей Иран в большей степени отстает от этих супердержав мира. Несмотря на это, отдавая приоритет расширению сфер экономических и культурных сотрудничества со странами региона, официальный Тегеран последовательно движется к своей стратегической цели. При этом нельзя упустить из виду того, что, руководствуясь религиозными ценностями, в кризисных ситуациях страны Центральной Азии могут предпочесть Иран. Очевидно, именно по этой причине ИРИ пытается расширить свое присутствие и укрепить своё лидерство в этом регионе, прежде всего, в социокультурном и экономическом, а не в геополитическом плане.

Примечательно, что такой формат действий Ирана во многом связан с российским, китайским и американским факторами. А в случае, допустим, сближения Ирана с США (по прогнозам экспертов, такая вероятность существует), эти государства могут стать партнерами в

⁷¹Иран в Центральной Азии: наличная ситуация и перспективы / Интернет ресурс: Newtimes...
newtimes.az/ru/organisations/3204

центральноазиатском регионе.⁷² Также ими высказывается мнение и о том, что, поскольку Тегеран вносит новое содержание в отношения с Западом, он готов отодвинуть на второй план партнерство с Россией. Как доказательство сказанного указывается на распространение официальным Тегераном противоречивой информации о сотрудничестве с Западом в энергетическом вопросе.⁷³

Необходимо отметить, что Иран свои отношения с Китаем строит в несколько иной плоскости. Эти страны в своих взаимоотношениях сферы транспорта и энергетики определяют как приоритетные, и Иран осознаёт, что с Китаем очень трудно соперничать в Центральной Азии. В то же время, солидаризируя геополитическим и экономическим инициативам Пекина, официальный Иран обретает, тем самым, сильного союзника, и поддерживает идею создания банка развития Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).⁷⁴

Из содержания всего этого вытекает такой вывод, что если Ирану удастся нормализовать отношения с Западом, и в первую очередь – с США, то в ближайшем будущем во внешнеполитических отношениях Тегерана насупить переломный момент, и в крупном геополитическом пространстве может возникнуть новая геополитическая динамика, как на территории стран Центральной Азии, так и во всём мире в целом.

В этой цепи сложных взаимодействий крупных держав по вопросу их присутствия и влияния на постсоветских государствах центральноазиатского региона, Иран и Россия выступают наиболее мощными в социально-экономическом и военном отношении, и они, исходя из этого, стараются использовать свой потенциал следующим образом:

⁷²Сажин В. 2014 год переломный для Ирана? / РСДМ, 28 октября 2014 г.

⁷³См.: Президент Ирана Х. Роухани вопреки двойным играм Запада отодвигает партнерство с Россией на второй план / Rapogama.am, 10 ноября 2014 г.

⁷⁴Иран и ШОС: неоправданное безразличие / Iran.ru, 8 сентября 2014 г.

а) не позволить другим государствам доминировать в ближайшей перспективе на происходящие здесь тотальных трансформационных процессов, поскольку Россия и Иран осознают, что усиление влияния других держав в Центральной Азии, безусловно, приводит к обострению политической обстановки в регионе. Фактически, сегодня уже ясно, что какое из ведущих государств мира хочет проникнуть в этот важный геополитический край. Углубление прозападных настроений отдельных стран региона настораживает и Россию и Иран;

б) закрепить свое, уже имеющегося влияния в Центральной Азии, которая стала объектом противоборства большинства государств мира. Чтобы усилить свою роль в регионе в такой сложной ситуации, РФ и ИРИ придется использовать весь имеющийся экономический и политический потенциал, а для этого у обеих стран имеются достаточные реальные возможности. Устранение доминантности других государств в постсоветском центральноазиатском пространстве, поддержание мира и стабильности здесь, естественно, являются приоритетными направлениями во внешней политике России и Ирана по отношению государствам регион;

в) упрочить согласие и стабильность во всей Центральной Азии, и эту задачу, несомненно, могут выполнить, как Иран, так и Россия. Более того, РФ явно заинтересована в том, чтобы в центральноазиатском регионе не разразились конфликты, подобные событиям, происходившим в Таджикистане в 90-х годах прошлого века. Взаимных усилий Ирана и России в этом плане могли бы способствовать укреплению их геополитических и геостратегических позиций в Центральной Азии;

г) не позволить присоединения государств региона в блоки и союзы, которые неблагоприятны России и Ирану. Ввиду этого, необходимо подчеркнуть особое воздействие внешней политики Турции, которая является активным членом НАТО и проводником американских интересов в регионе, на положение в регионе. В то же время, она стремится добиться

реализации собственных интересов, связанных с расширением влияния и проведения под своей эгидой идей пантюркизма в Центральной Азии (следует напомнить, что, кроме Таджикистана, остальные республики этого региона являются тюрко-язычными). Препятствовать повышению влияния Турции на этот регион, и сохранять в здесь влияние Ирана и России, с тем, чтобы обеспечить контроль над трубопроводами для транспортировки газа и нефти из стран Центральной Азии, реально соответствует интересам обоих государств.

В связи с этим, считаем целесообразным в краткой форме рассматривать отдельные аспекты стремления Ирана и Турции по вопросу лидерства в центральноазиатском регионе.

Центральная Азия, как уже выше было отмечено, с точки зрения геополитической и геоэкономической своей значимости, была и остаётся одним из важных регионов, который имеет современное значение в контексте обеспечения безопасности и национальных интересов Турции и ИРИ.

Нельзя отрицать тот факт, что многие этносы Центральной Азии имеют с Ираном и Турцией конкретные культурно-исторические и языковые связи. По этой причине, вполне объяснимо, что Иран и Турция, после обретения государствами региона политической независимости, были первыми странами, признавшими их, и сразу объявили о готовности установить с ними дипломатические отношения. На этой основе, можно заключить, что соперничество Ирана и Турции в Центральной Азии имеет исторические корни, что позволяет им право продолжать свои стремления для завоевания лидерской позиции в здесь.

Как показывает практика, активное вовлечение ЕС и США в региональные процессы поставило перед Тегераном (особенно) и Анкарой новые задачи, провоцируя их к осторожности и определению точек соприкосновения с РФ. Естественно, Россия никогда не была безразличной

к этому региону, что должно восприниматься Ираном и Турцией как имеющийся неоспоримый факт. Однако, что касается устремлений США, то действительно Ирану и Турции необходимо сохранить бдительность.

Вне всякого сомнения, стремление Турции завоевать лидерскую позицию в Центральной Азии, в некоторой степени, подогревается Соединёнными Штатами Америки, так как важнейшим приоритетом в политике США и их ближайших союзников на долгосрочную перспективу остается доступ к мировым запасам нефти и газа. В этом отношении границы сферы жизненных интересов Америки смещаются на север Персидского залива и включают в себя Кавказ, Сибирь и Центральную Азию, из-за чего стратегия военного присутствия и дипломатические усилия Вашингтона подвергаются параллельным изменениям.

Что касается реализации новых стратегических задач Соединённых Штатов, то здесь решающая роль отводится модернизированной политике пантюркизма, поскольку установление тесных связи между Турцией и тюрко-язычных стран центральноазиатского региона имеет доминантная значимость. Разумеется, вне такой этнокультурной связи распространение военной инфраструктуры НАТО в направлении Центральной Азии, а также реализация планов пантюркизма в данном регионе будут крайне осложнены. Поэтому западные страны пытаются задействовать в своих целях, представляющую серьезную угрозу внешним и внутренним интересам России, доктрину пантюркизма. Подобная серьёзная политическая поддержка на данный момент используется Турцией, и она, в определенной степени, соответствует геополитическим целям этой стране в Центральной Азии.

Характерно, что пантюркистские организации совершенствовали формы и методы своей деятельности, приспособляясь к новым условиям, учитывали особенностей исторического времени очень эффективно. Также изменилась тактика деятельности при сохранении стратегии образования

туркестанской федерации, то есть межтюркского политического союза, куда должна была вовлечена и Республика Таджикистан, за счет территорий и тюрко-язычного населения Центральной Азии, которая была выработана в 90-е годы XX века.

Совершенно очевидно, что желание установить полное или частичное (но существенное) влияния на Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан со стороны Турции и Америки, безусловно, направлено на ослабления роли России в Центральной Азии. Чтобы эффективно реализовать свои геополитические интересы в центральноазиатском регионе, Турция использует и другие способы. Немаловажное значение в этом отношении придается подготовке специалистов в турецких учебных заведениях. Например, Министерство национального образования Турции ежегодно тратит на эти цели до 80 млн. долл. США.⁷⁵ Этот пример подтверждает мысль о том, что Турция сознательно и последовательно идет к осуществлению своей намеченной политики в Центральной Азии.

При всем этом имеются и отдельные факторы, негативно влияющие на позиции Турции в центральноазиатском регионе, и, в первую очередь, - это наличие не тюрко-язычного, инокультурного этноса в Центральной Азии – таджиков, которые являются органической частью персидской цивилизации, что на руку Ирану.

Если говорить об американских усилиях по превращению Турции в основного регулировщика межгосударственных отношений в Центральной Азии, то они могут иметь те же удручающие последствия, которые имели место в случае в 70-х годах прошлого столетия с шахским режимом в Иране. Не исключено, что переработка стратегии Турции на этих направлениях может ослабить экономику тюрко-язычных стран в регионе и способствовать обострению отношений с государствами Центральной Азии.

⁷⁵Арухов З.Тактика «геополитического плюрализма»: не дать России стать сильной / Интернет-ресурс: <http://evrazia.org/>

Она может быть вовлечена в различные вероятные региональные конфликты, как на Кавказе (между Азербайджаном и Арменией по поводу Нагорного Карабаха), где была продемонстрирована ограниченная способность Турции к выработке политических решений относительно их характера и форм их разрешения. Поэтому, отношения Турции с разнородной в этническом плане Центральной Азией могут создать для нее долговременные проблемы.⁷⁶

Некоторые учёные и политические эксперты придерживаются мнения, что пантюркизм ныне не представляет особой опасности для России, поскольку распад советской империи, и обретение суверенитета бывших центральноазиатских советских республик, будто бы, лишили Турцию функции опоры западных стран и США против "советской экспансии", к тому же Анкара не имеет достаточных финансовых, экономических и иных возможностей для завоевания рынков сбыта на всем постсоветском пространстве.⁷⁷

Тем не менее, по нашему мнению, в этом плане не следует допустить поверхностный анализ вопроса, поскольку Турция не намерена отказаться от своей заветной цели, и её политика в данной области никогда не изменится.

Вышеназванная геополитическая направленность Турции, которая осуществляются по подсказкам Соединённых Штатов, не продуктивна с точки зрения её перспективы, ибо изменение политических приоритетов Америки может негативно повлиять на общее положение и влияние Анкары в Центральной Азии.

Содержание существующих архивных документов, академической литературы, политических устремлений Турции в настоящий период, национальных процессов в так называемом тюркском мире, включая тюрко-

⁷⁶Арухов З. Тактика «геополитического плюрализма»: не дать России стать сильной / Интернет-ресурс: <http://evrazia.org/>

⁷⁷Умное А. Пантюркизм шансов не имеет // Независимая газета, 14 февраля 1996г.

язычные страны СНГ, свидетельствуют о том, что пантюркизм не стал только бесконкурентным наследием прошлого, и до сих пор не покинул политическую арену Турции, он продолжает оставаться серьезной угрозой интересам безопасности, как России, так персо-язычных стран центральноазиатского региона.

Скорее всего, такая позиция объясняется дипломатическими соображениями, сообразно тактическим выдержкам не допустить в официальную печать попадания крайних заявлений, которые могут привести к обострению российско-турецких отношений, или такая позиция объясняется стратегической дезинформацией последователей пантюркизма и спецслужб Турции, либо же ограничено информированностью самих исследователей. Невзирая на все это, важно учесть, что такое отношение, в целом, способно оказывать негативное влияние на лидерские устремления Анкары в Центральной Азии, поскольку РФ, вне всякого сомнения, является той супердержавой, которая противостоит западным странам.

Равным образом, Турция трезво даёт себе отчёт о том, что идея образования, так называемого Великого Туркестана, является мощной идеологической и политической базой, который влияет на интеграционные процессы тюрко-язычных народов под её протекторатом в регионе, а также ограничения ареала и геополитической мощи Ирана и России в Центральной Азии. Несомненно, на данный момент пантюркизм выступает как крайне националистическая идеология, которая занимает важное место во внешнеполитической доктрине современной Турции.

Само собой разумеется, что без расширения влияния Анкары на центральноазиатские государства крайне усложняется также реализация пантюркистской стратегии создания так называемой империи "Великий Туран", так как она не имеет широкой пространственной связи с тюрко-язычными народами Кавказа, Поволжья и Центральной Азии. При такой ситуации Центральная Азия, как отмечает российский эксперт, принимает

«... геостратегическое значение для интересов Турции и пантюркизма, а также превращается в один из приоритетных регионов её внешнеполитических устремлений».⁷⁸

Следует акцентировать, что не упрочение позиций Турции и достижение успеха в вопросах лидерства в центральноазиатском регионе осложняются тем, что у Анкары не всегда складываются дружеские и партнерские отношения с Москвой, которые, в свою очередь, способны влиять на региональные политические позиции турецкого государства.

В общем, проводимая Турцией по отношению стран Центральной Азии политика, невзирая на динамизм и активность, модерируется рядом ограничителей, которые сопряжены с надобностью, каким-либо способом, координировать осуществляемые действия шага с другими игроками, реализующими свои национальные интересы в данном регионе. Более того, она, до такой степени отдалась своим претенциозным, имперским намерениям, что стала недругом не только многим арабским странам, но и Ирану. Заявляя о себе как о главной ударной силе в направлении шиитских государств, Турция надеется, таким путём, в мусульманских суннитских обществах завоевать новое положение.

На самом деле, ее может ожидать в исламском мире более масштабная геополитическая блокада и изоляция. Турция уверена в том, что удар по шиитам будет решать ее проблемы в отношениях с недружескими арабскими странами, хотя давно пора Анкаре осознать то, что с ними не стоит относиться как с бывшими османскими доменами. В соответствии с этим, можно заключить, что внешняя политика Турции предусматривает достижения сразу двух цели посредством осуществления поливекторных действий по завоеванию лидерских позиций в Центральной Азии:

⁷⁸ Арухов З. Тактика «геополитического плюрализма»: не дать России стать сильной / Интернет-ресурс: <http://evrazia.org/>

- во-первых, создать разногласия между мусульманскими государствами, подогревая существующие традиционные противоречий посереде суннитов и шиитов;

- во-вторых, найти способы улучшения своих позиций и отношений с теми странами арабского мира, с которыми она находится в конфронтации.

Уместно заметить, что Иран, в отличие от Турции, тесно сотрудничая с Россией, обладает мощным экономическим потенциалом, способный повлиять на его лидерские устремления в центральноазиатском регионе. В этом аспекте перспективным может быть и взаимодействие Ирана и России по каспийским проблемам, особенно, в вопросах обозначения маршрутов транспортировки нефти. Кстати сказать, ИРИ по запасам нефти на сегодня занимает в мире третье место (около 17 млрд. тонн), а по газу - второе после России место в мире (13,3 трлн. куб. м из 39,3 трлн. куб. м всех мировых запасов).⁷⁹

Как известно, ныне текущее сотрудничество Ирана с Россией в нефтяной отрасли, главным образом, заключается в выработке уравновешенной политики относительно выбора маршрутов трубопроводов и транспортировки нефти из каспийского бассейна. В конечном счёте, широкомасштабные межгосударственные игры ради стратегической прибыли от подборки маршрута трубопроводов тянут к иной комплектации политических рисков, влияющие на их рациональное намерение.

В этом отношении нельзя игнорировать утверждение российского эксперта о том, что «стратегия восточно-западной оси, разрабатываемая США, предлагает исключить Россию и Иран из этой игры и задействовать Турцию, наряду с государствами Закавказья и Центральной Азии. Конкуренция, которую эта стратегия, возможно, породит, может стать непродуктивной для независимого и демократического развития государств региона, хотя США ставят цель несколько продвинуть эти страны, чтобы

⁷⁹ Арухов З. Геополитический «перекресток» / Интернет-ресурс: <http://www.evrazia.org/article/1414>

они в меньшей степени зависели от России и Ирана».⁸⁰ Согласно этому высказыванию (мы считаем его вполне обоснованным), Ирану не удастся легко лидерство в регионе, и поэтому Тегерану, против противостоящих ему сил, придется вести целенаправленную и сознательную борьбу.

Как и у Исламской Республики Иран, политика Турции в Центральной Азии, в целом, направлена на реализацию своих национальных интересов и достижение следующих целей:

1. Активное и результативное участие в обеспечении стабильности в регионе;

2. Стремление предотвратить «трубопроводные войны», затрагивающие интересы Ирана, России, Турции, и ЕС в Каспийском регионе;

3. По мере возможности сдерживать экспансию Китая в Центральной Азии, имеющей под собой реальную геостратегическую почву. Превалирование влияния Китая в этом регионе, фактически, представляет собой вызов для национальных интересов Ирана, Европейского союза, России и Турции.

Вопреки этому, многие эксперты в США и Турции убеждены в том, что, скорее всего, единственным государством, с которым Турции предначертано иметь трудные отношения в центральноазиатском регионе, является Российская Федерация. Эти эксперты связывают такое состояние позиций Анкары и Москвы со структурными, в геополитическом смысле слова, напряженными отношениями между этими государствами, основанные на конфронтации интересов, которыми «можно управлять, но которые не могут быть устранены».⁸¹

Нельзя отрицать тот очевидный факт, что на стремления Ирана и Турции стать доминирующими в постсоветском пространстве Центральной Азии, существенное влияние оказывают их позиции в кавказском регионе.

⁸⁰Сафаров Р. Иран хочет занять нишу / Интернет-ресурс: <http://vz.ru/>

⁸¹Арухов З. Геополитический «перекресток» / Интернет-ресурс: <http://www.evrazia.org/article/1414>

Оценивая этот фактор, современный армянский эксперт замечает, что «... роль Ирана, как мощного регионального государства, чрезвычайно важна, и вполне естественно, что у него свои интересы в регионе. Интересы эти многообразны. Особенно велико значение Ирана на оси Россия-Армения-Иран. В нынешних условиях, когда Армения блокируется Азербайджаном и Турцией, значимость Ирана, особенно, что касается Армении (что очень важно с точки зрения политики Ирана в регионе) колоссальна не только в смысле диверсификации источников энергии, но и в политическом смысле. Независимо от того, насколько сближаются и отдаляются позиции Ирана и Турции, обе эти страны всегда пытались занять доминирующие позиции в процессе консолидации стран с мусульманским населением, и в этом процессе противостояние Ирана и Турции всегда присутствовало. В этом смысле очень важно их вхождение в Закавказье и Среднюю Азию (Центральную Азию). В отличие от Турции, Иран может наладить отношения со странами Средней Азии (Центральной Азии) без Закавказья, учитывая выгодное географическое положение, у Турции же для связи со Средней Азией (Центральной Азии) есть два пути – либо через Иран, либо через Закавказье – опираясь на Грузию и Азербайджан. И в этом смысле игра их отношений приводит к повышению значимости обоих для стран Кавказа».⁸²

Как нами было отмечено в предыдущем разделе исследования, Иран, в отличие от Турции, используя свои энергетические ресурсы, в состоянии и может диктовать во многих вопросах, касающихся взаимоотношений со странами Центральной Азии.

Вышеперечисленные стремления Турции и Ирана к лидерству по отношению к современным государствам центральноазиатского региона, по большому счёту, не указывает на существующие серьёзные и нерешенные проблемы, создающие между ними конфронтацию. Наоборот, в последнее

⁸²Иран чрезвычайно осторожен / Интернет-ресурс: <http://theanalyticon.com/?lang=ru>

время в отношениях этих двух восточных мусульманских держав произошли резкие положительные изменения. На сегодня Анкара все более поддерживает Тегеран по многим региональным вопросам, что можно аргументировать следующими факторами:

а) политика Турции претерпевает значительные изменения после прихода к власти «умеренных» исламистов в этой стране во главе с Реджепом Эрдоганом – нынешнем её президентом;

б) на другой, уже религиозной площадке Турция, как мощная военная и экономическая держава региона, пытается заявить о себе как о лидере всего мусульманского мира;

в) Анкара намерена доказать, что она проводит собственный внешнеполитический курс, и ее внешняя политика больше не определяется нынешним курсом Североатлантического альянса.

Стремительное сближение с нынешним Ираном, который также претендует на лидерство в исламском мире и Центральной Азии, с ХАМАС-ом, а также резкое осложнение отношений с главным врагом мусульманского общества - Израилем, являются новыми направлениями во внешнеполитическом курсе современного турецкого государства.

Представленные суждения свидетельствует о том, что, вопреки вмешательству и усилию других держав, все-таки, Турция и Иран могут проводить взвешенную политику в центральноазиатском регионе, поскольку обе эти страны заинтересованы в сохранении мира и стабильности здесь. Однако, что касается вопросов лидерства, то борьба в этом направлении не будет завершена ещё долго.

Относительно потепления отношений между Анкарой и Тегераном и их перспективы, уместно цитировать высказывания эксперта о том, что «Турция и Иран усилили сближение с 2008 г., когда президент Ирана Махмуд Ахмадинежад получил приглашение от своего турецкого коллеги Абдуллы Гюля посетить с визитом Анкару. В марте этого года Абдулла

Гюль нанес ответный визит в Иран. В центре сближения — многие общие интересы, в частности, экономические, главным образом связанные с газовым сектором. Ежегодно Иран экспортирует в Турцию 10 млрд. кубометров газа. Турции нужен иранский газ и для растущего внутреннего потребления, и чтобы усилить свои стратегические позиции на пути в Евросоюз. Для Ирана экспорт газа — одна из основных статей дохода. В настоящее время торговый оборот между Турцией и Ираном составляет около \$13 млрд. И в течение двух лет эту цифру планируется довести до \$20 млрд.»⁸³

Стоит напомнить, что, хотя на протяжении веков геополитическое и геоэкономическое значение Центральной Азии резко менялось, однако многие страны мира стремились здесь обосноваться и укрепить свои интересы. В сложившейся нынешней сложной обстановке как Ирану, так и Турции необходимо систематически стремиться к завоеванию лидерских позиций в этом регионе. На протяжении долгого исторического времени эти страны, “ни друзья ни враги”, занимали противоположные стратегические позиции в Центральной Азии. Начиная с 1952 г., когда Турция вступила в НАТО, она до недавнего времени поддерживала тесные связи с США и Израилем. Хотя в последние годы Анкара оказывает иранским властям всестороннюю поддержку, все же, исходя из нижеследующих причин, на наш взгляд, пока нельзя точно определить – какая, именно, из этих стран может стать лидером в центральноазиатском регионе:

1. Ирану мешают заявить о себе как о лидере в регионе регулярное изменение соотношения геополитических устремлений таких сверхдержав, как США, Россия, Китай.

2. В Центральной Азии Турции не позволяют играть лидирующую роль её скудные экономические ресурсы и возможности.

⁸³Бондаренко Д. Турция сблизилась с Ираном / Интернет-ресурс: <http://www.disput.az/>

3. Серьёзным сдерживающим фактором на пути развития влияния Турции в Центральной Азии выступают налаженные российско-иранские связи по региональным вопросам.

4. Подогреваемые Соединёнными Штатами лидерские стремления Турции, не могут иметь постоянный характер, поскольку Америка, в зависимости от своих национальных и государственных интересов, способна изменить свои геополитические приоритеты. В связи с этим, по отношению к центральноазиатскому региону, Турции необходимо разработать свою самостоятельную программу действий.

В противоположность этому, прагматизм подхода Ирана к Центральной Азии демонстрирует нам другую сторону его внешней политики, т.е. это государство может действовать в полном соответствии с международными нормами и играть конструктивную роль в регионе. Это, естественно, явно противоречит сложившемуся стереотипу восприятия Тегерана, как игрока с «отклоняющимся поведением» и «возмутителя спокойствия» в международных отношениях. Такая реальность показывает, что подход иранского внешнеполитического руководства многомерен, а само оно способно дифференцировать различные аспекты и направления международных отношений, а также отдаёт себе отчет в том, что Иран может использовать имеющиеся в его распоряжении культурные инструменты, чтобы таким образом расширить свое влияние.

Невзирая на международные санкции против него, эта страна сочла обязательным сохранить свое положение и, даже, опираясь на свое культурное значение, попытаться укрепить его. Такое стремление для Тегерана не только олицетворение его национальной идентичности и повод быть гордым наследием своей исторической культурой, но и нечто, которого можно использовать как конструктивный ход в международной дипломатии.

Исламская Республика Иран, хотя нацелена подчеркнуть культурную близость, и использует свое культурно-историческое наследие в регионе, однако делает это дипломатически очень искусно. Хотя можно считать, что это просто способ достижения каких-то реально воспринимаемых целей, и обнаружить в тех или иных акциях культурной политики Ирана попытку найти путь широкого взаимодействия и сотрудничества в более важных, с точки зрения его национальных интересов, практических сферах.

Все же, хотя в своих действиях преодолеть международную изоляцию и сопротивляться давно инициируемым США стараниям по его приостановлению, Тегеран все еще использует международные организации, наподобие ОЭС, безусловно, огромное достижение на этом пути ему приносит налаживание двусторонних отношений. В этом направлении основное внимание, параллельно с Афганистаном, уделено Республике Таджикистан, и, именно, здесь Ирана вложил самые значительные инвестиции финансово-экономического характера. Та реальность, что самыми близкими ИРИ по культуре и языку эти страны являются первоочередным объектом его внимания в Центральной Азии, абсолютно закономерно.

Изучение значения экономических и культурных предпосылок в отношениях Ирана со странами центральноазиатского региона способствует определить значение международной дипломатии этой страны таких инструментов, как ОИКС. Когда межгосударственная дипломатия Тегерана в Центральной Азии, главным образом, все еще осуществляется в формате двусторонних встреч на президентском или министерском уровне, то, как показывает практика, многие реальные инициативы на местах совершаются через, руководимые ОИКС, культурные центры Ирана.

Естественно, на современном этапе развития стран Центральной Азии, ещё не чувствуется тотальная готовность принимать иранское лидерство, и Тегеран это хорошо знает. Однако акцент на культурные связи и общее

историческое наследие пока что может восприниматься как знак другого, более прагматичного дискурса иранской дипломатии, который имеет мало общего с поддержкой Хезболлы или давним противостоянием с западными странами (особенно с США) из-за ядерной программы.

Таким образом, в современных сложных геополитических условиях все ведущие державы мира, в том числе и Исламская Республика Иран, стремятся усилить своё влияние на постсоветские республики Центральной Азии, и укрепить свои лидирующую позицию в её пространстве. В отличие от других государств, Иран в своей внешней политике в Центральной Азии стремится придерживаться максимально широкого подхода, используя свою экономическую мощь, а также культуру, которую применяет как свой главный козырь.

Нужно отметить, что «В геополитическом аспекте для Ирана существенны межрегиональные связи стран Центральной Азии, их связи с мировыми (включая российские) экономическими центрами. Это обстоятельство следует учитывать, так. Как оно позволит влять отчасти на инвестиционный климат в интересующих Иран регионах и, возможно, позволит строить более общее модели развития».⁸⁴

Поддержание дружественных отношений и тесное сотрудничество со всеми государствами региона было и остается серьезным дипломатическим успехом для ИРИ. Это достижение может стать стандартом, следуя которому, Иран в перспективе могла бы совершенствовать связи, прежде всего, в более спорных направлениях взаимоотношений с центральноазиатскими странами. К тому же, недавно возникшая тенденция развития отношений между западными странами во главе с США и Ираном, которая была намечена в ходе переговоров по ядерной программе Тегерана, также может позитивно влиять на его позиции в регионе. Вероятное смягчение и последующая отмена санкций вполне может сделать образ

⁸⁴ Мехди Санаи .Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ.-М.: Муравей, 2002.- 60.

Ирана как международного партнера более привлекательным. Более того, если полномасштабная нормализация действительно произойдет, то у ИРИ появится реальный шанс, чтобы, наконец, используя преимущества своего географического положения, выполнять функцию ключевого вала в Центральную Азию.

Заключение

Изучение вопроса взаимоотношения современного Ирана и постсоветских независимых стран Центральной Азии показывает, что оно, имея сложное и противоречивое содержание, началось сразу после распада СССР и проходит неоднозначно. Подводя итог проведённому анализу, и на основании рассмотренных в исследовании главных аспектов изученной темы, можно сделать следующие краткие выводы:

1. Проблемы становления нового постсоветского центрально-азиатского региона в политической науке выступают как составная часть общей теории международных отношений на современном этапе её развития. Формирование различных и порой противоположных тенденций во взаимоотношениях между более развитыми государствами было последствием непостоянного характера межгосударственных и региональных отношений среди субъектов мировой политики. На этой базе возникли различные блоки и союзы, которые, в зависимости от своих национальных и государственных интересов, преследовали определённые цели. Набирало темп намерение различных государств усилить своего геополитического влияния на, недавно приобретавшие независимость, государства. В этом отношении, важная по своему геополитическому и геостратегическому значению регион - Центральная Азия, естественно, не мог оставаться вне поля зрения развитых держав.

Как показывает практика, после распада СССР баланс сил в мировом сообществе существенно нарушился. Суверенные государства, которые образовались на постсоветском пространстве, столкнулись с большим количеством нерешенных внутренних и внешних проблем, что привело к обострению межнациональных и межгосударственных отношений в различных регионах бывшей великой империи, в частности, и в Центральной Азии. Этот регион приобрел особую геополитическую

значимость, как для восточных держав (Индия, Иран, Китай, Пакистан, Турция), так и западных (ЕС, США и др.). Такое положение создало для новообразованных государств, наряду со своими внутренними проблемами, еще и немало проблем, занесенных извне.

Фактически, современная Центральная Азия в большой геополитической игре выступает, как регион, откуда можно направить свои усилия против своих врагов, одновременно на нескольких направлениях. В этой связи, постсоветский центрально-азиатский регион еще на долгие годы остается ареной политической борьбы различных заинтересованных сил, и на этой почве будет сохраняться как одна из беспокойных точек мира с точки зрения возникновения конфликтов, войн и противоречий.

2. Исторические и социокультурные связи стран Центральной Азии и Ирана существуют с древнейших времен, и распад Советского Союза способствовал ещё больше их укрепил. Национальные общности, проживающие в данном регионе, возрождая свои культурно-этнические традиции, и осознавая смысл своего богатого культурного наследия, акцентировали своё внимание на наличие существования между ними общих исторических и культурных судеб, которых невозможно предать забвению. Иранская культура, вне всякого сомнения, имеет огромное влияние на духовную жизнь народов региона и занимает особое место в Центральной Азии. Заметим, что на развитие бывших союзных республик, после провозглашения ими свою государственной независимости, влияние Ирана стало ощутимым, поскольку историческая и культурная общность, соседство, ислам как традиционная здесь религия, потребность в коммуникациях похожие социально-экономические проблемы и другие факторы сближают эти страны.

В то же время, суверенные постсоветские государства Центральной Азии также играют важную роль во внешней политике Ирана, который, после провозглашения ими независимости, открыл свои дипломатические представительства в столицах этих стран, и стал налаживать с ними всестороннее сотрудничество. Безусловно, крах великой советской империи и возникновение

новых субъектов международных отношений в центрально-азиатском регионе заставили Иран уделить больше внимания своим новым северным соседям. Это, в свою очередь, требовало от Ирана внести соответствующие коррективы в свою внешнюю политику, так как до 90-х годов прошлого столетия он граничил на севере только с одной из супердержав мира, которая определяла порядок в межгосударственных связях Центральной Азии.

Заслуживает констатацию тот факт, что с момента образования независимых государств в пространстве бывшего Союза, Иран стал играть важную роль в формировании геополитической зоны в Центральной Азии. Это, прежде всего, было связано с тем, что, как региональная держава, этой стране фактически все было известно об особенностях социокультурного, экономического и политического характера развития стран Центральной Азии. Более того, в силу своих культурно-исторических связей, географической близости, языковой и религиозной родственности и расположение, у Ирана есть больше, чем у других стран, возможности оказать влияние на политические процессы региона. Следует также отметить, что ИРИ используя свой экономический потенциал, может оказать существенное влияние на, ход происходящих социально-политических процессов в Центральной Азии.

Межгосударственные отношения стран региона и Ирана с самого начала имели многовекторный характер и складываются на различных уровнях, даже, на уровне провинций и областей, и охватывают общемировой, региональный и двухсторонний аспекты сотрудничества, что требует своего отдельного и подробного научного рассмотрения.

3. Совершенно очевидно, что влияние межгосударственных отношений на политические процессы в центральноазиатском регионе, при активном участии Ирана, является одной из предпосылок выхода стран Центральной Азии на мировые рынки и способствует активному инвестированию экономики стран региона со стороны других, более развитых держав. Значимым стимулом

сотрудничества центрально-азиатских государств с Ираном, безусловно, выступают его геостратегическое расположение в регионе и возможность выхода в открытое море через её водные коммуникации.

Значение укрепления связей с Ираном для центрально-азиатских республик становится тем более необходимым, если учитывать их желание не быть зависимым от РФ при транспортировке энергоносителей, и создать новые коммуникационные сооружения через ИРИ для выхода к Персидскому заливу.

Заметим, что, с целью налаживания всесторонних связей со странами Центральной Азии, такие государства, как Индия, Бангладеш и Германия вели с Ираном переговоры. Это доказывает тезис о том, что те государства, которые хотят устанавливать торгово-экономические связи с центрально-азиатскими республиками, осознают степень их зависимости от отношений с Ираном.

Неоспоримый факт, что другие страны Азии не могут, подобно Ирану, стать связующими мостами в межгосударственных отношениях в Центральной Азии по разным причинам: КНР - из-за отдаленности, Исламская Республика Афганистан - из-за продолжительной гражданской войной, политической и социально-экономической нестабильности. Что касается Турции, то она не может взаимодействовать со странами региона, минуя коммуникации Ирана.

Страны центрально-азиатского региона в решении своих внутри- и внешне политических проблем заинтересованы строить дружеские и конструктивные отношения, как с соседями, так и с государствами Дальнего зарубежья. В этом плане Иран, как одна из ведущих восточных держав, стремится ответить на такие запросы, и налаживает взаимовыгодное межгосударственное сотрудничество со странами региона. Он складывает стабильные внешнеполитические отношения с такими странами Центральной Азии, как Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан. Необходимо учесть, что Иран имеет особо тесные внешнеполитические отношения с Республикой Таджикистан, хотя в последнее время наблюдается некоторое охлаждение в их

взаимоотношениях. Сотрудничество Ирана с другими странами региона – Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном можно характеризовать как стабильно партнёрским.

4. Рассматривая степень значимости взаимоотношения Ирана с центрально-азиатскими странами в обеспечении стабильности региона, необходимо иметь в виду, что его реализация невозможно без активного участия РФ. Примечательно, что Исламская Республика Иран, расширяя и углубляя свои всесторонние связи с Москвой, способствует равновесию отношений России с центрально-азиатскими странами. В этой связи уместно подчеркнуть, что сотрудничество Ирана с Россией в последние десятилетия охватывает различные области и широко поддерживается сторонами.

Реалии взаимоотношений этих двух стран показали, что между Ираном и Россией существуют многочисленные возможности сотрудничества и партнерства по многим сферам межгосударственных и международных отношений. Более того, у этих стран имеются немало совпадающих точек зрения относительно региональной безопасности и стабильности. В этом плане, РФ нацелена противодействовать неограниченному влиянию и присутствию западных стран и США в Центральной Азии. Для Ирана также важно сохранение стабильности в данном регионе, поскольку возникновение здесь неспокойной ситуации вредит его национальной безопасности. В этой связи ИРИ, используя переговоры и посредничества, намерена сохранить мир и стабильность в регионе, и она с пониманием относится к сохранению лидерства РФ среди стран СНГ и исходит из того, что в новых условиях сильная Россия может быть гарантом обеспечения интересов Ирана в регионе. В противном случае, открывается доступ другим странам к Центральной Азии.

Ярким примером сотрудничества Ирана и России в сохранение мира и спокойствия в центрально-азиатском регионе может служить их совместные усилия для достижения стабильности в Республике Таджикистан. Во всех раундах переговоров, которые велись между Правительством Таджикистана и

Объединённой таджикской оппозицией они принимали активное участие в качестве посредников, причем с общих позиций. Российская сторона была хорошо осведомлена, что Иран имеет контакты с группировками оппозиции в Таджикистане, что можно их использовать для достижения мира, что и привело к тому, что 27 июня 1997 года в г. Москве Правительство Таджикистана и представители оппозиции подписали «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане».

5. Учитывая геополитические стремления стран Запада усилить свое влияние в Центральной Азии, вопрос о лидерстве России и Ирана здесь становится вполне очевидным, поскольку национальные и государственные интересы этих стран непосредственно связаны с проблемами государств региона.

Безусловно, Иран в системе политических и экономических связей центральноазиатских стран занимает важное место. Хотя он не имеет столь внушительных ресурсов, какими располагают другие государства, которые претендуют на роль лидера по влиянию на страны региона (КНР, РФ, Турция, ЕС), однако ему удалось обеспечить себе заметное присутствие в Центральной Азии.

При исследовании проблемы взаимоотношения Ирана и государств Центральной Азии, не менее важным вопросом является определение характера его с ведущими державами Азии, в частности, Турции. Борьбы этих стран за лидерство в регионе, их взаимоотношение с другими субъектами геополитического влияния в здесь, чётко прослеживается во взаимоотношениях Ирана и Турции, поскольку последнее также имеет определенные претензии к региону и стремиться к лидерству в нем. Совершенно очевидно, что гегемонистские стремления Турции, в основном, поддерживаются США, а лидерские усилия Ирана поощряется Россией. При этом, как показывает реальное положение дел, у Турции имеется меньше шансов стать региональным лидером, чем Исламская Республика Иран.

В общем, проводимая Турцией по отношению стран Центральной Азии политика, невзирая на динамизм и активность, модерируется рядом ограничителей, которые сопряжены с надобностью, каким-либо способом, координировать осуществляемые действия шаги с другими игроками, реализующими свои национальные интересы в данном регионе. Более того, она, до такой степени отдалась своим претенциозным, имперским намерениям, что стала недругом не только многим арабским странам, но и Ирану. Заявляя о себе как о главной ударной силе в направлении шиитских государств, Турция надеется, таким путём, в мусульманских суннитских обществах завоевать новое положение.

Как у Исламской Республики Иран, политика Турции в Центральной Азии, в целом, направлена на реализацию своих национальных интересов и достижение следующих целей:

1. Активное и результативное участие в обеспечении стабильности в регионе;
2. Стремление предотвратить «трубопроводные войны», затрагивающие интересы Ирана, и России, и Турции, и ЕС в Каспийском регионе;
3. По мере возможности, сдерживать экспансию Китая в Центральной Азии, имеющей под собой реальную геостратегическую почву. Превалирование влияния Китая в этом регионе, фактически, представляет собой вызов для национальных интересов Ирана, Европейского союза, России и Турции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии

1. Аббас Манучихри. Политическая система Ирана / Манучихри Аббас. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с.
2. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология / В.А. Авксентьев. – Ставрополь, 1996. – 345 с.
3. Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем: Пути и формы революционного процесса / С.Л. Агаев. – М.: Наука, 1981. – 271 с.
4. Агаев С.Л. Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках / С.Л. Агаев. – М.: Наука, 1984. – 278 с.
5. Агаев С.Л. Иран: рождение республики / С.Л. Агаев. – М.: Политиздат, 1984. – 336 с.
6. Александров О.Б. Внешние связи российских регионов: «Южный вектор» // Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: энергетика и политика / под ред. А.В. Малыгина, М.М. Наринского. – М.: Навона, 2005. – Вып. 2. – 456 с.
7. Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. / С.М. Алиев. – М.: Наука, 1985. – 302 с.
8. Арабаджян А.З. Сверхдержавы и Исламская Республика Иран (точка зрения) / А.З. Арабаджян. – М.: «Крафт», 2001. – 280 с.
9. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в 3-х томах / Е.П. Бажанов. – М., 2001.
10. Бажанов И.И. Современный мир / И.И. Бажанов. – М., 2004.
11. Барыгин И.Н. Международное регионоведение / И.Н. Барыгин. – СПб.: Питер, 2009. – 384 с.
12. Богатуров А.Д., Косолапов И.Л. Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М., 2002.

13. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика / И.М. Бусыгина. – М.: РОССПЭН, 2006. – 278 с.
14. Гладкий Ю.Н., Чистобаев, А.Н. Основы региональной политики. СПб.: Изд-во Михайлова А.М., 1998. – 659 с.
15. Гусейнов В.А. Центральная Азия: геополитика и экономика региона. – М.: Красная звезда, 2010. – 290 с.
16. Дадабаева З.А. Фактор соседства в экономическом развитии Таджикистана. –М., 2010.
17. Дадабаева З.А. Особенности экономического сотрудничества Таджикистана с восточноазиатскими странами. –М., 2010.
18. Добаев И.П. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / И.П. Добаев. – Ростов н/Д, 2005. – 215 с.
19. Дружиловский С.Б. Политика Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье: Иран и СНГ / С.Б. Дружиловский. – М.: ИИИиБВ, 2003. – 220 с.
20. Жуков Д.А. Иран от Хомейни до Хаменеи / Д.А. Жуков. –М., 2011. – 158 с.
21. Зинько С.Ю. Публичная дипломатия и информационная политика Ирана. –М., 2009. – 304 с.
22. Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. –М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 364 с.
23. Иран и СНГ / отв. ред. Н.М. Мамедова. –М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 219 с.
24. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М: Аспект Пресс, 2008. – 511 с.
25. Крылов А.Б. Непризнанные государства в геополитическом контексте / А.Б. Крылов. – Ростов н/Д, 2005. – 365 с.

26. Кузьмина Е.М. Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии. - М.: Институт экономики РАН, 2013.
27. Лукоянов А.К. Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х начало 80-х гг. XX в.) / А.К. Лукоянов. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
28. Лукоянов, А.К. Исламская революция. Иран опыт первый 1979-2009 Текст. / А.К. Лукоянов. - М.: Прогресс, 2010. - 396 с.
29. Мамедова Н.М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии / Н.М. Мамедова. – М., 1997. – 360 с.
30. Мамедова Н.М., Мехди Санаи. Иран: ислам и власть/Н.М Мамедова, М.Санаи. – М.; Институт востоковедения РАН, 2002. – 280 с.
31. Мамедова Н.М. Роль и место Ирана в регионе / Н.М. Мамедова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – 207 с.
32. Махмадов А.Н., Хоперская Л.Л. Современный Таджикистан: диалектика независимости и интеграции (политико-правовой анализ). –Душанбе: Дониш, 2016. – 380 с.
33. Месамед В.И. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога / В.И. Месамед. –М.: Институт Ближнего Востока, 2010. – 267 с.
34. Месамед В.И. Иран- Республика Узбекистан: трудный диалог. – М., 2009. – 304 с.
35. Мехди Санаи. Отношения Ирана с центрально- азиатскими странами СНГ: Социально-политические и экономические аспекты. – М.: Муравей, 2002. – 136 с.
36. Мехди Санаи. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. –320 с.
37. Мукимджанова Р.М. Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики. Монография. – М.: Научная книга, 2005. – 206 с.

38. Политика РФ и ИРИ в региональном контексте (ЦА, Кавказ, Ближний Восток) / Под ред. Н.М. Мамедовой, Е.В. Дунаевой. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 222 с.
39. Рыков А.Г. Региональные амбиции новой иранской дипломатии. – М., 2007. – 452 с.
40. Рябцев В.Н. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2008. – 576 с.
41. Саидзода З. Таджикистан: информационный ресурс, внешняя политика, имидж государства. – Душанбе: Иттилоот ва муошират, 2008. – 69 с.
42. Саидзода З. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991-2017 гг.). – Душанбе: Контраст, 2017. – 111 с.
43. СМИ Ирана и Афганистана. Составители: Сохибназарбекова Р.М., Муллоев Ш.Б. – Душанбе, 2011. – 56с.
44. Страны СНГ в системе международных отношений. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 626 с.
45. Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 216 с.
46. Трофимов Д.А. Внешняя политика Ирана и Турции в Центральной Азии (на примере Узбекистана). – М., 2001. – 338 с.
47. Хуторская В.В. Взаимоотношения Исламской республики Иран и стран Центральной Азии / В.В. Хуторовская. – М.: КрафтЧ, 2001. – 280 с.
48. Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под ред. Косиченко А.Г., Сыроежкина К.Л. – Алматы: КСИ при Президенте РК, 2011. – 452 с.

Научные статьи

49. Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность / Р.Г.Абдулатипов // Научная мысль Кавказа. – 1995. – №1. – С.75-82.

50. Абулова Е.А. Языковая ситуация в многоязычной и поликультурной среде / Е.А.Абулова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 415-416.
51. Агаев С.Л. Рухолла Мусави Хомейни / С.Л. Агаев // Вопросы истории. – 1989. – № 6. – С. 12-24.
52. Алиев С.М. Рухолла ал-Мусави ал-Хомейни / С.М. Алиев // Азия и Африка сегодня. – 1988. – № 10. – С. 34-45.
53. Асланян Г. Геополитические интересы России в энергетической сфере в начале XXI века Электронный ресурс // Семинар по геополитике энергетики (Ницца, 28-30 ноября 2002 г.). – Ницца, 2002.
54. Баранов А.В. Региональная политическая идентичность: методы исследования // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. – Краснодар, 2004. – 124 с.
55. Бусыгина И.М. Территориальный фактор в европейском сознании / И.М.Бусыгина // Космополис. – 2002. – № 2. – С. 61-67.
56. В борьбе за центральноазиатский газ // Понедельник: еженедельное издание Южно-Кавказского института региональной безопасности. – Тбилиси, 2007. – № 34 (84). – С. 2-12.
57. Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №2 (56). – С.145-152.
58. Волынчук А.Б. Теоретические основы геополитических исследований: старые и новые правила / А.Б. Волынчук // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – № 4(15). – С. 245-252.
59. Голунов С.В. Этнический фактор в контексте безопасности границы между Россией и Казахстаном / С.В. Голунов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – №1. – С. 247-253.

60. Ден В.Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики / В.Э. Ден // Известия Русского географического общества. – 1997. – Т. 129. – Вып. 1. – С. 134-138.
61. Драганов А. Взаимовлияние геополитических интересов России и Ирана в кавказской проекции События вокруг Ирана и ситуация в регионе // Сборник статей к форуму «Перспективы сотрудничества России и Ирана на горизонте 2025 года» в международном университете им. Имама Хомейни (г. Казвин 15-16 апреля 2012 года). Москва – Казвин, 2012.
62. Дринова Е.М. Практические аспекты конфессиональной геополитики / Е.М. Дринова // Философия права. – 2008. – № 5. – С. 83-86.
63. Жаде З.А. Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – №2. –С. 61-72.
64. Капустин Б.Г. «Национальный интерес» как консервативная утопия / Б.Г. Капустин // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 13-30.
65. Колосов В.А. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы / В.А. Колосов // Полис. – 2000. –№2. –С. 40-60.
66. Колосов В.А. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе / В.А. Колосов // Полис. – 2008. – № 4. – С. 48-54.
67. Красин Ю.А. Национальные интересы: миф или реальность? / Ю.А. Красин // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С. 3-12.
68. Кузьмин А.С. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации / А.С. Кузьмин // Полис. – 2002. – № 3. – С. 24-32.
69. Куприянов Г. Иран: проблема власти в исламе / Г. Куприянов // Бюллетень международных договоров. – 2002. – №-1. – С. 1-67.

70. Куртов А.А. Государства Южного Кавказа и Иран: новые геополитические реалии // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001. – С. 150-151.
71. Кушкумбаев С. Центральноазиатская интеграция в контексте истории и геополитики / С. Кушкумбаев // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – № 16.
72. Кухианидзе А.В. Кавказоцентристская концепция демократии / А.В. Кухинадзе // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 4.
73. Лапин Н.И. Статус регионов России и разбалансированность их социокультурных функций / Н.И. Лапин // Мир России. – 2006. – Т. XV. – №2. –С. 3-41.
74. Линец С.И. История Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в научных трудах начала XXI века // Университетские чтения. – М., 2009. – С. 114-122.
75. Магомедов А.К. Геополитические интересы США в Закавказье / А.К. Магомедов // Обозреватель-Observer. – 2009. – № 11. – С. 89-93.
76. Магомедов А.К. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил / А.К. Магомедов // Полис. – 1999. – № 5. – С. 141-154.
77. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Х.Маккиндер // Полис. – 1995. – № 4. – С. 24-35.
78. Максименко О. Новый нефтяной порядок неминуемо приведет к геополитическим изменениям / О. Максименко // Содружество СНГ. – 1998. – №10. – С. 9-10.
79. Малышева Д.Б. Пределы влияния России в Закавказье // Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: энергетика и политика / Под ред. А.В. Малыгина; М.М. Наринского. – М.: Навона, 2005. Вып. 2. – С. 296-315.

80. Малышева Д.Б. Проблемы безопасности на Кавказе / Д.Б. Малышева // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – №1 (13). –С. 41-56.
81. Мацузато К. Тарикат, этничность и политика в Дагестане / К. Мацузато // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 2. – С. 25-38.
82. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве: непризнанные государства // Государство и его соперники в мировой политике: материалы конференции. – М.: Изд-во МГИМО, 2008. – С. 24-33.
83. Мирский Г. Иран и США: Противостояние на фоне «ядерного кризиса» / Г. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 7. – С. 3-14.
84. Примаков Е.М. Иран: контрпродуктивная тактика, или нечто-большее? / Е.М. Примаков // Московские новости. – 2007. – № 9-10.
85. Суслов Д.В. «Иранский вопрос» в мировой политике XXI века и его возможное решение // Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы. – М., 2004. Вып. 22. – С. 21-25.
86. Таджикистан и Иран: связи укрепляются // «Пайванд». – 1998. – № 12. – С. 64-73.
87. Шарипов У.З. Исламская Республика Иран: новый этап международных отношений и конфессиональный фактор // Экономические, социальные, политические, конфессиональные проблемы афро-азиатских стран. –М., 2016. –С.264-272.
88. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря / К. Шмитт // Элементы. – 1997. –№8. – С. 35-44.

Диссертации и авторефераты

89. Багиров Э.М. Приоритеты внешней политики Ирана и проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе на рубеже XX-XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Э.М. Багиров. – М., 2006. – 301 с.

90. Белашов И.И. Геополитические интересы в структуре современного политического процесса: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / И.И. Белашов. – Ставрополь, 2004. – 178 с.
91. Богатов М.Ю. Геополитические аспекты формирования международных транспортных коридоров в новой модели мира: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / М.Ю. Богатов. – Чита, 2006. – 170 с.
92. Драганова А.А. Геополитические интересы современного Ирана в кавказском регионе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / А.А. Драганова. – Пятигорск, 2001. – 206 с.
93. Добровицкий И.В. Политическая трансформация государств традиционного типа: теоретические основы и практика политического процесса: на материалах Ирана: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И.В. Добровицкий. – М., 2006. – 265 с.
94. Иллюк А.А. Развитие российско-иранских отношений на рубеже XX и XXI вв.: Исторический и политический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / А.А. Иллюк. – М., 2004. – 186 с.
95. Кожанов Н.А. Продовольственная безопасность как элемент доктрины национальной безопасности Исламской Республики Иран: автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.14 / Н.А. Кожанова. –СПб., 2009. – 31 с.
96. Кудрявцев А.Н. Политические процессы в современном развитии Ирана: тенденции, проблемы, перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Н. Кудрявцев. – Астрахань, 2010. – 31 с.
97. Манукян Д.А. Политика Ирана на Ближнем Востоке в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Д.А. Манукян. – СПб., 2010. – 216 с.
98. Саруханян С.Н. Политика научно-технического сотрудничества России и Ирана в ядерной сфере: факторы влияния: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / С.Н. Саруханян. – М., 2006. 169 с.

99. Юрченко В.Н. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В.Н. Юрченко. –Тюмень, 2010. – 350 с.
100. Ятимов С.С. Идеологические основы внешней политики Исламской Республики Иран: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / С.С.Ятимов. – Душанбе, 2001. – 146 с.

Электронные ресурсы

101. Арухов З. Анкара. Состояние финансов не дает Турции заключить соглашение с МВФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.k2kapital.com> (дата обращения: 15.05.2015 г.)
102. Иран в результате исламской революции стал крупной региональной державой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iran.ru/rus/newsiran.php?act=newsbyid&newsid=55926> (дата обращения: 20.06.2016 г.)
103. Иран и Центральная Азия: Краткий обзор взаимоотношений [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/56737/Iran_i_Centralnaya_Aziya_Kratkiy_obzor_vzaimootnosheniy (дата обращения: 10.08.2014 г.)
104. Бондаренко Д. Турция сблизилась с Ираном [Электронный ресурс]. URL: http://ukrrudprom.com/digest/Turtsiya_sblizilas_s_Iranom.html?print (дата обращения: 10.08.2016 г.)
105. Гасанов Р.М. Ислам в общественно-политической жизни современного Азербайджана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-03/GasanovRM.pdf> (дата обращения: 25.05.2016 г.)
106. Звягельская И. В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-poiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/?sphrase_id=69643

107. Иран стал первой исламской космической державой [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/55694/Iran_stal_pervoy_islamskoy_kosmicheskoy_derzhavoy (дата обращения: 15.07.2017 г.)
108. Иран чрезвычайно осторожен [Электронный ресурс]. URL: <http://theanalyticon.com/?p=497&lang=ru>
109. Иран и ШОС: неоправданное безразличие [Электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/94560/Iran_i_ShOS_neopravdannoe_bezrazlichie
110. Иран в Центральной Азии: наличная ситуация и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://newtimes.az/ru/geopolitics/3204>
111. Маркедонов С. Иран на большом Кавказе: в поисках своей «платформы» [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/6919.html> (дата обращения: 17.12.2016 г.)
112. Иран и Кыргызстан намерены ежегодно торговать на 5 миллиардов долларов [Электронный ресурс]. URL: <http://knews.kg/2012/07/iran-i-kyrgyzstan-namerenyi-ejegovno-torgovat-na-5-milliardov-dollarov/>
113. Махдавиасль М. Проблемы и возможности Ирана в Центральной Азии и Кавказе [электронный ресурс]. URL: <http://farsiiran.narod.ru/analytics/irancasaw.htm> (дата обращения: 15.02.2017 г.)
114. Мехдиев Э. Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе [электронный ресурс]. URL: <https://gorchakovfund.ru/news/view/elnur-mekhdiev-strategicheskie-interesy-irana-v-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape/>
115. Мутов С. Политика Ирана в отношении Центральной Азии [электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/182-politika-irana-v-otnoshenii-centralnoy-azii.html>

116. «Мягкая сила» Ирана в Центральной Азии: беседа аналитиков Bilig Brains [электронный ресурс]. URL: <http://caa-network.org/archives/10150>
117. Объем товарооборота между Ираном и Афганистаном составил около 2,6 млрд. долларов США [электронный ресурс]. URL: <http://afghanistantoday.ru/node/41679>
118. Президент Ирана Х. Роухани вопреки двойным играм Запада отодвигает партнерство с Россией на второй план [электронный ресурс]. URL: <http://www.yerkramas.org/article/83795/prezident-irana-x-rouxani-vopreki-dvojnym-igram-zapada-otodvigaet-partnerstvo-s-rossiej-na-vtoroj-plan--analiziruet-i--nikolaev>
119. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты [электронный ресурс]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/69322/Regionalnaya_strategiya_Irana_v_Centralnoy_Azii_evolyuciya_i_prioritety
120. Региональная политика Ирана на постсоветском пространстве [электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/484/regionalnaya-politika-irana-na-postsovetskom-prostranstve-4207>
121. Сажин В. 2014 год переломный для Ирана? [электронный ресурс]. URL: <http://newtimes.az/az/interview/3148>
122. Сафаров Р. Иран хочет занять нишу [электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/politics/2012/7/10/587853.html>
123. Социально-экономический и гуманитарный контекст современных туркмено-иранских взаимоотношений [электронный ресурс]. URL: <http://www.mpfund.ru/news/20170324/74.html>
124. Шевелев В. Внешняя политика Ирана: геополитические интересы на Кавказе и юге России [электронный ресурс]. URL: <http://www.evrazia.org/article/2046>

Словари и справочники

125. Абаренков В.П. и др. Краткий политический словарь. 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989. – 623 с.
126. Арутюнов С.А. и др. Этнологический словарь / С.А. Арутюнов [и др.]. – М.: Витан, 1996. – 201 с.
127. Мельник, В.А. Современный словарь по политологии / В.А. Мельник. – М.: Книжный Дом, 2004. – 640 с.

Периодическая печать

128. Иран и Центральная Азия // «Азия-Плюс». 12 июня 2015 г.
129. Кыргызстан и Иран – перспективы двустороннего экономического сотрудничества // «Время Востока». 9 декабря 2016 г.
130. Иран, Таджикистан и Афганистан. Много общего в прошлом и настоящем. Что в будущем? // «Азия-Плюс». 10 января 2011 г.
131. Гриб Н. «Газпром» тянет трубу в Индию из Ирана // Коммерсантъ. 17 июня 2006 г.
132. Лукоянов, А.К. Иран как региональная держава. // Pro.et Contra. 2008. Июль - август. С. 57 - 69.

Литература на английском языке

133. Ben-Meir A. Nuclear Iran is Not an Option: A New Negotiating Strategy to Prevent Iran from Developing Nuclear Weapons Electronic resource. / A. Ben-Meir. -<http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15646.pdf>
134. Crawford B. The New Security Dilemma under International Economic Interdependence Text. / B. Crawford // Millennium. 1994. - Vol. 23, No 1. -P. 25-55.
135. Davies G. Why doesn't Iran Back Down? Iraq, Oil and Deterrence (August 22, 2008) Electronic resource. / G. Davies. 2008. - <http://www.e-ir.info/?p=556>
136. Eisenstadt S. Revolution and the Transformation of Society: Comparative Study of Civilizations Text. / S. Eisenstadt. – N.Y.; L., 1978. – P. 86-93.

137. Ehteshami Anoushiravan. Iranian Political Influence on the Euro-Mediterranean Region Electronic resource. / Anoushiravan Ehteshami. – <http://www.iemed.org/anuari/2010/aarticles/EhteshamiIranianen.pdf>
138. Ehteshami E. Iranian Political Influence on the Euro-Mediterranean Region Electronic resource. / E. Ehteshami // Med, 2010. P.28-32
139. Frank A.G. Caspian Sea Oil Still the Great Game for Central Eurasia. / A.G. Frank // Journal of World-system Research. - 2001. - VII, I. - P. 101108.
140. Fuller G.E. The Future of Political Islam. / G.E. Fuller. NY: Palgrave Macmillan, 2003. - 243 p.
141. Henze P. Islam in the North Caucasus. The Example of Chechnya Electronic resource. / P. Henze. <http://www.circassianworld.com/pdf/HenzeIslam1.NorthCaucasus.pdf>
142. Mohsenin M.M. The evolving security role of Iran in the Caspian region Electronic resource. / Mehrdad M. Mohsenin. <http://books.sipri.org/files/books/SIPRIO1Chufrin/SIPRIO1Chufrin09.pdf>
143. Sadjadpour, Karim. Guidelines for Approaching Iran Electronic resource. / Karim Sadjadpour // Carnegie Endowment for International Peace. -<http://carnegieendowment.org/files/sadjadpouriranfinal1.pdf>
144. Turkey, Russia and Iran Common Interests Electronic resource. <http://csm.org.pl/fileadmin/iriyfiles/BibliotekaCSM/Raportyianalizy/2010/Reports%20and%20AnalysesTurkeyRussiaIran.pdf>
145. Tutan, M.U. Bazaaris' Interests on the Iranian economy: a Coalition with Ulama Electronic resource. / M.U. Tutan. <http://eab.ege.edu.tr/pdf/81/C8-SI-M14.pdf>